

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Нам 50!

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

7/2008

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет журнала “Философские науки”

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Мионов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция журнала:

Аршинов В.И., Водолазов Г.Г., Ермишин О.Т., Пантин В.И.,
Розин В.М., Северикова Н.М., Федоров В.М.

Ответственный секретарь: Пружинина А.А.

Верстка: Русак И.Ф.

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

<http://www.academyRH.info>

E-mail: academyRH@list.ru

Журнал включен в «Реферативный журнал» и
в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписные индексы журнала:

– в Объединенном каталоге “Пресса России” 45490

– в Каталоге российской прессы “Почта России” 79007

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 10.08.2008 г. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП

«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

© Философские науки, 2008

© Академия гуманитарных исследований, 2008

© Издательский дом «Гуманитарий», 2008

ISSN 0235-1188

ОГЛАВЛЕНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Философия самосознания ■

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	Российское самосознание: пути развития и методы исследования	5
<i>Х.Э. МАРИНОСЯН</i>	Национальное самосознание в эпоху глобализации	9
<i>С.С. НЕРЕТИНА</i>	Памятка о гражданском обществе	23
<i>И.Н. СИЗЕМСКАЯ</i>	Мессианизм как форма русского самосознания	39
<i>А.Р. ГЕВОРКЯН</i>	Национализм и космополитизм как две стороны либерализма	53

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Парадигмы цифрового мира ■

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	Философские проблемы постнеклассических практик	77
<i>Е.И. ЯРОСЛАВЦЕВА</i>	Коммуникативные стратегии человека в современном мире	79
<i>В.И. БАТОВ, В.В. МУРОМЦЕВ, А.В. МУРОМЦЕВА</i>	Виртуальная коммуникация как феномен культуры	98
<i>С.В. КУВШИНОВ</i>	Компьютерные сети и гуманитарные науки: исторический аспект	108

С.В. КРИЧЕВСКИЙ

Аэрокосмическая
деятельность в XXI веке:
социально-философский
анализ и междисциплинарный
прогноз 127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзоры, объявления, сообщения ■

Н.Д. ШМЕЛЕВА,
Ю.Г. РОССИУС

Проблемы российского
самосознания в контексте
межкультурного
взаимодействия 143

Наши авторы 159

Contents 160

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения материалы, отправленные только по адресу электронной почты журнала (формат MS Word 2,6/7, для архивирования использовать формат ZIP) с обязательным указанием Ф.И.О. автора, места его работы, ученой степени и звания, домашнего адреса, телефона, e-mail. Объем принимаемых материалов – до 40 тыс. знаков (вместе с пропусками).

Цитируемая литература должна быть приведена в конце текста и оформлена в соответствии с ГОСТ 7. 1-2003. В тексте приводится лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, в соответствии с которой в конце текста нумеруется цитируемая литература с указанием соответствующих страниц издания или примечания.

Материалы, полученные редакцией, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий, прочих сведений и соответствие ссылок оригиналу. Редакция при подготовке материалов к публикации имеет право их сокращать, разумеется, без искажения идей автора и с условием сохранения его основных мыслей и стиля. Позиции редакции и авторов не всегда совпадают.

Журнал является безгонорарным.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ**

Философия самосознания

**РОССИЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ:
ПУТИ РАЗВИТИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В последнее время вопросы российского самосознания стали предметом широкого обсуждения, привлекли внимание специалистов разного профиля – философов, историков, политологов, культурологов, социологов, психологов, филологов. Этот факт обнаружил не только общественно-политическую актуальность темы, но и настоятельную необходимость разработки адекватной современному общественно-научному методологии исследования проблемы. Именно это обстоятельство определило выбор данной темы в качестве сквозной для Всероссийских ежегодных конференций, проводимых Институтом философии РАН совместно с научными центрами регионов России (2006, Москва – Орел; 2007, Москва – Тамбов; 2008, Москва – Пенза)¹. Конференции выявили узловые вопросы темы, которые требуют своего осмысления с позиций современного общественно-научного познания. О них говорили в своих выступлениях В.М. Межуев («Всечеловеческое и самобытное в российском самосознании»), Е.С. Строев («Проблемы российского самосознания»), С.А. Никольский («Об особенностях русского самосознания и способах его постижения»), А.А. Кара-Мурза («Диалектика “европеизма” и “самобытности” в отечественном интеллектуальном наследии»), В.С. Васютин («Проблемы толерантности межнациональных отношений в российском сознании»), И.К. Лисеев («Национальный менталитет и национальная идея России»), Э.Ю. Соловьев («Самосознание против самолюбования»), Н.И. Лапин («Россия на современном этапе изменений общества: самооценки и самочув-

¹ Обзор конференций см.: Философские науки. 2008. № 7. С. 143–158.

ствии»), И.Н. Сиземская («Русская историософия как форма выражения национального самосознания»). В центре обсуждения был вопрос о факторах формирования и роли национального самосознания в жизни современного социума, о специфике его рассмотрения в рамках философского подхода к проблеме.

В философском плане проблема связана с обращением к анализу важнейших механизмов развития культуры — как в ее национальных формах, так и в общечеловеческих проявлениях, поскольку национальное самосознание традиционно для социально-философского знания рассматривается как социокультурный феномен, как важнейшая составляющая культуры. Его исходными являются те структурные элементы, которые исторически закрепляются в традициях, обычаях, образе жизни, характере народа, но очевидно, что их простая совокупность еще не образует национального самосознания. Поэтому немаловажное значение имеет вопрос, с какого момента этнопсихологические особенности народа трансформируются в национальное самосознание, какие структурные элементы его жизнедеятельности определяют его появление и дальнейшее историческое развитие, через какие формы общественного и индивидуального бытия оно проявляется? От ответа на этот вопрос зависит, будем ли мы квалифицировать различные формы этнографического партикуляризма, культивирование особенностей семейных, межличностных отношений и т.п., в качестве естественного стремления народа сохранить свою национальную самобытность, или как проявления своего рода культурного консерватизма, тормозящего его включение в процессы, характеризующие развитие современного мира. Чем отличается этот консерватизм, принимающий нередко форму национализма, от желания остаться жить в исторически сформировавшейся национальной культуре, дающей реальное ощущение принадлежности к определенному сообществу, без чего невозможно полноценное существование человека, ибо в противном случае он просто «потеряется» в том обилии контактов, в которые включен сегодняшним ритмом жизни? Поиски ответов на эти вопросы приводят к признанию, что

фактором, определяющим проявления позитивного национального самосознания является пробуждение в народе осознания себя и своей культуры как **соравной** культуре других народов, ощущение своей причастности к духовному и цивилизационному развитию всего человечества. Только на базе такого «видения себя» формируется национальная общность, необходимое ощущение национальной идентичности и рефлексизирующее сознание народа, т.е. осознание себя как отличного и одновременно тесно связанного с другими. Только при этом условии, говоря языком историософии, становится возможным то «всеединство», когда целое существует не за счет всех, а индивидуальное находит адекватное своей природе существование во множестве.

Другой немаловажный аспект проблемы связан с необходимостью учета особенностей культурно-исторического контекста, в котором происходит формирование национального самосознания. Русское самосознание развивалось «под знаком» диалога с Европой, в русле историософских размышлений о культурной и цивилизационной идентичности, основание которой находилось в православии. Истоки этих размышлений уходят к хорошо известной идеологеме «Москва — третий Рим», сформулированной в XVI в. старцем Елизарова монастыря Филофеем, а развернутое обоснование — к концептуальному осмыслению проблемы в XIX в. славянофилами. Последние видели за противоположностью России и Европы антитезу «принуждающей власти и творческой свободы». Поэтому диалог был, по сути, разговором о том, чем должна руководствоваться нация, если хочет жить не только «по разуму», но и «по совести», если хочет сочетать в своем общественном бытии закон и порядок с моральными заповедями христианства. Проблемы национального самосознания, таким образом, увязывались с идеей универсальной цивилизации, способной объединить народы всего мира. Правда, в таком замысле была своя «ловушка», в которую попали поздние славянофилы: общечеловеческое начало при определенной системе доводов превращалось в национальное, касающееся только одного народа, а именно — рус-

ского. Не стоит забывать также, что славянофильский спор с европейской культурой сопрягался и с официальной триадой «Православие – самодержавие – народность». Такая ситуация актуализирует вопрос: кто является субъектом национальной идеи? Народ, творческая и образованная часть его (мудрецы-мыслители, интеллигенция), государство, «вожди нации»? Насколько национальная идея, овладевающая общественным сознанием, является выражением тех ценностных ориентаций, духовных традиций, особенностей национальной ментальности и национальной культуры в целом и во всех ее отдельных проявлениях, которые определяют «лицо» нации, ее национального самосознания? Окончательные, однозначные ответы на эти вопросы и на сегодняшний день отсутствуют.

Вот почему проблемы развития и методов исследования российского самосознания нуждаются в дальнейшем коллективном обсуждении, в достижении некоторого консенсуса по выявившимся позициям.

От редакции

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Х.Э. МАРИНОСЯН

Невзирая на то, что за последние годы во всем мире проводились многочисленные исследования и на сегодня издано колоссальное количество научной, учебной, справочной, научно-просветительской и художественной литературы, общепринятой теории глобализации все еще не создано, и, как считают некоторые исследователи, в обозримом будущем создано не будет¹. В то же время в научном сообществе доминирует мнение, что набирающий силу процесс глобализации человечества угрожает существованию наиболее распространенных форм политического, политико-правового и политико-социокультурного общежития большинства людей – «нациям» и «национальным государствам». Под воздействием финансово-экономической, политической и социокультурной глобализации², как считают многие исследователи, эрозии подвергается духовная скрепа наций и национальных государств – «национальное самосознание» образующих их народов, основой которого была и остается «национальная идентичность» каждого из нас.

Становится все более очевидным, что мы являемся свидетелями глобального кризиса традиционных, прежде всего национальных идентичностей.

Почти повсюду, отмечает Самюэль Хантингтон, «люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции, меняют точки зрения. Кто мы такие? Чему мы принадлежим? Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как «народ в поисках идентичности», теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай «ведет борьбу за национальную идентичность» с Тайванем... В Сирии и в Бразилии налицо «кризис идентичности»³. Такой же кри-

зис, продолжает автор, испытывают Алжир, Германия, Турция, Мексика, Великобритания. В итоге, делает вывод Хантингтон, почти повсеместно, не исключая США и России, идет процесс «фрагментации национальной идентичности», которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным»⁴ вследствие открытости границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств инокультурных диаспор, не желающих интегрироваться в национальную культуру и овладевать национальным самосознанием.

Не оспаривая общего вывода Хантингтона об угрозах политического и культурного единства состоявшимся нациям, которые несут с собой современные модернизация и глобализация, следует подчеркнуть, во-первых, что в большей степени эти угрозы опасны не США, а полиэтническим странам с исторически закрепленными территориями компактного проживания этносов, а во-вторых, — национальная идентичность может не только утрачивать значимость и дробиться на этнические составляющие, но и укрепляться под воздействием процессов глобализации, рождая как «свое иное» многоликий национализм. Способно ли, под воздействием символического насилия современной евро-атлантической формы глобализации⁵, выстоять и сохраниться национальное самосознание большинства народов планеты? Или оно будет утрачено и заменено культурными и политическими идентичностями более высокого порядка — «глобального», «общеевропейского», «регионального» и иного? В значительной мере содержание ответов на эти и связанные с ними вопросы зависит от смыслов, которыми обременены понятия «идентичность» и «идентификация».

Известно, что универсальной, архетипической формулой самосознания и самоидентификации любой общности людей является формула «мы», включающая представления об антропологических, языковых, культурных и других консолидирующих признаках. Однако процесс групповой иден-

тификации, самоопределения «мы» с необходимостью предполагает, как писал Д. Мид, распознавание позитивно или негативно значимых «обобщенных других». Иначе говоря, «мы» с необходимостью предполагает психологическую оппозицию – «они» (включающую представления о дифференцирующих признаках) потому, что общность «мы» просто не может быть определена иначе – вне «значимого другого» (Т. Парсонс). «Они» – это социальная (этническая, национальная, политическая и др.) общность, имеющая иной, более или менее отличный, образ жизни, язык, культуру, иные экономические, политические и другие интересы и цели, иные ценности и имидж⁶.

В литературе существует множество типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Самыми фундаментальными признаются расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей. Но что собой представляют идентичность и процедура идентификации «как таковые»?

Итак, какое содержание вкладывают психологи и современные этнологи в понятия «идентичность» и «идентификация»?

Понятие «идентификация» впервые, в 1921 году, было введено в научный оборот Зигмундом Фрейдом в работе «Психология масс и анализ человеческого Я», где, солидаризуясь с Ле Боном, основоположник психоанализа утверждал, что каждый индивид есть частица множества «масс», связанных посредством сети идентификаций. Поэтому человек строит свой идеал «Я», руководствуясь множеством образцов и моделей поведения, которые он выбирает более или менее сознательно. Функция процесса идентификации, по Фрейду, двойственна. Во-первых, идентификация включена в процесс социализации человека. Во-вторых, она выполняет защитную (адаптивную) функцию. Разрыв идентичностей, даже их ослабление преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный

мир. У человека создается впечатление, что он один перед лицом опасности, он превращается в антисоциальное существо, руководствующееся в поведении формулой «Каждый за себя!». Это состояние З. Фрейд назвал «психологической нищетой масс»⁷.

В 1960-е годы концепция идентичности получила всестороннее развитие в работах известного американского социального психолога Э. Эриксона. В противоположность представлениям классического психоанализа об антагонизме личности и общества, Э. Эриксон особо подчеркивал адаптивный характер поведения индивида, центральным интегративным качеством которого и выступает идентичность. Он определяет это понятие как аспект самосознания, выраженный в чувстве органической принадлежности индивида к его исторической эпохе, в том числе и формам межличностных взаимодействий, свойственным данной. Идентичность личности предполагает, следовательно, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека, принятие ею социального бытия как своего⁸.

Идентичность рассматривается Э. Эриксоном в двух аспектах. Во-первых, это «*Я-идентичность*», которая, в свою очередь, состоит из двух компонентов: «органического», т.е. данности человеку его физического внешнего облика и природных задатков, и «индивидуального» — осознания им собственной неповторимости, стремления к развитию и реализации собственных способностей и интересов. Во-вторых, это «*социальная идентичность*», которая также подразделяется на «групповую» и «психосоциальную». «Групповая идентичность» рассматривалась Э. Эриксоном как включенность личности в различные общности, подкрепленная субъективным ощущением внутреннего единства со своим социальным окружением. А «психосоциальная идентичность» это то, что дает человеку ощущение значимости своего бытия в рамках данного социума и с точки зрения социума⁹.

Здесь следует подчеркнуть один принципиальный момент: индивидуальная и групповая идентичность это как две стороны одной медали. Индивидуальная идентичность яв-

ляется видом групповой идентичности, существующей в воображении индивида, а групповая – это совокупность общепринятых норм и образцов, берущих начало в поведении отдельных людей. Не случайно поэтому понятие «идентичность» так широко используется и в социальной психологии (эгопсихологии), и в социологии (социальной антропологии, символическом интеракционизме), и в философии (феноменологии), и в этнологии, и в политических науках. Но вернемся к процессу идентификации, который довольно изменчив.

Стабильность идентификации обеспечивает способность человека достигать гармонического соотношения между собственным представлением о себе и представлениями других, между социальным и индивидуальным «Я». Однако эта способность может быть реализована лишь в процессе адаптации. И поскольку в ходе развития людей их идентичность «испытывается» реальностями изменяющегося внешнего мира, адаптация представляет собой крайне сложный процесс, не исключая психосоциального кризиса, который выражается в активном осмыслении своего места в мире, своих целей, стремлений и отношений с другими.

Кризис вызывают и у индивида, и у группы сходные реакции – фрустрацию, депрессию, агрессивность, внутренний конфликт. Тем не менее, по Э. Эриксону, психосоциальный кризис – неизбежный этап на пути саморазвития личности к обретению новой, более зрелой идентичности. Он же подчеркивал тесную связь кризиса идентичности с кризисами общественного развития. Как правило, кризис идентичности наступает тогда, когда (начинающийся под влиянием острого социального кризиса) распад идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее доминировавшей политической культуры, вынуждает людей искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в меняющемся социуме, связей с государством и окружающей социальной средой¹⁰.

В контексте нашего исследования это обстоятельство имеет большое значение, позволяющее конкретизировать влияние глобализации на трансформацию этнических и

национальных идентичностей, изменение их структуры. Дело в том, что в структуре идентичности наличествуют позитивные и негативные элементы. Формирование идентичности всегда сопровождается противоборством этих двух составляющих. В зависимости от силы общественных трансформаций и социальных противоречий, вызываемых, в частности наплывом инокультурных мигрантов, поглощением национальных компаний ТНК или иными последствиями современной глобализации, возможно возникновение ситуации, когда у значительных групп людей происходит переструктурирование идентичности: ее негативные элементы выходят на передний план – за пределы позитивной идентичности.

Таким образом, идентификация невозможна вне сравнения, вне коммуникации. Только в результате взаимодействия (прямого и опосредованного) с иной группой данная общность обретает свои «особые» признаки. Поэтому, считают психологи, *идентичность – символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других*. При этом **позитивная идентичность** – это, прежде всего, осознанная общность с позитивно значимыми другими (с «мы»), без жесткого противопоставления «мы» – «они». А **негативная идентичность** – это консолидация общности «мы» на основе тотальной оппозиции негативно значимым другим – «они». В этом случае общность «мы» возникает и существует преимущественно благодаря жесткому противостоянию общности «они». И если по каким-то причинам негативный образ «они» подвергается эрозии – исчезает и фундамент такой идентичности¹¹.

Итак, негативная идентичность строится по схеме «я/мы-они» и содержит либо неприятие (или отрицание) того или иного социального явления, либо тотальное противопоставление «нас» – «им». Негативную окраску идентичность обретает у тех индивидов, социальных групп и социальных общностей (племен, этносов, наций), которые усматривают во вновь возникающих формах социальной и политической жизни не дополнительные возможности для личного существования и саморазвития, а «обман» населения «коррумпированными правящими элитами», происки

«врагов» (внешних и внутренних), а то и «заговор» против «народа» или «нации». В случае затяжных финансовых или экономических кризисов, периодически повторяющихся в глобальной экономике и особенно больно бьющих по странам «третьего» и «четвертого» мира, национальная идентичность строится из элементов отрицательной идентичности по схеме «свой – чужой». И тогда подавленная отрицательная энергия рождает всплески национализма самого разного толка, находит выход в поддержке массами психопатических лидеров, социальным основанием существования которых является именно негативная идентичность.

В контексте нашего анализа это означает, что идущие с разной степенью интенсивности в разных странах и разных сферах международной жизни процессы глобализации человечества на основе евро-атлантической цивилизационной модели развития могут не только, как полагает Хантингтон, разрушать национальное самосознание населения полиэтнических национальных государств за счет распространения западной (прежде всего североамериканской) «мас-культуры», но и актуализировать национальные идентичности на основе негативных представлений о «них». Кроме того, каждый индивид, как уже отмечалось, является носителем комплекса многочисленных, иерархически связанных идентичностей, часть из которых актуализируется вместе с изменением географического, политического и социокультурного пространства его жизни. Но поскольку процедуры индивидуальной идентификации осуществляются в чувственно-эмоциональной и когнитивной формах, включая в себя мысленное отнесение к «группе», содержание полученного в акте самосознания ответа на вопрос: «Кто Я (Мы)?» в полной мере зависит от ценностно-оценочных представлений и знаний о «Них». В конечном счете, идентичности представляют собой индивидуальные и групповые конструкты – вербализованные результаты отнесения к «воображенным общностям» (Б. Андерсон), определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным «багажом» и наличествующим в данный момент «окружением»: политическими ландшафтами, информационными и культурными «пространствами», в

которые индивиды и группы вынужденно помещены и в которых они существуют. Поэтому главные угрозы национальной идентичности в эпоху глобальных трансформаций исходят не только от потока инокультурных мигрантов, этнокультурного и политического сепаратизма. В современном мире интеллектуальные, политические и культурные вызовы национальной идентичности идут от целенаправленно развивающегося глобального экономического, политического и информационно-культурного (символического) «насилия». Властно формирующего «новые» – транснациональные (культурные и политические) – идентичности, и реанимирующего «старые» архаичные (субнациональные, мифопоэтические, религиозные) идентификации, сочетания которых в индивидах и группах весьма причудливы и разнообразны. Возникновение и тех, и других в современных развитых и развивающихся странах связано с формированием массовой мультикультурной среды существования, появление и распространение которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

Социокультурная интеграция при участии государственных структур всегда сопровождала глобализационные процессы. Но сегодня «символическое насилие» получило новый импульс, более того, стало чем-то естественным, перешло на уровень фона, социальной атмосферы. Добиваться экономических успехов, воздействуя на сознание, оказалось эффективнее, чем трансформировать физический материал. Здесь и таятся социокультурные угрозы национальному государству как политической форме евро-атлантической цивилизации. Формирование идентичности ускользает из его рук. Интеграционные процессы по формированию глобальных транснациональных идентичностей идут в массовом сознании как через воздействие «информационного империализма», так уже и через его самоорганизацию. А со стихийной перестройкой сознания совладать

весьма сложно. Этнос эффективности, погони за успехом, престижем, трансформирует наличные идентичности, «сегрегирует» их по выражению З. Баумана¹². Эталоном здесь выступает транснациональная идентичность глобальной буржуазии, которую тот же З. Бауман назвал космополитизмом «туриста». В результате социокультурное развитие человечества сегодня идет как противостояние транскультурной идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских, имеющих привязку к национальному государству¹³.

Каковы перспективы этого противостояния? Думаю, что нивелляторский потенциал транснациональной и транскультурной идентичности невелик. Присущие этой идентичности меркантильность, стандартизация и общекультурная ограниченность не создают необходимого поля притяжения, которым в свое время обладали общенациональные идентичности национальных государств по отношению к этнолокальным идентичностям. Имперская мифология США, которые мифологизируют и свою реальную историю, но еще более конструируют истории вымышленные – интегратор низкого потенциала в силу своей примитивности. А главное – вторичности: Голливуд с назойливостью творит имперский миф из заимствованных культурных образцов¹⁴. Для истинной империи, даже для национального государства, воздействующего на окраины, это не характерно. Они всегда были оригинальны в социокультурном отношении – это залог успеха. Отсутствием оригинальности объясняются такие черты голливудской мифологии, как агрессивность и перемещение событий в некую сверхреальность.

В этих условиях национальные культуры продолжают оставаться мощным фактором мирового развития.

Это не просто мультикультурализм, а позитивное многообразие. И здесь велико значение национального государства, которое должно, как пишет А.А. Галкин, «не только оборонять свою идентичность от культурной и псевдокультурной экспансии, но и способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности»¹⁵. Примером позитивного сохранения культурной идентичности в условиях давления

космополитической культуры является, благодаря помощи своего национального государства, французская культура. Национальным государствам, если они ответственно подходят к вопросам идентичности, необходимо осуществлять контроль за информационными потоками. В каком-то смысле этот контроль является защитой демократии. Н. Стивенсон совершенно справедливо пишет, что работа правительства, направленная на укрепление у населения чувства единой судьбы и культуры, является одной из центральных задач¹⁶. Отсюда важность культурной политики национального государства, по крайней мере, в отношении элитных образцов, символов национальной культуры. Зрелые национально-культурные идентичности приобретают непреходящую ценность в глобальном мире.

Перспективы социокультурного развития в условиях глобализации зависят от того, готова ли евро-атлантическая цивилизация к реальному межкультурному диалогу. Такой диалог в глобализующемся мире становится императивной необходимостью. Следует согласиться с Ю. Хабермасом в том, что поддержание национального в глобальной культуре имеет сегодня не угасающее, а, напротив, усиливающееся значение¹⁷. Рыночные формы общечеловеческого далека не всегда способствуют продуктивному диалогу культур. В этих условиях нация-государство выполняет гуманистическую функцию сохранения социокультурной исторической памяти, и социального пространства, где эта память «обитает» и воспроизводится в новых поколениях. Противоречивой формой взаимодействия национального и наднационального является формирование «европейской идентичности» в ходе реализации проекта единой Европы. Пока в целом это единственный позитивный пример подобного взаимодействия.

Более глобальные формы идентичности пока что проблематичны. Хотя в литературе активно обсуждается идущая еще от Канта идея «глобального гражданства». Особенно активно эту идею сегодня обосновывает Ю. Хабермас, исходя из собственного, гражданско-правового, понимания нации¹⁸. М. Эван считает, что глобальное гражданство возможно по принципу автоматического его получения вместе

с получением гражданства страны-члена ООН или же в форме индивидуального членства в ООН¹⁹. В отечественной литературе тезис о возможности глобального гражданства обосновывает М.В. Ильин, утверждая, что перемещения по миру должны быть урегулированы таким образом, чтобы комплекс прав и обязанностей индивида мог реализовываться независимо от его места пребывания, а гражданин мирового сообщества мог бы свободно осуществлять выбор этого самого места. Нам ближе позиция Б. Межуева и С. Градировского, которые настаивают на утопичности конструкции глобального гражданства. Реальная перспектива глобализации должна быть связана скорее со сложным взаимодействием наднационального, национального и локального уровней. Любая попытка реализации принципа глобального гражданства может привести к непредсказуемым последствиям. По мнению Р. Харви, многие существующие национальные государства — это псевдоимперии. В том же смысле высказывается и Б. Нитшман, указывающий, что «большинство государств представляют собой не что иное, как непрочные, централизованные и экспансионистские империи, навязанные национальностям вопреки их воле и сохраняющие целостность лишь благодаря законам, силе и патриотическим символам»²⁰.

Сегодня в условиях отсутствия блокового контроля многие этносы стремятся к независимости. История учит, что это обратимый процесс. И его приостановка предохранит от многих социальных издержек. Провоцировать на сепаратизм с помощью призрака глобального гражданства в условиях нестабильного мира крайне нежелательно. Если не все национальные государства перешли из состояния формального в реальное, то предпочтительнее предоставить им время и возможность для этого. Можно, конечно, пытаться «вырваться из западни национального», как это предлагает, например, У. Бек, и «преодолевая националистический фанатизм», создавать «сугубо конституционным, правовым путем» «наднациональные идентичность, культуру и государственные структуры». Но вряд ли «обретение национальными государствами космополитического характера» станет «ответом на вызовы глобализации»²¹. «Сугубо пра-

вовой» подход к проблеме не учитывает общей логики глобализационного процесса: перехода от политической к социокультурной интеграции человечества, способной реализоваться лишь во взаимном диалоге культур и цивилизаций.

Пока символическому насилию евро-атлантической формы глобализации наиболее успешно противостоит «китайско-конфуцианская» цивилизация, хорошо сочетающая традицию и современность²², в горизонте сохранения национальной идентичности. Метанарратив, который окончательно примиряет традицию и западную «современность» в данном культурном ареале, — «это, безусловно, *идея национального успеха* — не марксизм-маоизм и не либеральная демократия, а именно такая специфичная форма национализма послужила залогом того, что традиционные и современные институты достаточно гармонично работают в одном направлении»²³. На этом фоне перспективы России как особой локальной цивилизации, так и не решившей спор «западников» и «славянофилов», но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны.

В нашей стране евро-атлантические ценности и институты в массовом сознании остаются чем то необязательным и условным, а собственные традиции в ряде случаев сведены лишь к этно-рудиментарному состоянию. Сейчас они реально объединены по принципу «абсурдной дополненности», а не в стратегии строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть. Если массовая культура современной Японии представляет собой «кентаврическое образование», в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе. В итоге символическая система общества — общества с размытой национальной идентичностью — оказывается уязвимой в настоящих и грядущих культурных столкновениях стремительно глобализирующегося мира. Главное, что вызывает тревогу — это то, «что российская культура-цивилизация вступает в эти сражения, по сути, символически обезоруженной, с «голыми руками» и в своей деконструирован-

ной беззащитной «телесности» (А.С. Панарин). Шансы такого символически «разоблаченного» общества перед вызовами чужих и агрессивных символических систем выглядят достаточно проблематичными»²⁴.

И в связи с этим чрезвычайно актуально рассматривать национальное самосознание, а правильное, само формирование национального самоосознания как адаптивно-защитную функцию общества, а в масштабе государства — как важнейшую общенациональную адаптивно-защитную функцию, судьбоносно необходимую в современную эпоху — эпоху глобализации.

Примечания

- ¹ Процесс глобализации, отмечает В.Л. Иноземцев, не может быть описан строгой теорией, поскольку глобализация «основана на привлекательности образов, которые мастерски создает, и на стохастических действиях миллиардов людей, которые и определяют тенденции, неизвестные ее «архитекторам» (*Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 37*).
- ² Выразившейся в формировании международных рынков, «свободном движении» капиталов (экономических, политических, символических), увеличении потоков информации, мигрантов и туристов, образовании «транс», «интер» и «над» национальных финансовых, экономических и политических институтов и т.д.
- ³ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 34 — 35.
- ⁴ Там же. С. 36
- ⁵ Подробнее об исторических формах глобализации см.: *Гранин Ю.Д. Глобализация или «вестернизация»? // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3 — 16*.
- ⁶ Архетипическая оппозиция «мы — они» лежит и в основе этнического самосознания, этнических отношений. Причем этот архетип является одним из самых древних. Так, Б.Ф. Поршнев полагал, что это психологическое размежевание, возможно, является отпечатком опыта столкновения первых людей со своими животными предками, которые воспринимались как опасные и враждебные «нелюди» или «полулюди» (подробнее см.: *Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 83; Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997. С. 477 — 480*).
- ⁷ *Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Я и ОНО. Соч. М. — Харьков, 2001. С. 801 — 807*.
- ⁸ См.: *Erikson E. Insight and Responsibility. N.Y., 1964. P. 203 — 204*.
- ⁹ *Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things: Selected Papers (1930 — 1980) / Ed. by S. Schlein. N.Y., 1995. P. 675 — 679*.

- ¹⁰ См.: Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. С. 340 – 351.
- ¹¹ Правда, политическая практика современной России в сфере межнациональных и межэтнических отношений свидетельствует, что один негативный образ «они» может быть достаточно легко заменен другим.
- ¹² См.: Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004. С. 101
- ¹³ См.: Журавский А.В., Садов О.В., Фетисов А.В. Субъекты миропорядка XXI века // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С. 77.
- ¹⁴ См.: Sardar Z., Davis M. Why Do People Hate America? Cambridge, 2002. P. 141; Пономарева Д. Киноимперскость // Политический журнал. 2005. № 24.
- ¹⁵ Галкин А.А. Национальное государство в изменившихся условиях // Транснациональные процессы: XXI век. М., 2004. С. 18.
- ¹⁶ См.: Stevenson N. Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. quart. Berkeley (Cal.). 1997. Vol. 38. N. 1.
- ¹⁷ Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
- ¹⁸ См.: Хабермас Ю. Вовлечение Другого. СПб, 2001.
- ¹⁹ Evan W.M. Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // Human relations. N.Y. – L., 1997. Vol. 50. N. 8.
- ²⁰ Neitschmann B. The fourth world: Nations versus states // Reordering the world: Geopolitical perspectives on the twenty-first century. Boulder, 1994. P. 238.
- ²¹ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2004. № 7. С. 56.
- ²² Под лозунгом «Японский (китайский, корейский) дух – западные знания».
- ²³ Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 38.
- ²⁴ Там же. С. 39.

ПАМЯТКА О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

С.С. НЕРЕТИНА

Опознание в прошлом своего собственного или не своего собственного, но того, что вошло в сознание человека и ранит его, устанавливает с этим прошлым партнерские отношения, носящие характер взаимопомощи и взаимобоснования, в диалоге с которыми, но с новыми обоснованиями, вырастает новая вещь. Прошлое, даже не свое, может затронуть так, что ты уже не можешь мыслить или действовать иначе, как с его учетом. Возврат к прошлому (новых поколений и новых социальных сил) оказывается возможным, что бы ни говорили историки и философы о необратимости времени, и в силу плохо опознанного своего, и в силу того простого эмпирического факта, что до сих пор сохраняются одни и те же формы правления – установленные издревле монархии, тирании-деспотии, олигархии, демократии в их, отклоняющихся от образцовых, формах. Даже термин «гражданское общество» из весьма далекого далека. И почему-то к нему тянутся уши и души современников, если не зарубежных, то наших российских. Впрочем, сейчас, когда огромный процент населения западноевропейских стран составляют выходцы с Востока, этот вопрос стал заново актуален и для них. Выступление архиепископа Кентерберийского в этом году по поводу пересмотра законодательной политики, по крайней мере, Великобритании и признания в рамках принципиальных законов зоны действия мусульманского права, весьма показательны.

Весьма показательны и то, что вопрос о гражданском обществе в России, вплотную вставший с начала XX в., ставился в связи с вопросом об одряхлении монархической формы правления и, как следствие, о смене самой этой формы. Единодушного решения о том, какой она должна быть, не было: то ли конституционная демократия, то ли конституционная монархия, то ли республика Советов. Дряхлость монархии, усугубленная Первой мировой войной, всеобщим обнищанием и нарастанием революционной ситуации, привела к установлению тоталитарного режима такой степени,

что возникшие при абсолютизме вопросы, были сметены в корзину. Когда через 70 лет после Октябрьской социалистической революции они возникли вновь, то, хотя возникли они в стране, пережившей худшие формы репрессивного государства, геноцид собственного народа, колхозный строй и полувоенную индустрию, их стали обсуждать так, как если бы точкой отсчета стало начало XX в.

Между тем, это была другая страна, где были не только уничтожены упования на новую экономическую политику, необходимость которой была засвидетельствована реформами, к примеру, П. Столыпина (сейчас нас не интересует их эффективность или неэффективность – речь только о необходимости), но даже те основы, на которых зиждилась собственность и политические структуры. Не стало – крупной ли, мелкой – крестьянской земли, больших поместий, частных индустрий, земства, возникающей правовой ответственности. Разговор о гражданском обществе шел или с оглядкой на Коммунистическую партию Советского Союза, или с оглядкой на предложения, выраженные в сборнике «Вехи» и т.п. То, что в 60 – 80-е годы XX в. имело смысл неосознанной внутренней эмиграции, в конце Восьмидесятых годов после крушения советской системы стало без особой рефлексии восприниматься (прежде всего интеллигенцией) как то, что сейчас же и сию минуту нужно установить. При этом правильные и нужные слова давно уже были найдены, им внимали с восторгом и упоением именно потому, что, казалось, давно ставшее всеобщим ментальным достоянием, вот-вот станет реальностью.

И хотя одновременно шел не столько анализ, сколько эмпирическая фиксация исторических фактов террора сталинско-нацистского XX в. (с его установкой на геноцид), в связи с чем возник вопрос о конце не только философии и истории, но и старых определений человека, все же справиться с мыслями о ГУЛАГЕ и Освенциме ни философы, ни историки не смогли. Предпочтение – именно потому, что анализ не справлялся с пережитым ужасом – было отдано началу века, когда возникал тот (виртуальный) образ общества, при котором, казалось, этого ужаса можно было избежать. Не сознание, а критическая и аналитическая мысль

обошла его стороной, думая, что можно вернуться к старому началу, чего быть уже не могло.

Недавно по телевидению показывали два фильма: «Заговор» и «Гибель империи. Византийский урок». В первом речь шла о *правовой* и *неправовой* подоплеке уничтожения евреев в Германии в 1941 г. после принятия Нюрнбергских законов. Фильм основан на документальном материале, но не это важно. Важна прежде всего проблема *правовых и философско-языковых акцентов*, проставленных создателями фильма, ибо именно они играли в нем едва ли не решающую роль. При признании, например, синонимами терминов «эвакуация» (от лат. «vacuum» — «пустота») и «ликвидация», сохранились бы и всеобщее спокойствие после исчезновения в результате эвакуации множества людей, и возможность после этой акции передать абсолютно по праву наследство отца с такой-то частью еврейской крови, которая позволяла его считать неарийцем, сыну, у которого часть еврейской крови такова, что позволяла его считать арийцем.

Возможность правовой подоплеки бесправных действий заставляет заново поставить вопрос об истории, о законе и о том, что такое высший закон как высшее благо — чем именно оно является. По Аристотелю, оно — бытие, а бытие позволяет включать в себя вещи определенные *вместе* с неопределенностью, в которой нет ни блага, ни зла, т.е., что у К. Поппера, например, названо а-морализмом¹.

Именно в этом — проблема. И эту проблему усилил другой недавний фильм «Гибель империи. Византийский урок». Византия в этом фильме представлена только и исключительно сквозь призму православия и имперского правления (автор фильма искренне считает, как он о том сказал во время телеобсуждения, что это единственная приемлемая для России форма), потому любые упоминания об экономике, политике кажутся там лоскутными заплатками на дорогостоящем сукне. При этом не было проведено никакого контекстного анализа, а упомянутые в нем факты были специально подогнаны под весьма незамысловатую современную идеологему: засилья олигархии, ее предательства православной власти, демографического кризиса, связанного с повальным обнищанием населения, низкопоклонства перед

Западом и пр. История Византии оказалась списанной с истории России второй половины 80-х годов XX в. — первых лет второго тысячелетия. Не история России как Третьего Рима списывалась с истории Рима Второго, а Второй списан с Третьего. Это и не редукционизм, ибо здесь все перевернуто, не переписывание истории с помощью перестановки одних и тех же элементов, а полное сминание истории в требование политического момента. Это напоминает старый библейский эксперимент, связанный со строительством Вавилонской башни. «Сойдем же, — сказал Господь, — и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого» (Бытие, 11, 7). «Язык», заметим, а не «языки». Назовем-де стол стулом, и пусть разбираются. Этот эксперимент напомнил реальные уроки истории: в середине 70-х годов XX в. в учебнике истории было сказано, что реформы Ивана Грозного были объективно прогрессивными, потому что готовили Великую Октябрьскую социалистическую революцию (1917 г.).

В конце 80-х годов XX в., когда началось обсуждение перспектив создания гражданского общества в России, подчеркивались и важная роль экономических реформ в России (прежде всего столыпинских), и роль разнообразных партий, возникших в России в начале XX в., выдающаяся роль интеллигенции в этом процессе. Во время этого обсуждения понятие интеллигенции, которую отличает от любой другой общности опора на либерализм и нравственные устои подверглось анализу и критике, как и ее способности решать поставленные ею же задачи. Но не были поставлены или были поставлены слабо вопросы не о нашем желании (на словах все желают) или готовности к гражданскому обществу, а о наших политико-экономических основаниях, сложившихся не к началу XX в., а в результате XX в., которые надо учитывать при создании такого общества. Сейчас, правда, о нем говорят все реже, без должной питательной базы эта идея тоже несколько отяжелела, она поднимает голову, как в пароксизме, потому что то тут, то там вдруг заново возникает вопрос о необходимости строить общество на демократических началах. И это при том, что позиции автора «Византийского урока» уютно расположились на

холмах все чаще являющегося Третьего Рима. Напоминание о гражданском обществе, однако, необходимо хотя бы потому, что не всем уютно в предлагаемом уюте.

Гражданское общество появилось там, где уважалась собственность, право и законы, применение и исполнение которых были неукоснительны. Право же, как оно сложилось в России, несмотря на обилие законов и судебных актов, издаваемых после XIV в., не обладало такой неукоснительностью, а без этого любой разговор о гражданском обществе — маниловщина. Можно вести речь о структурных, социальных, политических и прочих характеристиках социума, но не об обществе самостоятельных и независимых правовых субъектов.

При этом мы, не имеющие такого общества, называем цивилизацией, т.е. гражданским образованием (от лат. *civis* — гражданин), любое долговременно существовавшее государство, будь то Египетские царства или Урарту (недавно удалось увидеть даже такое словосочетание, как «*мусульманская цивилизация*», т.е. не гражданское образование, а религиозное, по сути своей сакрализирующее все, с чем имеет дело). Употребив же термин «цивилизация», мы часто употребляем в качестве высшей стадии ее развития термин «культура», забыв, что сам этот термин ушел с исторического поля в IV в. н.э. как термин-носитель *ветхой* языческой философии, не ориентированной на «*нового Адама*», и вернулся лишь спустя тысячелетие². И хотя термин «гражданское, или цивилизованное, общество» как союз свободных полисных людей употреблялся еще Аристотелем, в полной мере его можно применить лишь к европейскому Новому времени, когда возник принцип свободы и равенства для всех.

В годы слома советской власти В.С. Библер выделил существенные характеристики гражданского общества, среди которых на первом месте стоит развитая промышленность, предполагающая разделение основных форм деятельности (промышленный и сельскохозяйственный труд, всеобщий труд в сфере культуры), а также «*суверенная роль свободного работника... динамика необходимого и прибавочного времени*» и свободный рынок с его разнообразием интере-

сов, ориентаций, спроса и предложения³. В этом смысле гражданское общество находится в эпицентре политэкономических и социально-исторических проблем, трансформируя их, характеризуя тем самым «не надстройку, но самую суть современного производства»⁴. Такое общество определяется как *форма общения* разных социальных групп, четко структурированных по программам и формам деятельности, обращенных на самих себя, на свои права и свободы, что освобождает их от жестких социальных сцеплений. В обществе свободно группирующихся по классовым, творческим, производственным и любым другим интересам людей меняется роль меньшинства, которое перестает быть заложником решений, принятых большинством голосов. В гражданском обществе меньшинство может быть ко всему прочему действующей оппозицией, «не отвечающей» «за власть, но отвечающей на действия власти»⁵, что, разумеется, предполагает свободу митингов и демонстраций, опору на ответственность и гласность.

Многое из того, о чем говорил В.С. Библер, можно было прочесть и раньше — в статьях юристов, экономистов, историков и философов начала XX в., особенно требование гласности, под которой понимались, прежде всего, публичность принимаемых властных решений и снятие информационной государственно-полицейской блокады. Такие требования, однако, напрочь исчезли в годы советской власти, и малейшие попытки их реанимирования кончались физической расправой. Жесткий разрыв между чаяниями неправящего большинства и грубой властной силой правящего меньшинства выражал тотальную оксюморонность СССР, позволившего разрушить или перемешать все социальные структуры, соответствующие промышленному производству (буржуазию, рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию). Но и нынешнее государство не менее оксюморонно: **внешне** смяв старую власть к 1991 г. и выразив ненависть к ее полицейским методам, народ делегировал — вполне в духе гражданского общества — свои права депутатам Государственной думы и президенту, в действиях которых обнаружилась **внутренняя** глубокая связь с прежними властными структурами. Была разрушена промышленность. Возник

странный рынок, допускающий вмешательство государства, разрушающее его основы, вывоз капитала. Слово «интеллигенция» стало почти ругательным не только в смысле советского времени («а еще шляпу надел»), но и постсоветского. Желание построить государство на демократических основах столкнулось с жесткими препятствиями ментального порядка: общество, практически не знающее, что такое демократические основы, реально решило сконструировать *несоветское* государство на усеченном *неороссийском* пространстве с учетом возможностей и потребностей в рынке с прогнозируемым и регламентируемым переделом собственности и со свободой слова без гласности или при неполной гласности. Делается это часто руками тех самых интеллигентов, которые ратовали за **неполитическое** гражданское общество, могущее появиться в соответствии с «требованиями **политической** теории марксизма» и как результат выполнения «**политической** задачи перестройки, происходящей в нашей стране **под руководством партии**»⁶.

Сейчас настрой на тотальное государственное преобразование (выраженный словом «перестройка») и образование гражданского общества сменился апатией большинства населения при одновременном политическом возвышении сложившихся групп коррумпированных политиков-бизнесменов со штампованными лозунгами, а вместе с тем трудным «низовым» повсеместным запуском производств и трезвым анализом «нашего положения», требующего — может быть, прежде всего — правового образования. В противном случае право замещается непреднамеренным беззаконием, преднамеренным обманом или преступлением, о чем говорил Гегель. Двойственная позиция государства в отношении правосознания сейчас очевидна: с одной стороны, показательные уроки судопроизводства демонстрируются едва ли не на всех каналах телевидения, с другой, происходит немотивированное поправление прав собственности.

За 90 лет, прошедших после Октябрьской революции, полностью разрушилась старая идеология. Это единственное крупное достижение последних лет требует своего анализа. Время существования советской власти определяется как время торжества марксизма, который в теории предпо-

лагал отмирание права вместе с отмиранием государства. Процесс оказался явно не синхронным. Правовой **приказ** (лат. термин *jus* – право произведен от лат. *jubeo* – приказываю, устанавливаю) успел только **показать** свою силу, поскольку советское государство развивалось от науки к утопии, у которой нет опоры в общепринятом праве. Такое государство мгновенно разворачивает два права: право силы и маргинальное право отдельных людей. Носители того и другого права оказались друг относительно друга **правопреступными**. Двоеправие стало ведущей силой советского общества: в одном случае право облекалось в форму марксистской идеологии, а в другом – международных прав человека, противостоящих этой идеологии. Но это двоеправие сыграло революционизирующую роль: оно привело к тому, что даже марксистская философия, призванная на службу идеологии, освобождалась от тождества с нею, поскольку в лоне идеологии она обязана была заниматься **критикой** своей эпохи, соответственно – не только критикой буржуазного общества, но и своего. Доведение этой критики до кульминации имело следствием ликвидацию себя как идеологии, чем объясняется огромный интерес к выросшей из анализа марксистской теории «постмодернистской» философии. Это, в свою очередь, вело к отрицанию некоего одного права на истину и к уравниванию всех типов дискурса. История, таким образом, отрывалась от опоры на закономерности, утверждая могущество «среды» и открывая равные возможности для одновременного осуществления 1) парадигмальной смены социального кодирования (как в Японии, где произошло крушение важнейшей опоры японского менталитета – военной традиции), и 2) возникновения авторитарного, в нашем случае – **неосоветского** государства.

Процесс парадигмальной смены предполагает довольно длительный «замороженный» период, когда старое сломано, а нового еще нет. Единственной общей платформой для общности людей становятся деньги. Такую властную систему можно назвать **монето- или money-кратией**. Во время такой перестройки мышление для своего постоянного обновления не нуждается ни в памяти, ни в личности, ни в вере, обеспечивая себя теми возможностями, которые свя-

заны с монетарностью. Выход через такой катаклизм опасен тем, что он открывает все пути, в том числе старые, на которых делаются попытки обновить и память, и веру, и патриотизм: это и есть авторитарные пути. При утрате опоры в социальности на этих путях обнаруживаются желание и возможность (через финансовый капитал, военную силу) навязать обществу решения, от которых оно уже, было, отказалось, но в силу «усталости» готово их принять, тем более что советизм до конца не повержен, а только прикрит. Закон о запрете неправительственных организаций, которые финансировались иностранными фондами и которые были способны служить основанием гражданского общества, стал той фишкой, которая позволяет поставить вопрос, а не является ли сама российская потребность в таком обществе потребностью гоголевского Ноздрева выговориться и надолго замолчать? Ведь не случайно термин «гражданское общество» употребляется как антоним термина «военнизированное общество» и при желании его цели можно свести к чему угодно, например, к проблемам образования.

Сейчас некоторые национальные республики в России «получили столько автономии, сколько хотели». Каким же образом гражданское общество, предположительно охватывающее всю Россию и основанное на общеевропейских принципах светских свобод, может допустить внутри себя религиозную правовую систему, скажем, шариат? Разумеется, исповедуя свободу совести, нельзя вмешиваться в политико-религиозную жизнь людей (стран) с иным, чем у нас, вероисповеданием. Но ориентированный на европейские ценности человек оказывается при этом в состоянии парадокса. Признавая, что азиатские и кавказские регионы страны перестали пылить за ее европеизированной частью, он будет отстаивать право на их культурную самостоятельность и на независимость правовых систем, ибо он — европеец особого рода: он живет не только в многонациональном, но и в многоконфессиональном государстве. Это значит, что при провозглашенном принципе свободы и равенства он обязан признавать религиозные права и таких конфессий, где нет деления на светское и духовное, где человек сакрализует все мирское и в любом случае действует от

имени своего Бога или богов. Может ли быть в таком случае сложено гражданское, нерелигиозное общество, признающее равные права мужчин и женщин и отстаивающее для них правовое единство?

Европейская система права отвергает право религии вмешиваться в светскую жизнь людей. Примером такого рода является запрет на ношение хиджаба во Франции. Священный закон может быть сильнее светского, но определяет права человека в мире не он. Недавние бунты арабской молодежи во Франции показали предел, до которого были доведены права человека, в том числе права на передвижения, эмиграцию и пр. Безграничная либерализация привела к необходимости защиты гражданских прав населения, которое признало главной для себя правовую систему, основанную на либерализме. В этом случае колеблется роль интеллигенции в становлении гражданского общества. Тем более что гражданские общества в Европе были созданы не с ее помощью (она там отсутствовала), а с помощью профессионалов-легистов и предпринимателей, которые служили не государю, а общему благу государства. При этом общему благу служил и государь. Российский же византизм, т.е. зависимость всех и каждого только от личности государя, в отличие от изначальной иерархической организованности европейского общества (когда вассал моего вассала — не мой вассал, даже если я — государь), это общее служение исключал. Этот подспудный византизм, давление истории на менталитет человека, двусмысленная природа закона, внешне выполняющего служебную или утилитарную роль, но внутренне подпертого тем, что со времен Платона называется врожденными идеями, обеспечивает возможность возврата к авторитарному правлению. Здесь как раз и требуется сохранение мудрого баланса между старым и новым.

В Древнем Риме, Иудее и христианской Европе главенствовало представление о законе, который был до нас и всегда. Лех-закон (от греч. *λεγο* — собираю и соответственно от *λόγος* — слово, смысл) полагался существующим прежде нас. Мы же создаем систему позитивных — положенных, т.е. вторичных — законов, нашупывающих не дающуюся в руки

правильность и регистрирующих правовые коллизии *этого* времени и часа. Естественное же право, по свидетельству древних, изначально шло от того, что они называли божественной или сакральной властью. Но и те законодатели, которые не являются сторонниками этой власти, осознают необходимость отчуждения закона от субъектности автора конкретного установления, проводя закон через сложные процедуры доработок и обсуждений, тем самым мешая его сиюминутному перетолковыванию, что и лежит в основе традиционных демократий. Jus – право – не свод законов, а прямой наказ, знак внеположности истинного закона.

Эта двусмысленность закона предполагает единство писаного и неписаного права, которые в зависимости от требований момента проявляют то одну, то другую сторону. При революционной смене государственного строя заметно снижается роль фиксированного свода права, а мы пережили с 80-х годов, по крайней мере, два революционных кризиса – 1989 г. и 1991 г. Требовательные призывы к установлению гражданского общества, которое стояло бы над идеологией, над партиями и осуществляло бы контроль над действиями правительства, правоохранительных органов, судопроизводства, шли от интеллигенции, которая, повторим, была своеобразным закоперщиком и государственных сдвигов. «Младшие научные сотрудники» вкупе с академиками А.Д. Сахаровым, Вяч.Вс. Ивановым и С.С. Аверинцевым и многими правоведами взялись за дело, засучив рукава, но **сути** дела не знал никто. «Опыт словаря нового мышления» показал способы его формирования. Одни авторы «Словаря» полагали, что перекапывать надо «все до основания», другие оглядывались на преступную правящую КПСС, третьи надеялись на идейную помощь Запада (в «Словаре» представлены два взгляда на зарождающую российскую демократию – российских и западных политологов). Публикацию такого опытного словаря можно было бы назвать началом формирования гражданского общества, если бы слова сопровождались конкретными и не запоздалыми делами. Новая мысль требовала определения ответственности, установления отношения к ней и ее правообеспеченности. Но именно понятие собственности не было

продумано ни философски, ни юридически, ни экономически или политически, поскольку прежние – коммунистические – принципы предполагали полную отмену собственности. В этих терминах мы не расценивали свою жизнь. Поэтому правом не были обеспечены ни личная собственность (выражение «собственник» имело негативный смысл), ни общенародная, прежде всего земельная. У власти в конце 80-х оказались «хорошие люди» (термин тех лет), но они оказались растерянными перед этой проблемой.

Не было и того, что в средневековые времена называлось достоинством земли, предполагавшим, что земля становилась графством, маркизатом или крестьянским мансом не оттого, что ею владел граф, маркиз или крестьянин, а наоборот – достоинства/недостатки земли позволяли владельца называть графом, маркизом, дворянином, которому не возбраняется держать и крестьянскую землю, платя налог, соответствующий качеству этой земли.

В России же земля всегда была «бесправна», и это стало выгодно современным «захватчикам-практикам»: они осуществили быстрый захват разбросанных, никому не принадлежащих и неоцененных земель и недр в свои руки. Возможность захвата была обнаружена, но не осознана, отчего произошел разлад между активностью делателей и пассивностью думающих. В.В. Бибихин, который, может быть, одним из первых всерьез обдумывал этот разлад, писал, что современный захват мира, приватизация – прямое продолжение девяностолетия (или еще дольше) обобщественной собственности в России. В этом захвате он сумел разглядеть самое «стихию человеческого существа», включающую в себя юридический беспредел, упреждая ситуацию, при которой захват как удивление перед миром, если не осмыслить его именно как удивление, то есть не осмыслить философски, может превратиться в грабеж⁷. Другой философ, М.К. Петров, еще раньше В.В. Бибихина показал связь такой философии с хитроумным Одиссеем, умевшим обойти рифы разбоя и привязывавшим себя к мачте корабля, слыша пение сирен, но не бросаясь, очертя голову, на их призыв.

Оба философа обратили внимание на то, что в определение мудрости входит безупречная техническая точность,

обнаруженная Аристотелем в деятельности камнерезов и скульпторов (Никомахова этика, VI 7 1141a 9). Беспредел же возникает там, где «видение» не превращается в сознательное «ведение». Поскольку беспредел «концептуально не уловим», то «юридическому сознанию кажется», что собственник *готов* к обладанию собственностью, а на деле готов только к ее *сохранению* любыми средствами, поскольку эти проблемы возникают вследствие раннего и незаметного «перевертывания всякого увиденного *есть* в смысле имеется в *есть* в смысле у меня имеется»⁸.

Вопрос именно в том, у *какого меня* есть эта собственность, ибо на роль «я» может претендовать и частное лицо, делающее многократные попытки юридически ее оформить, и государство, пользующееся тем, что юридическая практика *не готова* к такому оформлению: скачок от бессобственного состояния к собственному остался за пределами кодифицированного права. Владение частной собственностью в России у всех под вопросом и может быть, как видно из «дела Ходорковского», только временным. Более того, не схвачена двусмысленность понятия собственности как 1) записи имущества на юридическое лицо и как 2) этимологического обозначения «своего», связанного с поиском себя. «Мы ничему не принадлежим так, как своему, — пишет В.В. Библихин. — Мы заняты своим делом, живем своим умом и знаем свое время. *Свое* определяет владение в другом смысле, чем нотариально заверенное имущество... Русская *свобода* происходит от *своего* не в смысле собственности *моей*, а в смысле собственности *меня*», и это «собственно свое непознаваемо... попытки вычислить, сформулировать уводят от него»⁹. Однако сама эта непознаваемость обеспечивает свободу собственности. «Вещь принадлежит тому, кто ей возвращает ее саму, обращается с ней по ее истине»¹⁰, а не на основании того, что она может мне дать или что я могу от нее получить. Такой узкий подход к делу в России, не создавшей своей теории собственности и прежде оглядывавшейся на Маркса, может сделать неудачными любые юридические попытки ее отстоять, если прежде не будет допытана сама истина вещи, которая включает и ее свободу от меня. В некоем «важном смысле» крепостной крестьянин в царской России

был, на взгляд В.В. Бибихина, владельцем полнее и свободнее, чем помещик¹¹, потому что именно крестьянин, а не помещик сидел на земле и был с нею заодно.

Гражданское общество потому так и необходимо, что, не следуя политическим и владельческим указкам, ставит интерес отдельного человека на первое и главное место. Проблема именно в том, кто и что может дать стимул рождению такого общества. Провал первой постсоветской попытки, осуществленной интеллигенцией, позволяет критически рассматривать возможность ее приоритетного участия в его создании, тем более что, вопреки своему имени, интеллигенция склонна к мистицизму. То, что на Западе обсуждалось бы как научная *гипотеза*, в России вполне может быть принято за истину в последней инстанции. Так было с конца XIX в., когда союз ума, воли и дела заместился субъективными устремлениями отдельных исторических личностей. Правда, земство и такая политическая сила, как либеральная интеллигенция, прежде всего партии октябристов и кадетов пытались всерьез провести либерализацию страны, установление парламентаризма, введение частной собственности на землю, регистрацию обществ и собраний, подчинение бюрократии общественному контролю, но это многими рассматривалось не как самоценная необходимость, а как вина перед попранными правами народа, не позволившая нецивилизованной России решить цивилизационные проблемы. Однако, как поражение революции 1905 г., так и победа ее в 1991 г. привели к тому, что интеллигенция как нечто ответственное за итоги своей деятельности практически исчезла. И в 1905 г., и тем более в 1991 г. она скорее обозначила *конец* своей миссии, *а не канун*, хотя лишь «накануне» у интеллигента происходит *концентрация всех сфер духовной деятельности, при которой одновременно взвинчиваются и нравственные усилия*. Потом начинается вырождение. Тогда был крен в сторону интеллигентного пролетариата (как считал С.С. Ольденбург), а сейчас – в сторону любого профессионально действующего специалиста или бомжа, поскольку отпадает необходимость в постоянном участии в той политической деятельности, которую можно было бы считать не следствием пиара, а нравствен-

ной работой. Интеллигенция представляла силу только в моменты рассогласованности реального дела и реального слова. Для народа такая интеллигенция была «не грабителями... даже не просто чужими как турок или француз, — писал русский европеец М.О. Гершензон, — он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно»¹². Это напоминает резко негативное отношение того же народа к какому-нибудь правительственному деятелю, пока тот не проявит качеств *профессионала* и *специалиста*.

Тем не менее, дело граждан не должно стоять на месте. Для начала хорошо бы воссоздать не гражданское общество, а **общества** с разнообразными интересами, исключаящие из своих программ какие бы то ни было интимные, даже чувственные отношения народа к правителю (будь то М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, В.В. Путин), учащие жить собственными силами, обладающие навыками полисной жизни. Такие общества (клубы), которые, к счастью, сейчас есть и некоторые из них («Красная площадь») активно функционируют, должны исключать нарушение основных принципов существования индивида, обеспечивать возможности интеграции в мировые сообщества и обособления от государства, если оно не дает гарантий хотя бы простой безопасности.

Это надо делать терпеливо и сосредоточенно, невзирая на желания построить теократическое государство, где православие пришло бы на место идеологии, и не отказывая религии в ее праве исполнять духовные обязанности на духовном поприще. Тот перекося, который существует сейчас в обществе в сторону православия, оправдан именно вследствие привычки жить в русле идеологии. С этим же связана и та резкость, с которой ученые и философы ведут разговор о том, что главнее — наука или религия. В свое время А.Н. Уайтхед в книге «Приключения идей» сказал, что конфликт между наукой и религией существовал всегда. Он связан с разновременным изменением их принципов или формулировок. Первые христианские мыслители использовали такие аргументы в объяснении сущности христианских основоположений, которые после Никейского собора (V в.) считались еретическими. Уайтхед приводил и знаменитый пример с

осуждением Галилея: Галилей утверждал, что Земля движется, а Солнце неподвижно, а инквизиция — что Земля неподвижна, а Солнце движется. Оба высказывания, по Уайтхеду, истинны, если придерживаться понимания покоя и движения, использованных в этих высказываниях. Как считает Уайтхед, конфликт между наукой и религией не заслуживает такого серьезного внимания, которое ему уделяется, по той простой причине, что наука занимается общими законами *физических* явлений, а религия созерцанием моральных и эстетических порядков. Точно то же можно сказать и о соотношении религии и государства. В Западной Европе всегда было противостояние двух мечей: светского и религиозного, что привело и к свободе вероисповедания и к гражданской свободе. Следование тому или иному образцу — дело волеизъявления людей. Ведь не случайна речь о последней, которая не в любой идеологии возможна.

Примечания

- ¹ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Под общей ред. В. Н. Садовского. М., 1992. С. 299.
- ² См. об этом: *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Время культуры. СПб., 2000.
- ³ См.: *Библер В.С.* О гражданском обществе и общественном договоре // *Библер В.С.* На гранях логики культуры. М., 1997. С. 350.
- ⁴ Там же. С. 352.
- ⁵ Там же. С. 354.
- ⁶ 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 446, 448. (Выделено мной. — *Авт.*)
- ⁷ См.: *Бибихин В.В.* Своё, собственное // *Бибихин В.В.* Другое начало. М., 2003. С. 364 — 365.
- ⁸ Там же. С. 365.
- ⁹ Там же. С. 370 — 371.
- ¹⁰ Там же. С. 378.
- ¹¹ См.: *Бибихин В.В.* Введение в философию права. М., 2006. С. 45.
- ¹² *Гершензон М.О.* Творческое самосознание // *Вехи.* М., 1990. С. 74 — 75; С. 91, 92.

МЕССИАНИЗМ КАК ФОРМА РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

*И третий Рим лежит во прахе...
А уж четвертому – не быть.*

Для российской общественной мысли вопрос о национальной идентичности на разных этапах отечественной истории принимал различное звучание и смысл, но всегда оставался традиционно постоянным в своей актуальности. А если говорить о его философском осмыслении, то без преувеличения можно сказать, что русская философская мысль пробудилась именно на проблеме «Что есть Россия и какова ее судьба?» Она всегда, как отмечал В.В. Зеньковский, больше всего была «занята *темой о человеке*, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории... Русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т.п.»¹. Это исключительное внимание к тематике историософии во многом объясняет, почему поиски национальной идентичности на долгое время стали вектором развития общественной мысли, а мессианские идеи вошли в плоть национального самосознания и культуры.

Зарождение и становление национального самосознания всегда происходит под влиянием встречи одного народа с другим – в какой бы форме она ни происходила, начиная от прямого военного столкновения, кончая торговыми, культурными, религиозными контактами. Для русского народа такой первой значимой встречей явилось знакомство в IV – V вв. с Византией. Конечно, было влияние и других соседей (южных степных племен, уралоалтайцев, монголов) и порой достаточно заметное, что провоцировало историков и культурологов, как это произошло с евразийцами, считать, что без татарщины не было бы России, что российская государственность есть переродившийся московский улус², а туранский элемент существенно повлиял на развитие психологического склада и образ жизни русского

народа. Примечательна следующая оценка Трубецкого: «Пусть само Православие было воспринято русскими не от туранцев, а от Византии, пусть оно даже прямо противопоставлялось в русском национальном сознании татарщине, — все-таки, самое отношение русского человека к Православной вере и самая роль, которую эта вера играла в его жизни, были в определенной части основаны на туранской психологии»³. Но контакты с Византией вплоть до XI в. были более стабильными и основоположными. Генезис, формирование русского самосознания происходили именно под ее влиянием. «Византийские идеи и чувства, — писал К.Н. Леонтьев, — сплотили в одно тело полудикую Русь»⁴.

Результатом этого влияния стало принятие в X веке Русью христианства, что наложило значительный отпечаток на все последующее культурное развитие русского народа. «Христианство, — отмечал Н.С. Трубецкой, — не есть элемент какой-нибудь определенной национальной культуры, но есть фермент, могущий войти в разные культуры и стимулировать их развитие в определенном направлении, не упраздняя их самобытности и своеобразия»⁵. Так произошло и с российской культурой с той лишь особенностью, что то определенное направление, о котором писал Трубецкой, для нее изначально было окрашено заложенной в христианстве мессианской идеей, в соответствии с которой собственное своеобразие стало осознаваться как специфическая православная миссия. Поиски национальной идентичности осуществлялись под знаком осмысления исторического предназначения русского народа, которое виделось в сохранении чистоты православной веры. Эта идея на долгие годы вошла в структуру национального самосознания, определив его дуальность в форме антитез — вселенское-национальное, православное-христианское, российское-европейское, имперское-народное, став причиной последовавшего позже раскола в русской культуре и в обществе, что тоже наложило свой отпечаток на содержание и формы российской ментальности.

Как известно, своими истоками русский мессианизм уходит к известной мифологеме, сформулированной старцем псковского Елизарова монастыря Филофеем в его по-

сланиях сначала царскому дьяку Мунехину (ок. 1524 г.), позже (ок. 1540 г.) великому князю Московскому Василию Ивановичу и царю Ивану Васильевичу, в которых он писал: «Храни и внимай благочестивый царь тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать»⁶. Концепция «Москва — Третий Рим» на долгое время определила представления русского народа о его настоящем и будущем, о характере отношений с Европой, о собственном историческом предназначении. Знаменательным оказалось включение в формулу не только второго, но и первого Рима, что расширяло границы исторической перспективы, свидетельствуя о том, что уже в истоках русское «национальное сознание, вовлекает в свою орбиту европейское и восточно-средиземноморское географическое и временное пространство»⁷. Последнее означало зарождение в его рамках потребности, с одной стороны, вовлечения страны в общий европейский ход истории на правах уникальности ее мессианской задачи, с другой стороны, — выражения русского через римское. Этот дуализм, принимая в разное время разные формы, еще долго будет предопределять не только широту, но и узость в смысле предзаданности формиовавшегося национального самосознания.

Идея Филофея объединила в себе черты весьма распространенной во всех христианских странах теории длящегося Рима, утверждавшей нескончаемость Римской державы вплоть до завершения земной истории. Стремление заявить об идентичности своего государства с Римским царством находило отголоски в общественной мысли разных народов. На Руси глашатаем этой идеи были русские книжники из рядов иосифлян, занявшие к началу 20-х годов XVI в. господствующие позиции в русской церкви. Но формулировка Филофея вычленяла в теории длящегося Рима новый аспект, а именно: роль Русского централизованного государства в европейской истории, что отражало своеобразие социокультурных и политических реалий того времени, касающихся как Европы, так и Московской Руси.

Падение Византии (сначала духовное — Флорентийская уния 1439 г., а позже и политическое — захват турками Константинополя в 1453 г.) для русского религиозного со-

знания, привыкшего сверять мысли и поступки с авторитетом истинной веры, было равносильно вселенской катастрофе. Общественное сознание усиленно искало адекватную замену. Москва, одержавшая в недавнем прошлом окончательно победу над «неверными», выступившая собирательницей русских земель и защитницей всех православных народов, предстала как вполне достойная восприемница второго Рима⁸. Удельно-местническая политика к этому времени уступила место политике национально-державной. Изменились и внешние политические реалии. К началу царствования Ивана III изумленная Европа заметила появление к востоку от своих границ огромного государства, с которым искала теперь формы политического союза, пытаясь привлечь его и в качестве участника коалиции христианских государств под руководством Рима, и в качестве союзника против Турции, широко распространившей свое влияние на Восток. Взамен Москве предлагалось признание за ней права на византийское наследие и коронование Московского великого князя в христианского царя. В общем, Русское государство готово было демонстрировать свою силу, а Запад уже понял, что с этой силой придется считаться.

Таким образом, идея Филофея легла на подготовленную почву и вполне могла стать точкой роста национального самосознания уже на новом уровне. Не случайно предсказания старца сразу получили широкий общественный резонанс. Мысль об особой миссии русского народа, на который пала Божия благодать, и о византийском наследии Русским царством была запущена в обиход. Родилась целая серия книжных Сказаний, Слов, Повестей, развивающих эту тему. Очень скоро между идеей об историческом призвании русского православного народа и особой роли в реализации этого призвания московских царей устанавливается вполне определенный и заметный параллелизм. Сформулированная Филофеем мифологема была воспринята как модель ожидаемого развития страны. Правда, в ней изначально, по образному выражению А.И. Герцена, будущее попало в кабалу до рождения. Ведь **«продолжает культурное преемство только тот, кто его обновляет**, кто претворяет предания в свою собственность, в неотъемлемый элемент своего личного бытия и как бы со-

здает его вновь»⁹, а идея Третьего Рима такого обновления не предполагала и в этом состояли ее историческая ограниченность и внутренний консерватизм. Думается, именно этим фактом не в последнюю очередь объясняется сопутствующее развитию российского самосознания жесткое следование национальным традициям, сопротивление нововведениям в сложившийся образ жизни, определенная **культурная инерция**, долгое время воспринимаемая Западом как проявление культурной отсталости.

В своем изначальном варианте идея Третьего Рима имела только теологический смысл, определявший роль русской церкви в христианском мире, ее международный статус и положение в своей стране. Первоначально она обосновывала лишь возможность русского государства быть убежищем истинного христианства в соответствии с мудрым начертанием Промысла Божия. Связанная с эсхатологическими ожиданиями она была внушена иноку заботой о будущем христианства. И в этих ожиданиях России предписывалась лишь роль хранительницы православной веры. Но Московские государи довольно быстро уловили в идее то, что было созвучно их собственным устремлениям, связанным и с укреплением политических позиций Москвы, и с укреплением самодержавия. У идеи Третьего Рима выявился новый смысл, произошло своеобразное смещение акцента — с религиозного в сторону национально-идеологического. Насколько такое смещение может быть объяснено лишь особенностями исторического и политического развития Московского царства или этому были и другие причины? Ответ на этот вопрос обращает к проблеме о метафизической природе русского мессианизма, в связи с чем представляется важным отметить такие его черты.

Первая связана с устремлением на единение вселенского с исторически-конкретным, т.е. судьбы мира, в нашем случае христианского мира, с судьбой русского народа, что таит свою ловушку: возможность измены самой идее и как следствие — неожиданные повороты в самосознании народа-избранника. Россия довольно скоро попала в эту ловушку и стала смотреть на себя как на единственное православное царство, в результате чего произошла **национализация**

идеи, сыгравшая существенную роль в развитии не только русского самосознания, но и православной веры. Их константой стало убеждение, что истинная вера там, где Русь. А церковь, по словам Вл. Соловьева, превращалась для России в палладиум узкого национального партикуляризма. Вселенско-христианское было заменено русско-православным, что подрывало сами основы мессианизма, ибо национальным может быть тот или иной угол зрения на мессианство, но отнюдь не оно само. Ведь, в соответствии с Новым Заветом, христианство универсально, наднационально. Для него нет ни эллина, ни иудея, а есть просто люди, равные перед Богом. По сути, смещение акцентов выражало попросту желание, чтобы Россия, как заметил не без сарказма Е.Н. Трубецкой, сидела в Царстве Божием по правую руку Спасителя. С.Н. Булгаков пришел и к более концептуальному выводу: русский мессианизм не имеет положительного смысла, если он выражает нечто обособляющее, а если выражает начало объединяющее – он уже не русский мессианизм¹⁰.

Было и еще одно неожиданное следствие. Внушение мысли, что вселенское и русское одно и то же, порой рождало уничижительные настроения: когда идея очевидно не оправдывалась, что, увы, случалось, национальное сознание впадало в преувеличенное разочарование, легко переходя от чрезмерности возвеличивания к чрезмерности отчаяния. Достаточно вспомнить первое философическое письмо Чаадаева: Россия – страна, забытая Провидением, заблудившаяся на земле, оказавшаяся вне времени, на которую не распространилось всемирное воспитание человеческого рода, потому ее народ не принадлежит ни к одному из известных семейств человеческого рода, не связан традициями ни с одним из них. Эти две крайности (признание великого предназначения и самоуничужение) иногда становились той Сциллой и Харибдой, между которыми пролегал исторический путь национального самосознания. При обеих крайностях подлинный облик России и ее исторические перспективы заслонялись историософскими грезами, что мешало адекватно оценить несоответствие идеи Третьего Рима реальному уровню социально-экономического и культурного развития страны и жизни ее народа.

Вторая черта мессианского сознания связана с опасностью перерождения его в ложный национализм, ибо идея избрания слишком легко вырождается в сознание собственной привилегированности, вызывая желание навязать другому народу свою культуру, свой язык, свой образ жизни, свои исторические традиции. И тогда национальный мессианизм превращается в карикатурный, отталкивающий национализм, способный вскружить головы. К счастью, такой поворот в русском самосознании корректировался политикой России к населяющим ее народам, отводившей им роль домочадцев, а русскому народу место хозяина в большой российской семье, что ко многому обязывало и от многих националистических проявлений страховало. И тем не менее, ощущение превосходства оставалось и оказалось настолько живучим, что сохранилось в измененной форме (русский народ – не хозяин, но первый среди равных) и в советской России. Именно этот факт, думается, в значительной степени объясняет столь быстрый и обвальный распад Советского Союза.

Конечно, идея избранного народа рождала и обостренное чувство ответственности за судьбу всех единоверцев, готовность защищать их национальные интересы с не меньшей самоотверженностью, чем свои собственные, стремление к культурному единению во имя общих духовных идеалов. Такой поворот в русском самосознании тоже имел место, хотя порой он сильно окрашивался религиозным пафосом. Достаточно вспомнить его славянофильский вариант, в котором идея русского мессианизма приняла форму историософской конструкции, получив философское обоснование в концепции двух (европейской и российской) цивилизаций. В ее контексте мессианское сознание вытесняется позитивно-националистическим: историческая цель России не национально-эгоистическое утверждение, процветание, а спасение православного мира.

*Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом – то Божий меч!*

А.С. Хомяков.

Напомним, что отечественная история знает и другие призывы — уже без обращения к Христу, но не менее пафосные, а главное, находившие действенный отклик у русского народа — призывы к интернациональному братству. Идея другая, но готовность к жертвенности, готовность положить свои национальные интересы на алтарь общего дела — есть. И очевидно, что истоки этой готовности уходят к филофеевской мифологеме, воспитавшей в русском человеке особую *чувствительность* к судьбе близких по убеждениям, по ценностной символике, по исповедуемым идеалам, по культурному взаимопониманию.

Третья черта мессианского сознания связана с заложенным в нем ожиданием Царства Божия и соответственно идеей праведного общественного устройства, которое, дабы быть способным защитить свои религиозные идеалы, возможно лишь как сильное Царство. Государственная власть стала вполне самостоятельной автономией, покоящейся на признании ее богоустановленности и предопределенности Божественным Промыслом, и потому ответственной только перед Богом, на признании, что блюстителем правления является царь. Поэтому провиденциалистское содержание мессианской идеи довольно скоро было затуманено обоснованием *воли к могуществу*, мыслью, что утверждение православной веры требует не только силы духа, но и силы оружия. Третий Рим очень скоро стал представляться как реализация могущества государства, а Московский царь как вседержитель, ответственный лишь перед Богом и потому ни с кем (в том числе и с церковью) не делящий вверенную ему власть. Этот смысл филофеевской мифологемы весьма отчетливо выразил и яростно защищал Иван Грозный в переписке с А. Курбским. «Горе царству, коим владеют многие, — писал Грозный. — Кесарь Август повелевал вселенною, ибо не делился ни с кем властью; Византия пала, когда цари начали слушаться епархов, синклитов и попов»¹¹. Державные устремления к всемогуществу самодержавия не могли не отразиться на национальном самосознании и философско-культурной рефлексии по поводу национальной идентичности. Суть ее Вл. Соловьев выразил в поэтической фразе: «О Русь! В предвиденьи высоком ты мыслью гордой

занята, каким ты хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса или Христа?». Не вопреки, а именно с согласия растущих амбиций национального самосознания начало складывается тотальное Московское царство с преобладанием власти над священством, потом Российская империя, строившаяся все по тем же принципам. ***Божье стало воздаваться кесарю***. В таком виде идея прочно и надолго вошла в структуру национального самосознания. Отрицание ее на уровне внутренней государственной политики (а когда и на уровне общественного сознания) воспринималось вплоть до XX века как недопустимая оппозиция самодержавию, православию, народу, разрушающая основы национальной идеи.

Эту скрытую первоначально интенцию идеологемы Третьего Рима весьма точно уловил Н.А. Бердяев. «Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием русского государства, с исключительным значением русского царя, — писал он. — Империалистический соблазн входит в мессианское сознание...»¹². Открывалась возможность превращения провиденциалистской идеи в аргумент имперской идеологии и политики. Правда, законсервировавшаяся в своей самобытности культура Московского царства, как справедливо замечает В. Кантор¹³, сдерживала такую претензию; потребовалось появление Петра, чтобы возможности смогли воплотиться в реальные действия Московского государства, результатом которых стало образование российской империи со столицей в Санкт-Петербурге. Но Санкт-Петербург никогда не мыслил себя Византией и не жаждал стать Константинополем — у него были другие исторические параллели. Мессианские претензии на какое-то время были потеснены имперскими амбициями.

Названные черты русского мессианизма, обнаруживающие его внутреннюю противоречивость (ложь) во многом объясняют почему, идея Филофея со временем должна была либо изжить себя, либо трансформироваться в иную, либо кончить «бесовскими танцами», что и произошло в петровское и послепетровское время. По мере укрепления основ русского самодержавия идея о Москве как Третьем Риме из факта консолидации нации превращалась в охранительно-

консервативную силу государственной власти. Это сыграло роковую роль в церковном расколе XVII в., который имел гораздо большее значение, чем принято думать. Дело было не только в обрядовости. В основу раскола легло сомнение в том, что русское царство (Третий Рим) есть истинное православное царство. Главным движущим мотивом раскола стало сознание богооставленности. Раскольники, почувствовав измену в церкви и государстве, перестали верить в святость иерархической власти, результатом чего станет напряженное искание царства Правды — на земле или по ту сторону земного бытия при одновременном ожидании конца мира. «Есть два преобладающих мифа, которые могут стать динамическими в жизни народа, — писал Бердяев, — миф о происхождении и миф о конце. У русских преобладает второй миф»¹⁴. В эпоху русского раскола идея Москвы как Третьего Рима последний раз выражалась непосредственно народом и в своем первоначальном виде, после чего послания старца Филофея имели хождение главным образом в старообрядческой литературе. Только со второй половины XIX века общественная мысль вновь вернется к нему. Это будет связано с тем, что в 1861 — 1863 гг. в «Православном собеседнике» будут впервые опубликованы сочинения Филофея в своей первоначальной формулировке. Но в обсуждении средневековой идеологии речь будет идти о более широком комплексе идей. Мысли и интуиции о соотносительности Москвы с Римом приобретут совсем иную интерпретацию, что вполне объяснимо. Новое время ставило другие проблемы, а национальное самосознание прошло в своем развитии очень важный этап, не устояв перед соблазнами имперского сознания.

С уходом с исторической сцены идеи Третьего Рима, заложенные в ней мессианские идеи примут культурную парадигму и будут потеснены идеей **миссианства**, суть которой в образной форме выразят еще в начале 20-х годов XIX века любомудры: «XIX век принадлежит России!». Ведущим мотивом русского самосознания станет выяснение отношения России к Западу в связи с поисками ее собственного *культурного* пути развития. Эта проблема станет имманентной для всей общественной мысли, а субстанциаль-

ность ее основ определит постоянную актуальность. На каждом новом этапе исторического развития проблема восстанавливала свой исходный смысл: особенность России заключается в чистоте того выражения христианской веры, которое она получила в ее духовности, в ее культуре. И это объясняется не застоєм мысли, а устойчивостью ее объективных оснований, уходящих и в истоки российского самосознания (воспринятой когда-то идеи мессианизма, а чем речь шла выше), и в некоторые факты нашей истории (участие в освобождении славянских племен от турецкого засилья), и в случившийся религиозный раскол, породивший раскол в обществе, и, наконец, не в последнюю очередь в геополитическое положение России. Относительно последнего следует сказать, что ее государственность оформилась на востоке Европы, в силу чего она была для Европы всегда Востоком, что Русь вступила на исторический арену и приняла христианство, когда в разгаре было противостояние церквей, что она имела собственный Восток — степь с ее кочевыми племенами, с которыми не только воевала, но и вступала в диалог, в результате которого неизбежно происходило этническое и культурное сближение с соседями. В.О. Ключевский писал: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа наложила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии, или в нее влекли Азию»¹⁵.

Поэтому неудивительно, что проблема «Россия — Европа» как проблема Судьбы и осмысления места России в европейской (всемирной) истории станет сквозной для всей общественной мысли в послепетровское время. В зависимости от исходных теоретических посылок новая идеологема будет приобретать метаисторический характер (как идея об историческом предназначении России) — П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, либо будет заявлять о себе в сциентистской форме (как проблема культурной миссии России в качестве особого исторического типа) — Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, либо найдет проявления в народнической модели развития российской истории по «формуле прогресса» — П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, либо выберет путь эсха-

тологически-миссианских поисков — Вл. Соловьев, Н.С. Булгаков, Н.А. Бердяев. Мысль, что России предначертано свое (скорее всего великое!) будущее, что она должна стать центром восточно-славянской культуры получит философское обоснование¹⁶. Одновременно придет осознание, что в мире нет силы, способной соединить в исторической жизни божеское начало с человеческим. Идея мессианизма (избранничества), повторяю, будет вытеснена идеей о культурно-историческом призвании русского народа. Исключение составят настроения панславизма, имевшие откровенно идеологическую направленность и отразившиеся на уровне внешней политики страны, и идеи почвенничества (Мих. и Фед. Достоевские, Н.И. Страхов, Ап. Григорьев). Последнее претендовало на теорию, обосновывающую значимость для духовного развития России «национальной почвы» как основы ее культуры и соответственно всех претензий на возможное влияние на Европу.

Таким образом, прежняя антитеза «Россия — Европа» предстанет как задача поиска культурных связей с европейскими народами и места России в европейской цивилизации. Это будет стимулировать отечественную мысль к критике исторического опыта как Европы, так и самой России. Последнее нашло отражение в формировавшейся культурной ситуации: с одной стороны, очевидна была преэминентность идей европейского просвещения и заметное влияние европейской мысли (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, французские утописты, марксизм) на российскую духовную культуру, с другой стороны, Россия всегда смотрела на Европу как бы «с другого берега». Консерватизм государственного устройства, сохранение архаических форм организации хозяйства и жизни основной части населения страны сковывали преодоление социокультурного противоречия между традициями и инновациями, что порождало одновременное тяготение к традиционным (российским) и либерально-модернистским (европейским) ценностям. Эту черту российской истории отмечал А.С. Ахиезер: «Специфика российской цивилизации связана с тем, — подчеркивал он, — что она сформировалась, находясь в промежуточном положении между двумя суперцивилизациями, что ослабление традиционализма не привело к органичному переходу к либе-

рально-модернистской суперцивилизации, что общество «застряло» на этом переходе»¹⁷. Но что еще важнее в плане рассматриваемой нами проблемы – национальное сознание окажется в тенетах иллюзии относительно собственной отсталости. Последняя станет интерпретироваться как своеобразное национальное преимущество: Россия может строить свое будущее, не повторяя ошибок Европы, она свободна «от бремени истории» (Герцен). Эта идея окажется весьма привлекательной на долгое время, несмотря на ее очевидную уязвимость. (Свое выражение она найдет в ленинской идее «прорыва слабого звена», к ней восходят и призывы тех, кто сегодня делает ставку на эффект догоняющей модернизации.) Влияние этой иллюзии будет столь существенно, что когда традиционная культура потеряет свое господствующее положение, освободившееся место не будет занято либерально-модернистской культурой, а национальное сознание окажется в состоянии некоторой *растерянности* перед задачей цивилизационного выбора. Похоже, что это состояние растерянности остается не преодоленным и по сей день, поскольку стране пока не удалось заново сформулировать свои идеалы и базовые ценности, а значит осознать на уровне национального интереса свою подлинную цивилизационную специфику.

Двадцать первый век вряд ли будет временем мессианского сознания, но временем бурного развития национального сознания во всех его формах он себя уже заявил. Процесс глобализации будет и дальше инициировать, а когда и провоцировать, возрождение разнообразных национальных идей. Именно по этой причине сегодняшняя отечественная публицистика порой возвращается к истокам русского самосознания, и в частности к образу Третьего Рима, забывая часто, к сожалению, что средневековое мышление было иным, как иной была и историческая реальность, и потому всякого рода параллели, вроде «Третий Рим – Третий интернационал – Третий Рейх», вдруг возникшие в связи с исторической ретроспективой, лишены позитивного смысла. И, тем не менее, представляется, что афористическая формулировка идеи псковского инока будет еще долго привлекать к себе внимание и тревожить умы.

Примечания

- ¹ *Зеньковский В.В.* История русской философии. Введение. Л., 1961. Ч. 1. С. 123.
- ² См.: *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость //Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.,1993.
- ³ *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре // Там же. С. 72.
- ⁴ *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М.,1993. С.32.
- ⁵ *Трубецкой Н.С.* Мы и другие // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. С. 84.
- ⁶ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.,1984. С. 84. В 1589 г. эта формулировка была закреплена в официальном документе – в Уложенной грамоте Московского Освященного Собора с участием константинопольского патриарха и греческого духовенства с одновременным утверждением Московского патриархата.
- ⁷ *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). М., 1998. С. 12.
- ⁸ В определенной мере этому способствовала женитьба Ивана III на Софье Палеолог. И хотя Софья была царевной уже не существующей Византийской империи, вместе с гербом Византии – двуглавым орлом – на Московское княжество как бы переходило ее религиозное и политическое призвание. Москва вполне могла стать преемницей Византии не только в религиозном, но и в политическом отношении. Московские цари считали себя преемниками византийских императоров, преемство доводилось до Августа Цезаря. Существовала легенда о пересылке Владимиру Мономаху греческим императором Мономахом царских регалий.
- ⁹ *Флоровский Г.В.* О народах неисторических // Мир России – Евразия. Антология. М., 1995. С. 33.
- ¹⁰ *Булгаков С.Н.* Два Града. Исследование о природе общественных идеалов. Т. 2. М., 1911. С. 290.
- ¹¹ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 122.
- ¹² *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 49 – 50.
- ¹³ *Кантор В.К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. М., 2008. С. 60.
- ¹⁴ *Бердяев Н.А.* Русская идея //О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 70.
- ¹⁵ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Соч. в 9-ти тт. Т. 1. М., 1987. С. 65.
- ¹⁶ См. об этом: *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Идеи мессианизма в русской философии истории // Общественные науки и современность. 1995. № 6.
- ¹⁷ *Ахиезер А.С.* Специфика российской истории // *Ахиезер А.С.* Труды. М., 2006. С. 214.

НАЦИОНАЛИЗМ И КОСМОПОЛИТИЗМ КАК ДВЕ СТОРОНЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

А.Р. ГЕВОРКЯН

Проблема самосознания в сегодняшней России является, пожалуй, самой актуальной и животрепещущей. Более того, состояние, в котором она оказалась в последние десятилетия, связана с кризисом, имевшим место практически на протяжении всего XX века. Речь идет о потере исторической идентичности, выпестовавшей Россию. И в этом отношении обращение к творческому наследию К.Н. Леонтьева — корифея византистской мысли, является пробным камнем на пути выздоровления общественного сознания посредством обращения к своим византийским истокам как залога восстановления прерванной связи времен. В начале XXI века, как никогда раньше, актуально звучит мысль Леонтьева о том, что Россия сильна не своими национально-русскими, этнически славянскими корнями, а привнесенными византийскими началами, отказавшись от которых, она рухнет.

Понимание этой концепции, действительно, является определяющим для русского самосознания. Именно поэтому историософские взгляды Леонтьева не только актуальны, но и имеют непреходящее метафизическое значение. Для современного русского самосознания обращение к творчеству Леонтьева необходимо для понимания самого себя и своего места в мире.

Сущность византизма, его квинтэссенционное определение даны в учении Леонтьева о национализме и космополитизме.

По глубокому убеждению Леонтьева, национальное начало, обосновываемое не своеобразием и этнической многоцветностью, а голым принципом государственного суверенитета, в своем основании не национально, а космополитично и закономерно вписывается в общее русло либерально-демократического прогресса: Леонтьев констатирует тот знаменательный факт, что многие мыслители-патриоты и даже сами славянофилы проглядели в так называемом национальном движении своего непримиримого врага — космо-

политическую революцию. По этому же поводу весьма резонно замечает Франк: «Что «право наций на самоопределение» внутренне связано с демократическим мировоззрением, Леонтьев понял на полвека раньше Вильсона»¹. Однако если внутренняя логика взаимосвязи национальных и демократических движений была уже раскрыта в первых десятилетиях XX столетия, то последующие главные положения Леонтьева о том, что «космополитический демократизм и национализм политический — это лишь два оттенка одного и того же цвета»², стали достоянием общественного сознания только в первом десятилетии XXI столетия.

Как полагает Леонтьев, все высокое и великое в национальных делах всегда должно оставаться своеобразным, и только сохраняя его как проявление национального и неповторимого в своем основании, то или иное явление приобретает со временем и мировое значение. Выступая против космополитизма, Леонтьев занимает резко отрицательную позицию против слияния наций в космополитическом месиве и их обезличивания. Космополитизм Леонтьевым определяется как начало антинациональное по своему содержанию, и вместе с тем его реализация определяющим образом зависит от национально-политического принципа, выступающего новым и могучим орудием космополитизма на путях дальнейшей либерализации Европы. Тем самым Леонтьев, как никто другой из его современников, понял, что голый принцип национализма и голый принцип космополитизма, при всем внешнем антагонизме их по отношению друг к другу, на самом деле внутренне дополняют друг друга и друг без друга не существуют. Принципиальный, до фанатизма ненавидящий космополитизм Леонтьев поднимается до таких удивительных высот подлинного универсализма, что остается абсолютно недостижимым для космополитизма даже в самых лучших формах его проявления. «Национальное начало лишенное особых религиозных оттенков и формы, в современной, чисто племенной наготе своей, есть обман. Национального в действительном смысле, в племенном принципе нет ничего... Специфически национального ничего не было никогда. Национальными были лишь своеобразные сочетания общечеловеческого»³.

Однако Леонтьев на этом положении не останавливается и свой универсализм доводит до логического завершения: «Человек истинно верующий в подобном случае не должен колебаться в выборе между верой и отчизной. Вера должна взять верх и отчизна должна быть принесена в жертву, уже потому одному, что всякое государство земное есть явление преходящее, а душа моя и душа ближнего вечны и церковь тоже вечна»⁴.

Великий универсализм Леонтьева позволяет ему, находясь по ту сторону космополитизма и национализма и приобщившись к вечности, раскрыть всю сущность исторического процесса развития человечества и показать пути выхода из того тупика, в котором оно оказалось вследствие десаκραлизации всех основных духовных и материальных сторон своей жизни.

Оставаясь до конца верным и себе, и византизму (что в случае Леонтьева совершенно тождественно), великий мыслитель выступает одновременно против национализма и против космополитизма. Борьба с этими наиболее уродливыми и отвратительными проявлениями общественного разложения превращается в главный смысл его жизни, в основной стержень его идейной борьбы: «Национальное начало вне религии ничто иное, как начало эгалитарное, либеральное, медленно, но за то верно разрушающее... Во всей Европе чисто-национальное начало, т.е. племенное, разрешившееся от религиозных уз, при торжестве своем дает плоды вовсе не национальные, а напротив того; в высшей степени космополитические»⁵.

Национально-либеральное начало обмануло всех. Оно оказалось наиболее утонченной и опасной формой превращений того самого Протея всеобщего опошления и всеобщей демократизации, который, ни перед чем не останавливаясь, и с завидным упрямством, начиная с эпохи Просвещения, «трудится» над разрушением величественного здания Романо-Германской цивилизации. Однако преодоление космополитизма возможно не путем противопоставления ему национализма, что равнозначно пребыванию в заколдованном круге, а в противоположении универсализма космополитизму. Слово провидя строительство «общеевропейского дома» в его завершающей фазе, Леонтьев констатирует

основное, характерное для него свойство, которое все более и более дает о себе знать, сперва подспудно, а потом все явственнее проявляясь и начиная открыто о себе заявлять. Речь идет о том, что общеевропейский недуг, почетно именуемый демократическим прогрессом, одним из своих тяжелых припадков имеет галлюцинацию племенного национализма.

Учение Леонтьева о национализме и космополитизме является наиболее актуальной частью его теоретического наследия, и это тем более важно подчеркнуть, поскольку данная дилемма приобрела судьбоносный характер для всего человечества. Не было бы преувеличением полагать, что именно от разрешения этого вопроса прямым образом зависит дальнейшее его существование. И в этой связи византизм Леонтьева, будучи универсальной идеологией, не только может, но и должен прямым образом противостоять всем тем духовным процессам, торжество которых неминуемым образом ведет мир к катастрофе.

Необходимо с самого начала отметить, что сложное философское творчество Леонтьева, будучи внутренне взаимосвязанным и единым во всех своих составных частях, удивительную цельность проявляет в первую очередь в тех местах, где речь идет о космополитизме и национализме и сущностном вскрытии их внутреннего содержания. Леонтьев — и в этом сказывается его особая историческая заслуга — связь между космополитизмом и либерализмом видел не случайным образом, а как нечто в себе детерминированное, когда космополитизм со своим националистическим двойником имманентно присущ либерализму и неразрывно связан с ним. Либерализм, как утверждает Леонтьев, заставляет служить чисто племенной национальности и именно в силу данного обстоятельства — космополитизму. Национально-политический принцип, реализуемый насильственным или конституционным путем, на деле прямым образом спешествует утверждению космополитизма, а это есть не что иное, как антинациональная демократизация Европы и в дальнейшем всего мира. Леонтьев видит не только духовную составляющую либерализма, призванную десакрализировать все то великое, что было создано историей, но и провидит его материальную основу. Отсюда его определение

сущности либерализма, которое даже более актуально в наше время, чем во времена самого Леонтьева. На экономической почве либерализма всегда господствует культ денег, и чем больше политических свобод регламентирует либерализм, тем больше проявляется экономическое неравенство, и усиливается эксплуатация одних другими. По поводу так называемых свобод буржуазной демократии Леонтьев саркастически замечает: «Вера либералов и слепых прогрессистов слепа. Иные из них, например, думают, что все было бы хорошо, если б у нас, как везде, была конституция: как будто бы в других странах конституция сделала людей добрее, умнее, честнее, здоровее и сытее!»⁶

Либеральные «заботы о всеобщем и мещанском благоденствии народов» на самом деле преследуют свои корыстные цели. «Священный союз народов», воспеваемый Беранже в пику «Священному Союзу Государей», на самом деле есть гимн торгашеским установкам буржуазии, от которых выиграли бы богатые купцы всех стран, и без того благоденствующие. Либерализм есть сочетание утилитаризма в науке со слишком свободным движением капиталов и людей, а это уже неразрывно связано с тем мировоззрением космополитизма, который должен соответствовать действительно ставшим глобальными экономическим отношениям.

Космополитизм капитала на самом деле нуждается в национализме, но не в форме проявления своеобразия национального духа и любви к своему Отечеству, а как принципа национального самоопределения и государственного суверенитета, что вписывается в общую картину мира, где капитал будет проводить свою антинациональную политику, пользуясь теми институтами национального самоопределения, которые оказываются идеальными проводниками его влияния. Положение дел ухудшается тем обстоятельством, что разлагающая деятельность эмансипационного процесса, понимаемого как отказ от духовных установок традиционного общества, который в своих конечных результатах носит разрушительный характер, показывает несостоятельность космополитизма как уродливого двойника настоящего универсализма, чьи духовные установки и устремления прямо враждебны космополитизму.

Тем самым Леонтьев в своей критике капитализма прямым образом переходит к обоснованию общества будущего.

Идеи Леонтьева оказываются во многом близкими социалистическим идеям. Но если сама по себе идея прогресса рассматривалась в иных социалистических учениях как нечто однозначно позитивное, а сам социализм воспринимался как реализация принципа прогрессивного развития общества, то, как известно, Леонтьев изначально разводил понятия прогресса и развития в разные стороны, более того, процесс настоящего развития и цели демократического прогресса оказывались несовместимыми, поскольку развитие является организованной и дисциплинированной разнородностью, в то время как демократический прогресс олицетворяет собою стремление к смешению в однообразие, что равнозначно разрушению всего разнородного. Не менее важно то обстоятельство, что социалисты разных направлений к феномену буржуазной демократии относились исторически, выделяли прогрессивные фазы в его становлении, которые постепенно сходили на нет и со временем сводились к голым формальным принципам, прикрывавшим собою господство денежного мешка. Для Леонтьева так называемая буржуазная демократия, или же эгалитарный процесс, именно в силу своего прогрессивного характера изначально ничего позитивного в себе не содержит, поэтому всякие попытки выделить внутри его разные фазы, характеризующие его исторически, совершенно не обоснованны и ненаучны.

Гениальный ум Леонтьева провидел неизбежность грядущего прихода социализма, более того, с присущей ему поразительной дальновидностью, граничащей с пророческим ясновидением, отводил социализму на государственно-экономической почве в истории XX и XXI вв. решающую роль в истории человечества, по своим масштабам разве что сопоставимой с ролью христианства на религиозно-государственной почве. «Социализм (т.е. глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере, для некоторой части человечества.

Но не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побежденным (т.е. представи-

телям либерально-мещанской цивилизации), сами победители, как бы прочно и хорошо ни устроились, очень скоро поймут, что им далеко до благоденствия и покоя»⁷. По разумению Леонтьева, возможно, что законы и порядки будущего строя окажутся несравненно стеснительнее современных, строже, и даже принудительнее.

Леонтьев доводит свое византистское учение до логического конца. Всеразрушающая деятельность либерализма может быть остановлена только византизмом как своеобразной формой будущего феодализма. Заметим, что под будущим феодализмом Леонтьев понимает такую форму социализма, которая, будучи антилиберальной по своим духовным установкам, имеет принудительный, иерархический характер.

Но для реализации этой великой и основной византистской идеи необходимо любой ценой остановить безумное движение, охватившее мир после победы капитализма в XIX в. и которое своей пресловутой эгалитарной свободой разрушило величественное здание старого мира. Победа над либерализмом для Леонтьева, ни много-ни мало, означает задержать и даже приостановить приближающийся апокалипсис. Леонтьев приходит к своей конечной мысли о том, что если социализм не сможет путем сочетания мирных реформ и, там, где это необходимо, деспотизма создать новые формы общественного развития, то конец всего окажется неминуемым. Именно в свете этих эсхатологических прозрений раскрывается сакральная значимость воинственных, антилиберальных постулатов Леонтьева: «Пора учиться как делать реакцию... Определить, демократический прогресс как разложение очень важно...»⁸.

Только учитывая вышеизложенные обстоятельства, можно раскрыть судьбоносную значимость византизма как последнего оплота на путях наступающего энтропийного процесса всеобщего распада, и именно на базе византизма возможно появление социализма леонтьевского типа, и здесь же свою полнейшую разрешимость получают национализм и космополитизм. Охранительная роль византизма сводится к позитивному преодолению ренессансной культуры, выпестовавшей современную цивилизацию, и возврату к историческому христианству. Великая эпоха Ренессан-

са, возродившая классическую древность, несмотря на ослепительную позолоту эстетизма, в духовном плане оказалась тупиковым вариантом. Попытка построить мир на гуманистических началах рано или поздно должна была привести к его дегуманизации. Высокое искусство Ренессанса, которое не только возродило Античность, но и превзошло ее по степени совершенства своей красоты, вылилось в кустарничество и ремесло последующих веков, что, в свою очередь, с неизменной закономерностью привело к созданию общества массового потребления и ширпотреба. Есть некая глубинная, сугубо метафизическая значимость в том факте, что на заре своего величия ренессансная цивилизация подарила миру Мадонны Рафаэля, а в конце своего исторического пути, агонизируя, выдавила из себя Мадонну порнографическую. На десакрализованной духовной почве ренессансной (понятой в предельно широком смысле) культуры реально не могли найти свою разрешимость экономические вопросы, связанные с материальным обустройством человечества. Понятия свободы, равенства, братства, лишенные своей сакраментальной религиозной значимости, превращались в свою противоположность. Понятые на уровне лозунгов, лишенные своей абсолютной, данной в религиозности основы, они, как правило, приводили к анархическому разброду, завершившемуся установлением новых деспотических форм эксплуатации, а, в конечном счете, вели к упрощению всех форм жизни, ликвидации многообразия и к торжеству царства европейского «пиджака». Только на почве христианства равенство всех людей перед Богом позволяет реализовать гармоничное соотношение единого и многообразного, где только в совокупности они определяются в себе и определяют друг друга. Только равенство перед Богом позволяет реализовать принцип многообразия практически до бесконечности. В противном случае многообразные формы жизни выливаются в жестоко регламентированные установки по выпестовыванию «среднего человека», ничем принципиально не выделяющегося среди остальных, таких же, как и он. Именно этот типаж среднего человека, не столько европейца, а в гораздо большей степени американца, является идеалом и орудием всемирного разрушения.

Сама его усредненность является одним из определяющих аспектов в этом гигантском механизме мирового разрушения, ныне благозвучно именуемого глобализмом.

Что касается социализма как конечной цели византизма, то само его появление явится следствием полного преодоления нигилизма и либерализма, совершенно тождественных друг другу. Проблема социальной справедливости никак не может быть полностью сведена к материальному производству и равномерному, исключаящему эксплуатацию человека человеком, распределению материальных благ среди всех членов общества. При всей громадной значимости экономического, материального фактора жизни общества, как правило, трагически недооцениваемого историческим христианством, социальная справедливость не может быть выведена из взаимоотношений «базис—надстройка». Сама такая постановка вопроса десакрализирует социальную справедливость, выхолащивает ее духовное содержание и лишает ее религиозной значимости, изначально присущей ей, что по большому счету втискивает ее в «прокрустово ложе» просвещенческой парадигмы, заставляет ее играть по правилам, враждебным ей, и, в конечном счете, десоциализирует социализм под предлогом «общества всеобщего благоденствия», где создание и потребление материальных благ становится единственной целью человеческой жизни. Уже сама такая установка нигилизма, несмотря на свою воинствующую материалистичность, имеет в своем основании глубокие духовные корни антихристианского содержания, нацеленные на «исправление» Священного Писания: «не хлебом одним будет жить человек» (Мф. 4, 4).

Таким образом, социализм свое понимание и возможную реализацию может иметь только на христианской почве, и в большей степени на базе восточного христианства, т.е. православия. С точки зрения секуляризованного мировоззрения чисто в экономическом отношении нет никакого различия между категориями прибавочной стоимости и прибавочного продукта. Однако, возвращая социализму его исконную христианскую сущность, и реанимируя его христианские корни, необходимо заметить: с точки зрения византизма прибавочная стоимость и прибавочный продукт,

действительно не имея экономических различий, в духовном отношении коренным образом разнятся друг с другом. Тем самым недопустимость эксплуатации человека человеком обуславливается не только, и даже не столько законами экономики, а высшими духовными соображениями, имеющими в своем основании онтологическое отношение к человеку как созданному по образу и подобию Божьему, что предполагает абсолютное равенство всех людей перед Богом, во всех, без исключения, сферах жизнедеятельности общества.

Идея социальной справедливости и социализма пришла в историю вместе с христианством и только на его основании получит свое окончательное разрешение. Однако на пути реализации этой цели византизму предстоит борьба не на жизнь, а на смерть с либерализмом — самым рафинированным и утонченным оружием по порабощению человека, и оккультному манипулированию его сознанием, под маской проблемы техноцентризма. И в этом смысле провидчески звучат слова Леонтьева: «Пора положить предел развитию мещански-либерального прогресса! Кто в силах это сделать, тот будет прав и пред судом истории!»⁹.

Вновь возвращаясь к вопросу о космополитизме и национализме, необходимо подчеркнуть то важное, что было привнесено Леонтьевым в решение этой во многом судьбоносной для человечества проблемы. Леонтьев, и в этом действительно сказывается его особая историческая заслуга, доказывает, что на базе либерализма космополитизм и его антипод — близнец национализм непреодолимы, более того, они и являются неотъемлемой частью либерального мировоззрения. Стремясь к господству в мировом масштабе, что в конце XX и в начале XXI окончательно вылилось в идею глобализма, либерализм действительно унифицирует все стороны жизни общества, с претензией создания некоей универсальной модели для всего человечества и окончательного его обустройства на либеральных началах, которые в силу своего «абсолютного совершенства» даже отменяют историю под псевдоэсхатологическим предлогом ее конца и замены ее собою в качестве «истины в последней инстанции», данной в виде «постхристианской цивилизации». Понятно, что для достижения этой конечной цели необходимо космо-

политизировать все стороны материальной и духовной жизни человечества, дабы создать возможные идеальные условия для свободного перемещения по всему миру капитала и бесконтрольному господству над природными ресурсами планеты. И в этом аспекте национализм как некая тенденция к дальнейшему консервированию этнического своеобразия, попытка проводить политику изоляционизма и стремление к сохранению многообразия мира в противовес смесительным процессам несовместим с глобалистскими установками либерализма. Либерализм ломает эту действительно неверную в своем основании националистическую установку, лишая человечество его реального, высшего единства, понятого отнюдь не абстрактно, а конкретно. Однако либерализм не доходит до истинного универсализма, а заменяет его провокационным двойником – космополитизмом, поскольку сам лишен высших онтологических оснований бытия, которые только и могут обеспечить жизнедеятельность человечества как совокупного единого целого. Вместе с тем либерализм пользуется национализмом для встраивания его в свою систему ценностей, в политические и экономические институты в моделируемом им обществе.

Принцип национального суверенитета и сведение национального своеобразия к возможности реализовать свое право на государственность не только не мешают космополитизму, но во многом именно через эту тенденцию, неотъемлемо присущую национализму, он реализует свои глобалистские планы не только в европейском мире, но и в планетарном масштабе. Однако либерализму до конца не удастся контролировать национализм, который время от времени вырывается наружу и потрясает основы либерального общества. Но такая ситуация не чревата катастрофическими последствиями для либерализма, поскольку национализм, так же, как и космополитизм, лишен абсолютных критериев бытия. Более того, национализм и космополитизм оба являются неотъемлемыми частями либерализма, оборотными сторонами одной и той же медали.

Национализм также имеет свою относительную правду, которая сводится к протестному чувству лишения святая святых – принадлежности к своему народу и любви к

Родине. Это тем более обоснованно, что взамен всего этого космополитизм ничего абсолютно не предлагает, и все его рецепты сводятся к определенному образу жизни, стандартам усредненного человека, как правило, лишённого конкретного содержания и сведенного совершенно искусственным образом к некому абстрактному знаменателю. Здесь происходит онтологическое смещение ценностей и универсализм заменяется космополитизмом, ратующим за идеалы среднего человека. Призыв к отказу от национального обособления приводит к обезличенному состоянию, где «единство» человечества реализуется через определенные мировоззренческие установки, в конечном счете ведущие к созданию «общества массового потребления», т.е. в основе такого рода «объединения» человечества лежат материалистические мотивы, призванные реализовать «идеалы» оккультного материализма. Но и национализм, выступающий против космополитизма, лишен абсолютной истины, поскольку совершенно безосновательно берет под сомнение единство человеческого рода, без которого немислимо его существование и в частности. Либерализм, балансируя между относительными правдами национализма и космополитизма, использует то одну, то другую для достижения своих целей.

Таким образом, космополитизм и национализм — взятые вместе и в отдельности, в открытом противостоянии и в «мирном сосуществовании» — заводят человечество в тупик. Величие Леонтьева заключается не только в том, что он показал тотальную несостоятельность национализма, поскольку «специфически национального ничего не было никогда. Национальными были лишь своеобразные сочетания общечеловеческого»¹⁰; и ту опасность, которая исходит от космополитизма, в большей степени присущего либерализму в период его вступления в фазу смесительного упрощения; а критику всех этих разрушительных процессов он дополнил позитивной стороной своего учения, призванного делиберализировать и вновь сакрализировать опошленные и во многом сведенные на нет либерализмом духовные ценности.

Самое главное, что было сделано Леонтьевым и что действительно приобретает громадное значение для XXI века и для дальнейших судеб мира, — это критика секулярной куль-

туры в самом глубоком ее основании. Леонтьеву, как мало кому из его современников, удалось показать историческую ограниченность и историческую преходимость десакрализованной секулярной культуры, которая в открытом противостоянии с историческим христианством выпестовала богоборческий тип цивилизации, чья «автономность» и реальное неподчинение высшим религиозным идеалам рано или поздно должны привести к его гибели вместе со всем человечеством, что с точки зрения либерального мировоззрения и его «гуманизма» вполне может быть воспринято как некий «естественный» процесс.

Истинный универсализм возможен только на основе вечных религиозных истин, и только опираясь на них человечество сможет преодолеть языческие установки национализма, не возвращаясь к космополитизму. Реальная и окончательная победа над национализмом может быть осуществлена только в христианском религиозном универсализме, где равенство всех народов и отказ от националистического самообожествления, противопоставления себя всему человечеству в виде национального эгоизма является требованием высшей абсолютной Истины. Только конкретное равенство всех – как индивидов, так и народов – перед Богом, для Которого нет «ни элина, ни иудея», возвращает человеку истинный, метафизический характер его изначальную сущность и тем самым возвращает человека через Бога к самому себе, восстанавливая его первоначальный облик как созданного «по образу и подобию Божию». Именно такая постановка вопроса лишает национализм смысла, поскольку перед лицом универсализма, апеллирующего к абсолютной Истине, не только не состоятельны его доводы, но и обесмысливается само его существование.

Возврат человечества к историческому христианству для его дальнейшего продвижения по пути к Богочеловечеству приведет к усилению единства человечества, сведет на нет центробежные силы, раздирающие его на отдельные части, и обеспечит все большее и большее сближение, а в дальнейшем и окончательное единение рода человеческого. И на этом пути развития преображенного, одухотворенного человечества любые рецидивы возврата к национализму будут исторически обречены.

Таково учение византизма о национализме и космополитизме, учение наиболее полным образом представленное его великим адептом Константином Николаевичем Леонтьевым. Самым замечательным является то обстоятельство, что до таких вершин универсализма, до которого мир окончательно еще не дорос, Леонтьев поднялся на основе исторического христианства: именно оно позволило ему разработать учение, принципиально преодолевшее нигилизм во всех формах его проявления – либерального космополитизма и либерального национализма. Вне исторического христианства феномен Леонтьева не может быть понят. Что касается универсализма Леонтьева, то понимание глубины этого учения, пожалуй, приходит только в наши дни. Не было бы преувеличением полагать, что XX столетие объективным образом не было готово его принять. И если антилиберализм Леонтьева получил свое понимание со стороны наиболее крупных мыслителей XX века, то в своем универсализме он оказался не до конца понятым даже ими. «Удивителен такой бесстрашный универсализм у озлобленного противника космополитизма»¹¹. Однако в «бесстрашном универсализме» Леонтьева ничего удивительного нет, более того, удивляет удивление Франка. Если и можно говорить о неких детерминированных моментах в философском мировоззрении Леонтьева, то только о детерминированности универсализма в его византизме, поскольку универсализм и византизм не только не расторгимы, но и абсолютно тождественны друг другу. «В известном смысле, – полагает Бердяев, – можно сказать, что Константин Николаевич более «интернационалист», чем националист»¹². Интернационализм Леонтьева, по Бердяеву, проявляется в том, что: «К. Леонтьев так мало верил в силу «своего», «русского», что отрицательно относился к русификации окраин»¹³.

Однако Бердяев тем самым девальвирует византистское миропонимание Леонтьева и проходит мимо его диалектического учения о космополитизме и национализме. Для Леонтьева действительно категорически неприемлема какая-либо политика русификации или любой другой ассимиляции. Это не соответствует его собственным универсалистским идеалам, основанным на византизме и, по его

глубокому убеждению, не соответствует также всемирно-историческому призванию России, миссия которой как раз и заключается в создании Великого Восточного Союза, что по большому счету должно спасти или же, по крайней мере, предотвратить надвигающуюся мировую катастрофу. Для реализации этих задач ей необходимо иметь, наряду с крепким русским ядром, являющимся средоточием этого процесса объединения, разнообразные инородческие элементы, в совокупности с которыми ей еще суждено сказать свое слово в истории. И в этом вопросе Леонтьев оказывается наиболее близким Соловьёву, также полагавшему, что Россия в одиночестве не сможет решить всемирно-исторические задачи, и только в союзе с народами, совокупными, совместными усилиями она сможет выполнить свое предназначение.

Что касается протеста против русификации инородческих окраин, то и здесь рассуждения Леонтьева носили конкретный характер, вписывались в общую канву исторических событий и в своих теоретических положениях на многие годы вперед опережали ход реальных исторических событий. В период царствований Александра III и Николая II произошли изменения как во внутренней, так и во внешней политике Империи, которым суждено было сыграть свою роль в дальнейшей судьбе России, и которые прямым образом затрагивали основы византизма. По существу, произошёл отказ от византизма в пользу узкоэтнической идеологии. Именно этим обстоятельством обусловлено резкое изменение в духовной сфере жизни общества. Восьмидесятые годы XIX столетия в идеологическом плане прошли под знаменем воинствующего национализма, прозванного современниками «зоологическим национализмом». Основанный на лозунге «Россия для русских» отказ от традиционной для России поддержки национально-освободительной борьбы народов Православного Востока привел к резкому охлаждению к так называемым малым союзникам России, де-факто являющихся агентами русского влияния на Ближнем Востоке и активнейшим образом способствующих ее продвижению на Кавказ, в Малую Азию и на Балканы. К этому времени появляется целая формация идеологов, а также государственных деятелей, во внутренней и внешней

политике проводящих антивизантистскую политику и открыто враждебно относящихся к Восточному вопросу. Если до этого времени в России рассматривались те или иные варианты создания федерации, конфедерации или иных форм государственного единения с Россией освобожденных православных народов, то теперь вопрос ставится исключительно о территориальном приращении Империи, ее территориального увеличения на прежних административных началах и без какой-либо поддержки со стороны тяготеющих к России угнетенных народов Османской империи. Поствизантийское пространство уже не рассматривается как цивилизационное пространство будущего Восточного Союза, а как территория, которая должна войти в состав России на общих административных основаниях. Вынашиваются идеи прямого включения Константинополя в состав России в качестве «русского города», что приводит к резкому ухудшению отношений с греческим народом — как с его освободившейся частью, так и с той, которая все еще пребывает под турецким гнетом. И все это происходит вопреки провидческим предостережениям Данилевского и Леонтьева. **«Константинополь не должен быть столицей России, не должен сосредоточивать в себе ее народной и государственной жизни и, следовательно, не должен и входить в непосредственный состав Русского государства... Одним словом, Царьград должен быть столицей не России, а всего Всеславянского союза»**¹⁴. «Самое существенное — это Царьград и проливы. Мы должны понять, что это-то и есть для нас и для прочной организации всего восточно-христианского мира самое существенное... Царьград есть тот естественный центр, к которому должны тяготеть все христианские нации, рано или поздно (а может быть и теперь уже) предназначения составить с Россией во главе Великий Восточно-православный Союз»¹⁵.

Как истинный патриот России, Леонтьев все ее будущее связывал с верностью византийским началам и поэтому не мог не провидеть, какой катастрофой обернется для нее отказ от византизма. И здесь ровным счетом никакой роли не играло, во имя национализма или же космополитизма это делается, тем более, что националистическая девизантизация, по большому счету, готовила глобальное наступление

космополитизма, который полностью захлестнул Россию в начале XX столетия, и для преодоления которого русский народ заплатил неслыханную цену. События 1917 г. и крушение исторической России, ее замена Советской Россией, претендующей начать как собственную, так и всемирную историю с чистого листа, дикая, в каком-то смысле невиданная дотоле вакханалия космополитизма, рассматривающего Россию в качестве порохового погреба для «мировой революции», не может до конца быть понята без тех процессов, которые происходили еще в дореволюционный период. Таким образом, Бердяев совершенно не прав, полагая, что отказ от русификации был для Леонтьева проявлением его неверия в русский народ. Однако здесь важно отметить, что данное непонимание Леонтьева нельзя воспринимать исключительно как точку зрения отдельно взятого, пускай и выдающегося мыслителя. Скорее это отношение является симптоматикой для целой эпохи, не сумевшей вместить в себя византизм Леонтьева.

Далее, продолжая анализировать творчество Леонтьева, Бердяев приходит к мысли, что «Константин Николаевич не был грешен церковным национализмом, в этом он резко отличается и от славянофилов и от Достоевского. Его построение ближе подходит к католицизму, чем к русскому православию»¹⁶. На самом деле Леонтьев никаким образом не находится под влиянием католицизма и ни в коей степени не идет на сближение с ним. Его отношение к католицизму, употребляя франковскую терминологию, определяется «эстетической метафизикой жизни» и в своем основании имеет тот самый «бесстрашный универсализм» (С.Л. Франк), который оказался неразрывно связанным с самой основой его личности, олицетворением его духа. Действительно, Леонтьев в тягбе католицизма и либерализма берет сторону западной Церкви. Для Леонтьева церковно-государственные принципы всегда неизмеримо выше принципа национальности. И в этом отношении универсализм Леонтьева можно отнести как к православию, так и к католицизму. Леонтьев готов ненавидеть Европу, преследующую Католическую Церковь, которая, несмотря на все глубокие догматические различия с Православием, является все-таки великой и апостольской. Леонтьев согласен остаться при своей

«греховной» ненависти к современной Европе, поскольку она порождена любовью к Церкви. Леонтьев оговорился, что, не будь он православным, он предпочел бы быть католиком, чем либерал-демократом.

Такая позиция совершенно закономерна и гармонично вписывается в общую картину его историософской концепции. Однако, исходя из этого обстоятельства, делать резюмирующие выводы о его сближении с католицизмом столь же неправомерно, как, скажем, на основании того, что Леонтьев к старой европейской культуре относился с более глубоким уважением, чем даже к прошлому России, и резко отрицательно выступал против всякого рода попыток принизить и девальвировать западные культурные принципы, объявить его западником. Точно также его *ненависть к либеральной Европе и попытка пойти на возможный союз с нехристианским Востоком против десаκραлизованного Запада не превращает его в евразийца. По большому счету Леонтьев никакого отношения не имеет ни к католицизму, ни к западничеству, ни к евразийству, ни даже, а может, не в меньшей степени, к славянофильству. Единственное, что является квинтэссенционным определением личности Леонтьева и его учения, — это византизм.*

Вместе с тем, необходимо заметить, что, отмечая отсутствие церковного национализма и определяя леонтьевское мировоззрение как религиозный универсализм, Бердяев затрагивает очень важную тему, но изначально неправильная постановка вопроса не позволяет ему ее раскрыть. На самом деле *в религиозном мировоззрении Леонтьева впервые универсализируется православное церковное сознание.* В его лице православное мировоззрение действительно освобождается от присущей в целом восточной Церкви тяги к отождествлению этнического принципа с национальным, что зачастую приводит к появлению такого феномена, как церковный национализм, заквашенного на этническом самовозвеличивании и перенесенного в сферу религиозной жизни. Симптоматично, что многие выдающиеся русские философы в своем стремлении к достижению общехристианского идеала пытались синтезировать основные духовные начала восточной и западной Церквей. Именно на этом пути они ожидали дос-

тижения высочайшего идеала, призванного в новых исторических условиях раскрыть человечеству абсолютные истины христианства. Классическим представителем этого направления христианской мысли был младший современник Леонтьева — Соловьев. Однако задача Леонтьева была совершенно иной. Надо было выявить в православии еще не востребованные историей мировоззренческие пласты, которые сами по себе, в своем чисто православном содержании, вне какого бы то ни было влияния католицизма или протестантизма, должны были сконструировать универсальные модели для всего человечества в деле его обустройства на новых, христианских принципах на чисто православной почве.

Анализируя данное явление с историософской точки зрения и с позиции определенной исторической отдаленности, необходимо отметить, что XX век не был готов принять Леонтьева и византизм во всей его метафизической глубине и жизненной полноте. «Крайний индивидуализм Леонтьева, который обрел у него форму прямой и неудержимой ненависти ко всякого рода эгалитаризму, потерял добрую половину своей действенности по причине неестественного симбиоза с пессимистическим и фатальным аморализмом и трансцендентным эстетизмом, а потом и вовсе растворился в явно натуралистической, даже прямо зоологической социальной философии деспотизма»¹⁷. На самом деле история должна была пойти по совершенно иному пути, реализовать те же принципы социализма на антивизантистских началах, чтобы к XXI в. по новому посмотреть на Леонтьева и его византизм как на последнюю альтернативу энтропийным процессам распада. И в этом отношении демифологизация образа Леонтьева превращается в духовную потребность нашей эпохи.

Действительно, только история XX века со своими бесконечными учениями и правого и левого направления должна была показать истинную цену социального экспериментаторства десакрализованного человечества, подведшего себя к краю пропасти и сделавшего свою будущность весьма проблематичной. Опыт так называемых тоталитарных режимов и так называемых демократий показал полнейшую исчерпаемость пресловутых научных концепций, усматривав-

ших в человеке всего лишь завершающее звено в стихийном процессе природного развития. Исконно христианская идея социализма, переведенная на рельсы атеизма, была обречена на поражение в битве с капитализмом не в экономической даже, а в духовной сфере. Ибо неправда капитализма с его социальным неравенством, экономическим угнетением и классовой борьбой в высшем смысле есть неправда духовного порядка, переиначивающая евангельское учение «не хлебом одним будет жить человек» (Мф.4,4) и превращающая человека в раба материального производства и его потребления. Только доведенный до своего логического завершения либерализм показал, какова истинная цена его «свободы». *Реальная свобода либерализма в конечном счете оказалась свободой вседозволенности, т.е. погружения человека в состояние животности и комфортного чувства пребывания в нем.* Необходимость демифологизации образа Леонтьева предполагает отказ от всякого рода партийного подхода к его личности и творчеству. К примеру: Яковенко относил Леонтьева к лагерю славянофилов; князь Сергей Трубецкой в этом же духе называл его «разочарованным славянофилом»; в отличие от них Булгаков и Бердяев представляют Леонтьева в образе «разочарованного западника», реакционера-романтика, трубадура ушедшей в прошлое великой эпохи европейской культуры. На самом деле оба направления одинаково неадекватны в понимании его личности и творчества. Намного ближе к истине оказался Франк: «В великой и длительной борьбе двух русских идейных направлений — славянофилов и западников — он не смог примкнуть ни к одному из них и, соответственно, был отвергнут ими обоими»¹⁸. Трагическое выпадение Леонтьева из своего времени и его обращенность к будущему, измеримому не десятилетиями, а столетиями, обеспечили его полнейшее духовное одиночество.

Восприятие Леонтьева как эстетствующего аморалиста и «русского Ницше» заслонило собою его великое византистское учение, его актуальность и злободневность для насущных и не только насущных проблем общества. В нем проглядели пророка и мыслителя, чья уничтожающая критика нигилизма была направлена на позитивное преодоление этого явления и переход человечества на совершенно

новую ступень развития, где могли, наконец, реализовать те высокие идеалы, за которые он с горячей убежденностью боролся всю свою жизнь. Симптоматично, что отношение Яковенко не есть только его личная точка зрения или же точка зрения его идейных философских единомышленников. В той или иной степени ее разделяли практически все великие и выдающиеся мыслители: Соловьев, С. Трубецкой, Флоренский, Булгаков, Н. Лосский, Зеньковский, Бердяев и даже Франк, чьи очерки о Леонтьева по своей глубине являются наилучшими страницами, посвященными ему. Однако никто так не актуален для нынешнего переходного периода в истории человечества, когда оно находится между прошлым и угрозой отсутствия будущего, как Леонтьев. Возвращение Леонтьева обусловлено не только тотальным банкротством либерализма, но и является барометром надвигающегося глобального кризиса современной культуры, ее исторической исчерпанности и необходимости христианизации общества, где духовное не только должно быть вновь сакрализовано, но гуманизация и одухотворение экономических отношений выступают на первый план как решающий фактор дальнейшего существования человечества.

Как правило, все, кто пытался так или иначе рассмотреть историософию Леонтьева, констатировали факт его неверия в Россию. Обращало на себя внимание то, что отношение Леонтьева к будущему России было глубоко пессимистичным, а что касается ее прошлого, то многие его идеи прямо перекликались с идеями Чаадаева. Однако сегодня, изучая эту проблему, нельзя эти идеи рассматривать в качестве базовых для понимания взглядов Леонтьева на Россию. Объективное рассмотрение очень сложного и действительно противоречивого отношения Леонтьева к России выявляет ту истину, что мало кто так верил в провиденциальную роль России, как этот великий византист.

Для такой постановки вопроса имеются очень серьезные основания. Критическое отношение к Леонтьеву и восприятие его критицизма как проявления неверия в Россию имело место в конце XIX в., в начале и в середине XX в. Уже такая временная отдаленность от нас требует применения историко-философского анализа к разного рода взглядам на уче-

ние Леонтьева. Концептуально при анализе этого вопроса ни Франк, ни Соловьев не могут рассматриваться в качестве точки отсчета, а их отношение к Леонтьеву имеет в первую очередь не теоретический, а исторический характер. Только рассматривая историю XX века как нечто завершенное и анализируя то, что уже успело принести с собою XXI столетие, возможно понять Леонтьева, в том числе и с интересующей нас точки зрения. Но прежде чем попытаться разобраться в данной проблеме с позиций первого десятилетия XXI в., необходимо предоставить слово самому Леонтьеву. «Иную форму единения, которая послужила бы краеугольным камнем и образцом для будущего восточно-православного союза, которого никакие усилия западных врагов наших не отвратят, если только мы сами не погубим какую-нибудь неуместную в политике «честностью» и нашей собственной и всеславянской, и всехристианской будущности!.. Ни всеславянский союз с Россией во главе, в который вошли бы исключительно одни Славяне, ни более естественный и более сильный великий восточный союз, частями которого стали бы *volens-nolens* и Румыны и Греки и Армяне, вследствие племенной и политической черезполосности Востока, ни та, ни другая конфедерация немыслима без союзной столицы в Царьграде»¹⁹.

Как видно из сказанного, Леонтьев исключительно высоко ценил роль России в исторических судьбах человечества. Именно с нею он связывал не только всеславянское, но и всехристианское будущее. А создание Великого Восточного Союза, по отношению к которому Россия выступала бы цементирующим, определяющим началом, Леонтьевым не без основания воспринималось как совершенно новая эпоха во всемирной истории, эпоха, которой дано будет решить все еще нерешенные и принципиально неразрешимые для современности задачи.

Более того, Леонтьев предугадывает ту фатально наступающую историческую ситуацию, когда обессиленный либерализмом Запад рухнет под ударами Востока, и особенно Востока исламского. И в этом отношении Великий Восточно-Православный Союз должен будет спасти Запад и, тем самым, остановить дальнейшую дехристианизацию мира, что равнозначно спасению самого мира.

Уже из такой постановки вопроса видно, насколько высоко ценил Россию Леонтьев и какое исключительное место отводил ей в будущем. Вместе с тем невозможно не отметить те тревожные ноты, которые, врываясь в его рассуждения, как бы нарушали их стройность и цельность. Боязнь Леонтьева, чтобы сами русские и остальные славяне не погубили и своего будущего, и всего остального вместе с ним, свидетельствует о чем-то очень серьезном и фундаментальном, мимо которого он при всем своем желании не мог пройти. Что же это такое? Потаенное сомнение, неверие, которое, прорываясь, невольно обнаруживают себя? И насколько правомерны такого рода рассуждения применимо к Леонтьеву? Если эту прорывающуюся тревогу свести к чувственно окрашенным переживаниям, приобретающим эмоциональный характер, то придется отказать Леонтьеву в объективной значимости всех его исторических прозрений и прямым образом взять под сомнение всю концептуальную правоту его историософского учения. Однако этого делать не приходится, поскольку весь ход развития всемирной истории подтверждает правоту леонтьевского анализа, а его собственное византистское учение приобретает особую значимость в эту судьбоносную для человечества эпоху и вне всякого сомнения должно рассматриваться как один из наиболее серьезных альтернативных вариантов по отношению к либерализму и проповедуемому им глобализму.

Таким образом, рассматривая эти проблемы, мы должны прийти к объективным основаниям, определяющим весь ход леонтьевских рассуждений. Это тем более необходимо, что никто иной, как сам Леонтьев, указывает на них: «Русская интеллигенция не в силах различать стекла и меди от настоящей пищи. Она жрет, что попало и радуется»²⁰.

Только учитывая это обстоятельство, можно понять, какую огромную роль играет либеральная интеллигенция в раздумьях Леонтьева о судьбах России, славянства и даже мира. Леонтьев с самого начала предугадывал ту исключительную роль, которую может сыграть в исторических судьбах России и славянства либеральная интеллигенция. Выполнение исторической миссии России прямым образом связано с нейтрализацией духовной деятельности после-

дней, поскольку в случае реализации ее установок и Россия, и славянство в целом превратятся в духовный и сырьевой придаток Запада.

То, что эти опасения не были лишены исторических оснований, свидетельствуют уже наши дни. В результате интенсивного внедрения либерализма на славянской почве, имевшего место в последние два десятилетия XX в. и первое десятилетие XXI в., этот процесс искусственного приживания на совершенно чуждой ему основе привел к духовной катастрофе, последствия которой могут быть до конца не преодолимы. Необходимо также отметить ту поистине роковую роль, которую сыграла нигилистически настроенная интеллигенция в деле крушения России в истории XX века.

Внедрение либерализма в современной России неразрывно связано с распространением идей космополитизма и национализма, что, по глубокому убеждению Леонтьева, чревато гибельными последствиями для исторических судеб не только России, но и всего славянства.

Примечания

¹ Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 414.

² Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1885. Т. 1. С. 286.

³ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1886. Т. 2. С. 64, 315.

⁴ Леонтьев К.Н. Восток // Там же. С. 180.

⁵ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1885. Т. 1. С. 267, 275.

⁶ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1886. Т. 2. С. 41.

⁷ Там же. С. 291.

⁸ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1886 Т. 2. С. 152; Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1885. Т. 1. С. 310.

⁹ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1885. Т. 1. С. 283.

¹⁰ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1886. Т. 2. С. 315.

¹¹ Франк С.Л. Указ. соч. С. 416.

¹² Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // Бердяев Н.А. О русской философии. Ч. 1. Свердловск, 1991. С. 250.

¹³ Там же. С. 252.

¹⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 326.

¹⁵ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1885. Т. 1. С. 250, 255.

¹⁶ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 254.

¹⁷ Яковенко Б.В. История русской философии М., 2003. С. 465.

¹⁸ Франк С.Л. Указ. соч. С. 404.

¹⁹ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1885. Т. 1. С. 239.

²⁰ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1886. Т. 2. С. 183.

ФИЛОСОФИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Парадигмы цифрового мира

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИХ ПРАКТИК

С настоящего выпуска журнал открывает новую рубрику, которую редакция предполагает назвать «**Философские проблемы постнеклассических практик**». Название это неокончательное, во многом условное и отсылающее к традиции именования возникающих проблемно-предметных и трансдисциплинарных по сути сфер контакта философского дискурса и конкретных дисциплин – таких, как физика, биология, химия, а затем – таких междисциплинарных кластеров, как экология, кибернетика, информатика, коммуникативистика, синергетика, компьютеринг, наука о сложности, а в самое последнее время – нанонаука и нанотехнологии.

Дать с самого начала однозначное и «строгое» определение области «философских проблем постнеклассических практик» вряд ли возможно. Во всяком случае – не очень конструктивно. Но поскольку определяться все-таки надо, редакция полагает, что оптимальное решение в данном случае – это парадигмальный подход, т.е. указание на *примеры характерных проблем*, сама формулировка и разработка которых предполагает обращение к понятию «философия постнеклассических практик».

В самом общем виде эти проблемы можно обозначить как проблемы новых технокультурных гибридов, возникающих в текущем процессе социокультурной трансформации. И тогда новые технологии и постнеклассические практики проблемно определяются как практики трансформативные и социокультурные. И здесь, собственно с философской точки зрения, важно иметь в виду, что эти становящиеся по самой своей сути новые технологии и практики не-

обходимо рассматривать не как набор неких активностей, инструментально оснащенных системой семиотических операторов, а как некую (мета)системную целостность таких операторов, сфера действия которых – новое психосоциальное пространство человеческого бытия в его экзистенциальном становлении. Иными словами, само философское осмысление новых коммуникативных технологий и практик – это процесс, реализующийся в конструктивной разработке синергийного комплекса междисциплинарных концепций, формирующих перспективный горизонт понимания и прогнозирования механизмов качественной технологической трансформации в эволюции современной цивилизации.

Внимательный читатель нашего журнала, наверное, заметил, что этой теме уже были посвящены статьи по нанотехнологиям, виртуалистике и синергийной антропологии, опубликованные в 2007 г. (№ 7 и 8) и 2008 г. (№ 1 и 2). Открываемая в этом номере рубрика «Философские проблемы постнеклассических практик» ставит одной из своих задач сделать обращение журнала к этой теме систематическим и регулярным. Публикуемые в новой рубрике статьи Е.И. Ярославцевой, С.В. Кричевского, С.В. Кувшинова, В.И. Батова, В.В. Муромцева, А.В. Муромцевой вместе с вышеупомянутыми текстами предшествующих номеров – это лишь первые шаги на пути развития сети интерфейсов, зон креативного контакта между философской мыслью и становящимся коммуникативным гиперпространством галактик Интернет и высоких конвергирующих технологий XXI века.

От редакции

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е.И. ЯРОСЛАВЦЕВА

Hi-tech и коммуникативная реальность

Современный человек строит свои отношения с миром на основе цифровых технологий, сжимающих в себе огромные объемы информации и имеющих многообразное техническое и технологическое воплощение. Возникает особая коммуникативная реальность, созданная интеллектом человека. Этот способ кодировки и описания мира не только инструмент работы профессионалов, но и форма связи, общения, обучения самых обычных людей: он интересен и привлекателен, легок в освоении и позволяет стремительно переносить себя в будущее. Пользуясь таким инструментом, человек еще больше проявляет свое качество становящейся, открытой развивающейся системы. Очевидными становятся его творческие потенции, которые при использовании цифровых, информационных и компьютерных технологий, делают развитие человека принципиально незавершенным и открытым для изменений. Человек в цифровом пространстве становится стремительно расширяющей свои возможности интерактивной системой, которая закладывает соответствующие параметры будущего.

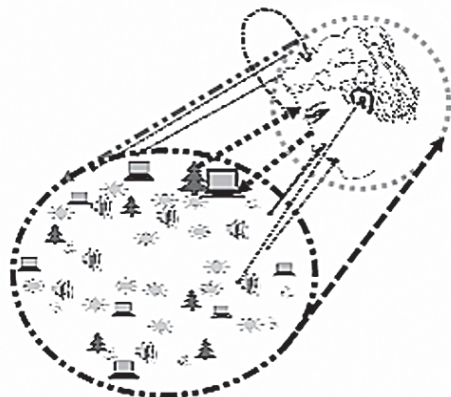
Существует устойчивая тенденция повышения интенсивности жизни человека. Его стремительно расширяющееся коммуникативное пространство влияет на мировоззрение человека, стремящегося уложить в единую картину все многообразие изменений. У человека возникает потребность не только в «новой оптике»¹, но и в новом звучании, новом эмоционально-психологическом опыте, что актуализирует вопросы согласованности, синергичности жизненных процессов. Человек и окружающий его мир могут восприниматься как очень чутко реагирующими друг на друга многомерные системы. Фактически происходит новый этап расширения сферы влияния человека на мир, о котором говорил еще М. Маклюен, касаясь не столь далекой от нас эпохи возникновения электричества². В этом расширении

человек не просто начинает преобразовывать мир, он начинает осваивать новые степени свободы, осознавая и по-новому структурируя свой интерактивный топос — зону своего ближайшего, личного взаимодействия с миром³. Если еще столетие назад человек мог быть своеобразным сторонним наблюдателем за изменениями, которые происходят вокруг него, и занимать позицию, в которой хотел увидеть «мир как таковой», чтобы начинать правильно его перестраивать, совершенствовать, то сегодня он этого позволить себе уже не может.

Мир обрел много точек роста. По существу, каждое желание человека, превращенное в цель, многократно усиливается цифровыми, мультимедийными технологиями. Компьютер превратился не просто в персональную, но в личную систему коммуникации, создав возможность информирования сообщества об индивидуальных событиях, что порождает перспективы, недоступные ни для какого прогноза. «Мир как таковой» оказался потенциально перенасыщен и недоступен для обычного наблюдения: появляются новые формы самоорганизации, возникают сети коммуникаций, представленные сегодня активно разрастающимся и преобразующимся нелинейным Интернет-пространством. Оно есть одновременно и новая степень свободы человека, и обновленный им внешний мир.

Сетевое Интернет-пространство соразмерно современному человеку и, в определенной мере, проявляет ранее недоступные для наблюдения, особенности развития его отношений с миром. Будучи открытой системой, человек в аутопоэтическом процессе расширяющейся коммуникации не только трансформирует мир, но и преобразуется сам⁴. Оснащенный послушным, дружественным, цифровым инструментом — компьютером, ставшим функциональным продолжением не только его руки, но способностей слышания, видения и чувствования, человек в «новом формате» воспринимает и предъясвляет себя миру. Он лично включается в глобальные межконтинуальные отношения «человек и мир», создавая коммуникативную пару.

На рисунке изображен человек, осуществляющий коммуникацию с внешним для него предметно-субъектным

*Рис. Человек во взаимодействии с миром:
коммуникативная пара.*

миром: миром природы и миром людей, где он — одна из сторон «коммуникативной пары». Это требует от него постоянной психофизиологической и интеллектуальной активности, с помощью которой он старается быть адекватным многообразию мира, одновременно создавая мир, адекватный себе. Как открытая к изменениям система он постоянно соразмеряется с миром, оптимизируя взаимоотношения для сохранения собственной динамичной целостности. Человек сосуществует с миром в постоянном интерактивном взаимодействии, формируя определенное пространство, топос, в котором действует его личный опыт освоения мира, определения цели собственного сосуществования.

Отношения человека и мира, микрокосма и макрокосма, естественным образом охватываются философским мышлением. Человек — инвариантен природе, является ее системным порождением, имеющим высокую степень сложности. Философское понимание этой взаимовключенности и противостояния делают понятным, как глобальные мировые проблемы становятся лично значимыми и переживаемыми, порождая у человека нравственное бремя ответственности за все и всех. Это является качественной стороной взаимоотношений коммуникативной пары, может стать серьезным критерием интерактивного пространства, которое, обретая сети Интернет, становится все более явным.

Покинуть узкие пределы. Можно говорить об опыте саморасширения человека, в котором важна способность строить диалог, управлять соотношениями, осваивать соответствующие инструменты. К ним можно отнести опыт *доречевой, устной и письменной* коммуникаций, *виртуальную жизнь* в современных Интернет-сетях. Везде диалог существовал как неотъемлемый признак точек роста, развивался через установление баланса. Нам более всего знаком диалог внешний, когда существует еще один носитель самостоятельной позиции; но бывает и внутренний, нравственный диалог, когда «собеседником» является собственный опыт. Человек может строить диалог со своей памятью. Возможно, такой вид коммуникации породил рефлексию индивида, через построенный диалог произошло осознание не только наличия, но и содержания определенной индивидуальной, жизненно важной для человека, информации. При этом само отношение и возникавшие соотношения вообще не выделялись как процедура, но вполне явственно ощущалось как некоторое качество, как диалог с памятью, получив имя – мудрость. Она выглядела как умение «философски» относиться к чему-либо, т.е. дистанцироваться, а затем связываться с обозначившейся проблемой.

Подобная интеллектуальная операция создавала опыт саморасширения человека. Она похожа на петлю обратной связи, которая характеризует системные процессы. Подобное действие, выполняемое систематически, например, в размышлениях, создает опыт многократного дистанцирования, закрепляющегося в виде внутреннего диалога и отражающегося в отношении к жизни. Внутренний диалог выводил человека к новым перспективам и создавал, одновременно, многомерную соотнесенность внутреннего мира. На определенном этапе оказалось возможным отнестись к этому диалоговому процессу не только в собственных мыслях, но и публично, в речи. История философии знает такие школы, которые стремились выводить, выявлять способы работы и самого мышления, и с мышлением как с объектом. Эти философские школы начали систематически возникать и собирать вокруг себя учеников. И нетрудно заметить, что предметом их размышления были именно диало-

гические процессы, способы рассуждения. Думанье было неизбежной формой, поскольку никаким другим образом интеллектуальное действие совершаться не могло. И посредством думанья строилось отношение к тому, что человек в себе уже заметил как многократно повторяющееся, а именно, отношение к инвариантным процессам рассуждения. По мере возможности любители мудрости, философы выводили это отношение во вне, закрепляя его в речи, делая его существование более реальным, точнее говоря, более публичным. Таким образом, некий инвариант — *логическое рассуждение* становилось фактом особой реальности, закреплялось в риторических рассуждениях, диалогах с публикой.

Извлекаемый из себя интеллектуальный опыт работы человека способствовал закреплению данных соотношений в виде функционального образа, который возникал не только у автора, но и у слушателей. Нередко извлечения из собственного опыта могли казаться абстракцией, нежизненными измышлениями, поэтому для поиска компромисса приходилось прибегать к различным риторическим приемам, переходить, как мы бы сегодня сказали, в режим презентации, т.е. подыскивать примеры, на которых показывать интеллектуальные процедуры выполнения отношений. Для многих подобная речевая работа становилась реальным обучением и правилам отношений, и системе оценок. Возможно, оно создавалось посредством резонанса, а человеком могло ощущаться как некоторое припоминание давно живущего внутри знания. Подобная феноменология могла быть вполне естественной, проявляя опору человека на филогенетический опыт развития, внутренний процесс расширения через дистанцирование. Но обнаружить его: выделить и к тому же поименовать, да еще и рассказать другим — сил хватало не у всякого. Здесь от человека требуется особая сосредоточенность и наблюдательность.

В принципе, можно сделать пошаговую схему усложнения сферы соотношений и тогда будет понятно, что происходило при каждом новом этапе расширения, понимания самого себя в контексте сложных коммуникативных систем, в сетевом пространстве мира. И в частности, можно выде-

лить точки появления условий для рождения нового параметра порядка, в которых возникал резкий скачок в расширении системы отношений.

Когда речевой опыт стал устойчивой реальностью, выработалась способность закреплять собственное отношение к содержанию своих мыслей во вне через озвучивание, этот опыт стал областью публичного внимания и оценки. Произошло, можно сказать, бифуркационное расширение, которое вывело отношения в совершенно новый уровень существования. У человека возникло внешнее и внутреннее пространство: мыслительный процесс продолжал занимать свою нишу, а речевой процесс развивал свою: школы устного слова, как мы сказали бы сегодня, были совсем не чтецкими курсами, а способом извлечения смысла изнутри человека. Они имели вполне понятную цель — решать задачи по выявлению скрытых эзотерических смыслов процесса размышления. Возможно, только со временем, когда устные беседы стали обыденным делом, стал появляться интерес к внешнему окрашиванию речи, к работе на публику. И человек, понимавший строение своих мыслей, оценок, которые можно к ним применить, достигал успеха в общении с публикой. Озвучивание мыслей стало способом эффективной коммуникации, рождающим новые отношения, связи в социуме.

При становлении процесса устной коммуникации можно заметить возникновение и еще одного направления — записи того, что было услышано. Это совершенно другая форма воплощения имеющегося внутреннего знания, иная форма выведения соотношения во вне. С физиологической точки зрения здесь различия принципиальны — работают разные мышечные группы. Во время устного выведения отношений во вне, их речевого закрепления, работают мышцы языка. Во время записи речи, а значит, и фиксации «овнешнения» отношений, работают мышцы руки. Это может быть как правая, так и левая рука. По сравнению с речевыми формами существования сетевых коммуникаций, запись способна делать мысли о мыслях не просто публичными, но транслируемыми, передавать их новым поколениям. Данный анализ показывает, что фиксация процесса,

создающего отношения и соотношения, посредством устной и письменной форм, является сквозной деятельной задачей человека, скрытым, порой даже от него самого, мотивом активности, субъектности. И поскольку эти внутренние коммуникации постоянно нарастают, процесс оказывается незавершающимся расширением, формирует постоянно открытую систему.

Эти тонкие коммуникативные связи, соотношения, построившие практику аудиального и визуального восприятия человека, заложив основы его личностного развития, через какое-то время исчезли из его поля зрения и опыта. Они – свернулись. Для человека более важным становился внешний мир с его ресурсами, стали формироваться объект и предмет исследования. Они символизировали и поддерживали становление текстового пространства, умение человека оперировать символами, отражать свои представления о живом мире в условных образах и связях. И конечно, большое значение здесь начинало играть то обстоятельство, что эти знания становились массовыми, приобретая особое свойства. Дело в том, что массовое сознание, по своей природе, отличается от индивидуального, поэтому оно и не способно выявить *нечто* как свое собственное состояние, что было вполне естественным для индивидуального мозга – сложноинтегрированной целостной системы. В результате в сознании учеников становились значимыми не собственные состояния, способности, склонности восприятия и понимания, а то, что утверждалось авторитетами, принималось за правильное. Именно в массовом сознании возникла целая система внешних ориентиров, по существу отвергающих внутренний опыт и переживания человека. Именно она становилась основой общих принципов восприятия мира, которая через письменный текст стала доминировать, а в культуре сложилось представление, что написанное пером – самая весомая истина. И что мир, изложенный в тексте, есть наиболее полная и ясная картина, открытая познавательными усилиями человека. А то, что существует за пределами текста, является произнесенным или только помысленным, может быть подвергнуто сомнению. Существенным, имеющим, как мы бы сказали сегодня, самый высо-

кий рейтинг, становилось то, что воплотилось, обрело свою жизнь на бумаге.

Может быть, это будет слишком рискованным сравнением, но в бумаге, как в нейтральной пластичной форме, воплощаются многие ценности. Не только текст, фиксирующий систему сложных соотношений, посредством которых человек расширил во внешний мир свои потенции, но и, например, деньги, которые так же снимают в себе отношения, но только это отношения обмена, оборота товаров. При этом воплощенные в бумаге мысли становились рукописью, которая вступала в товарообмен, становилась инвариантом предметного мира. Отекстовленные мысли тяготели к обретению товарной стоимости, превращению, например, в виде книг, в антиквариат; и их ценность могла возрастая уже независимо от индивидуальных потенций давно почившего автора, но от отношений современных людей, сообщества. Воплощенные потенции человека могли существовать как Тень из сказки Шварца, как опредмеченная форма уже без него. Сам же человек продолжал развиваться, становясь все более интересным объектом для изучения.

Дисциплинарная замкнутость. Несмотря на все достоинства письменного воплощения, текстовых расширений, человек никак не укладывался в каноны понимания предметного мира. Его аутокоммуникации обретали все новые формы расширения, становились сетевым пространством, особенно проявившимся в Интернет-коммуникациях. То, что удавалось сказать про человека, помещалось в рамки какого-либо дисциплинарного знания и, естественно, отображало человека неполно: он был пойман в ловушку предмета, а также и в ловушку текста. Человек поневоле стал мозаичным и «отекстовленным». А осуществляемые им в жизни общение, коммуникации не отражались в научных знаниях, отбрасывались ради ясности критериев. Гуманитарное знание, существующее, по словам М. Бахтина⁵, как знание именно посредством текстов, оказалось перед дилеммой — желание найти истинного человека и отразить его потребности в текстах оказывалось невыполнимым. Ведь реальный человек, особенно, если брать весь временной период его развития, жил в значительной мере в пространстве обще-

ния, коммуникаций, которые не входили в область знания как ясные, устойчивые научные критерии. И если рассматривать человека по временной шкале, то его письменные формы коммуникации, текстовое общение, в том числе и обмен научными идеями, составляют очень малую долю. Хотя, безусловно, для человеческого развития, культуры она имеет очень большое значение, являясь точкой бифуркации, стремительного расширения человеческих потенций.

Но и в этом случае в научных текстах человек получил свою долю внимания только лишь на последнем этапе: философские рассуждения о нем дополнились многообразными антропологиями, так или иначе опирающимися на критерии уже существующих наук. Собственно целостный человек ускользал от исследователей, но они настойчиво пытались решить эту проблему⁶, изобрести соответствующий инструмент исследования. Обозначилось стремление к новой герменевтической культуре, представлению о процессе познания как об открытом и развивающем преобразовании отношений, о диалогическом типе коммуникаций, осуществляющемся во взаимодействии человека с культурой. Возможно предположить, что текст, как форма, возник лишь как первый, решающий описательные задачи, инструмент для исследования человека. Посредством его можно только создавать мозаичный образ человека, собирать, не упуская ничего нового, коллаж из знаний о нем. Как можно полагать, принципиально новые решения могут быть найдены в моделях диалога, о которых говорилось уже и в текстовом пространстве — в коммуникации, которая осуществляется в многообразных взаимоотношениях человека и мира.

Постнеклассическая научная модель исследования⁷, обладающая высокой чувствительностью научного дискурса к человеку⁸, актуализирует вопрос о поиске соответствующих критериев оценки, удерживающих этот интерактивный ценностный диалог. И, прежде всего практической областью применения таких критериев становится сама наука как институционализированная форма динамично расширяющегося диалога человека с природой. Наука сегодня является инструментом этого диалога, и чтобы давать «человекомерные» результаты, в системе ее критериев должен

удерживаться такой фактор, как открытая саморазвивающаяся система – человек. Для науки это несет серьезные качественные изменения: она должна уже не «освободиться» от субъективности, а найти нужное место и формы использования этого фактора в исследовательской деятельности. Соизмеряя с собой, как и раньше, исследуемый им мир, человек должен делать это уже осознанно, понимая, что формирует, создает свой личный интерактивный топос. По существу, он, будучи не только саморегулирующейся системой, но и саморазвивающейся шкалой⁹, является автором своего и соавтором общего мира. Символично появление современных научных концепций, утверждающих, что человек конструирует мир, хотя еще в начале двадцатого века эта мысль, поданная через идеалистические концепции солипсизма, признавалась глубоко антинаучной. Но в них речь шла не столько о действующем, сколько чувствующем человеке, когда тотальная чувственность становилась единственным критерием оценки всего мира, а не только той его части, которая соотносима с чувствами конкретного человека, является его интерактивным топосом.

Наука, дополняемая таким ценностным фактором, как человек, может в широко развитой междисциплинарной и трансдисциплинарной коммуникации создавать обогащающие межпредметные системы критериев. Можно заметить, что уже сегодня социальными и гуманитарными науками осваиваются системы понятий синергетики, выработанные в естественно-научной области знаний, трактующие об открытых аутопоэтических становящихся системах, фрактальных размерностях, режимах бифуркации¹⁰. Но при этом, надо заметить, корни этих подходов лежат в глубинном стремлении человека находиться с природой в согласованных, синергийных отношениях. Идея гармонии, постоянно воспроизводившаяся философской мыслью, возрождавшаяся в культуре, позволила воплотиться этому дискурсу в строго научной системе категорий, оказывающей сегодня обратное влияние на гуманитарное знание, а также на человеческую жизнь. И это общая закономерность – культура всегда живет как открытая система, в которой происходит «оборот идей», их обогащение и проявление в самых

различных формах.

Наука, являясь культурным феноменом, становится все более сложным, нелинейным и динамичным инструментом развития и деятельности человека. И посредством ее человек старается удержать возможность развития собственной перспективы: опираясь на «непредсказуемое» прошлое, он хочет быть обращенным в будущее. Однако прогнозировать развитие такого мира, а точнее, взаимодействий *коммуникативной пары*, практически невозможно. Хотя для науки прогноз всегда являлся одной из важных целевых задач, а также – критерием научности получаемого знания. Это значит, что без включения человека с расширяющейся степенью свободы в знание о развивающихся системах практически невозможно создать представление «о мире как таковом», наметить некую определенность. Современное будущее уже не может быть выстроено по-прежнему. Оно должно приобретать запас прочности через человекомерность создаваемых научных инструментов, гарантирующих безопасность получаемых результатов. В современных условиях интенсивного развития это чрезвычайно важно.

В целом ситуация выглядит так: являясь сложной системой, человек должен посредством не менее сложного инструмента – науки, строить гармоничные отношения с внешним миром. Но воспроизводить коммуникативную пару в системе нелинейных отношений, а тем более управлять ее развитием – задача, не имеющая определенных решений. В данном случае внимание надо переключать на человека, поскольку сам для себя он более прогнозируемая, хотя бы на аксиологическом уровне, система. Именно он в ценностном подходе к миру закладывает принципы будущего, основы его баланса и устойчивости. При развитии индивидуальности человека, силы его интеллекта мы наблюдаем предельно расширенное аутопоэтическое интерактивное пространство – топос – человека, которое практически всегда связано с принципиальной незавершаемостью диалога.

Формирующиеся сети Интернет делают практически очевидной эту сторону современной реальности – будущее принадлежит сети и растворяется в ней, если человек не избобретет возможности использовать ее не только как но-

ситель информации, но как продуктивный инструмент. Сеть может обрести любые формы, делая незначимыми любые субстраты. Так текст, как и деньги, уже не требуют бумаги: их внетелесное, сетевое функционирование становится более эффективным. Динамичность оказывается ведущим фактором, тогда как воплощенность становится уже признаком антикварности, что, кстати, совсем не уменьшает, а, наоборот, увеличивает ценность предметного мира: она перестает быть частью рутинного повседневного существования, а уже несет в себе признаки праздника общения с прошлым.

Современный человек, пребывая в Интернете как в среде и стремясь посредством расширенного доступа к получению информации, изучить мир, с необходимостью должен научиться удерживать в зоне своего внимания собственную активность как потенцию исследуемого мира. Иными словами, он должен понимать, что вся информация буквально просеивается через его системы восприятия. И то, что он смог из вала информационных потоков удержать в себе, является, в определенной мере, его личным предпочтением. По существу, это всегда было известно: ведь лучше всего закрепляются знания, полученные на основе интереса. Но в методологическом отношении это считалось неважным, во всяком случае, не носило инструментального характера, а считалось лишь психологической основой познания. Сегодня, при избыточности информации, обнаруживается другой параметр порядка – человека. Он конструирует знание, которое становится соразмерным человеку именно тогда, когда включает его как некий внутренний критерий. Именно это очень важно для получения научного знания, выстраивания сложно прогнозируемых нелинейных перспектив.

Философия цифрового будущего, можно сказать, связана с непредсказуемостью, неоднозначностью получаемых результатов, по сути, с экспериментальностью. Развивающиеся открытые системы имеют всегда открытый результат. Для них жить будущим – это жить неизвестностью. Эксперимент, в своем первоначальном замысле, позволявший заглянуть сквозь пелену неизвестности в будущее, найти в

нем точки опоры, научиться моделировать и получать нужный результат, сейчас обнаруживает свою иную сторону. Обычно в области естественных наук он развешивался для того, чтобы преодолеть стихийность природы. Но, по существу, становился ее проявлением, был инструментом приспособления человека, закреплял его опыт жизни в стихийном пространстве. Эксперимент для исследователя был своеобразной разведкой, сбором информации, чтобы не просто предсказывать гарантированные результаты, но и выстроить способы, этику сосуществования с непредсказуемым. Результат перестает уже быть сверхзадачей; ключевым вопросом становится то, каким образом этот результат создается, каким был путь, процесс движения к результату.

Не имея возможности протраивать будущее с такой же точностью, с которой он восстанавливал, опираясь на факты, прошлое, человек стремится быть согласованным, соблюдать законы синергии, не нарушать естественного хода событий. Расширять свои потенции наиболее успешным образом возможно, находясь не в столкновении, а в глубинном сопряжении с базовыми природными основами развития. Но осуществление этого сопряжения есть область постоянного экспериментирования. Процесс движения вперед, пошаговые, фактически инструментальные, процедуры, становятся ключевой особенностью деятельности человека для решения задач сбалансированного взаимодействия. По существу, это известные этические нормы, ставшие в жизни сетевого открытого мира еще более важными. Именно они характеризуют интерактивный топос современного человека, позволяя сохранять в интенсивном процессе развития высшую ценность — свободу.

Тяжесть управления свободой. Особенно актуальным, открывающим новые философские аспекты, этот вопрос становится в мире современных цифровых технологий. Человек в сетевых коммуникациях, пользуясь современными компьютерными мультимедийными инструментами, обретает совершенно иную предметно-объектную сферу. Это сотворяемые им реальности дополняют существующее жизненное пространство и начинают конкурировать с ним по ценности, значимости для жизни человека. Человек может

в этих виртуальных пространствах достаточно легко перемещаться, не затрачивая и доли тех усилий, которые ему требуются в реальном мире. И это, как кажется, облегчает ему жизнь. Но одновременно он получает максимальное расширение свободы и должен совершать выбор, который требует от человека порой значительных усилий для определения своих предпочтений.

Сетевое, созданное на цифровой основе пространство, как раньше было отмечено, безразлично, нейтрально по отношению к качественно-предметному миру. И тексты, и деньги, да и сам человек – суть отношения. И посредством своих усилий человек может создать ту или иную форму коммуникации, в которой будет обретать тот или иной формат жизни. Но это надо сделать самому, исходя не из внешних, а из внутренне заданных обстоятельств. В сетевых коммуникациях человек как бы максимальным образом приближается к себе, своим собственным потребностям, что испытывает трудности от такой непосредственной связи. Он не может дистанцироваться и понаблюдать за собой, и от этого нередко неспособен сделать адекватный, приемлемый выбор.

То же самое и в системе управления. Казалось бы, самая легкая предметная сфера, мультимедийные объекты подчиняются исправлению, преобразованиям практически без затраты усилий. Но после решения первых простых задач обнаруживается, что управлять ими непросто. Инструмент слишком приближается к человеку. Сложность в управлении таким инструментом – в воздействии на самого себя. Когда человек действует в природе, во вне, он очень слабо вмешивается в свой собственный жизненный, как филогенетический, так и онтогенетический, процесс. Его усилия воплощаются в природном материале и становятся фактом культуры. Но в том случае, когда формируешь отношения, выбираешь предпочитаемую форму связи, изменяешь внешне-внутреннюю коммуникацию, свои фундаментальные соприкосновения с миром. Причем, выбираешь в очень интенсивном интерактивном режиме, не имея возможности вернуть все назад.

Человек фактически попадает в экспериментальный способ существования, а возможность исправиться суще-

ствует только как возможность сделать новый, корректирующий выбор, который компенсирует недостатки, ошибки предшествующего. В этой ситуации человеку нужно быть супергибким, а также уметь философски относиться к ситуации, поскольку сразу обнаруживается, что все эти метания – практика балансирования, необходимая каждому человеку. Если человек осмыслит эти обстоятельства как углубление своего диалога с миром, как тактику и стратегию, сложную технологию межконтинуальных отношений глобальной коммуникативной пары, то он сможет определиться. Он сможет найти точку опоры в безграничной сети разворачивающегося диалога и формировать каждый раз новые цели. Важно также заметить, что перед человеком возникает, сначала в виде возможности, которая затем превращается в необходимость, перспектива существования в разных пространствах: реальном и виртуальном. Человеку нужно осваивать или техники быстрого перехода из одного в другое, или способы параллельного наблюдения за тем и другим. В этом случае можно говорить о формировании способностей управления, которые требуют разработки новых технологий и приобретения новых навыков.

Интерактивный топос человека в пространстве сетевой коммуникации может оказаться одной из самых важных сфер развития – как для самого человека, так и для окружающего его мира. И эта реализация свободы зависит, как ни парадоксально, от того, насколько успешно человек владеет своими собственными психофизиологическими способностями, умеет ставить задачи и достигать собственные цели. Интернет-среда в этом случае наиболее благоприятная сфера самореализации человека, имеющая самую высокую степень открытости и неопределенности перспектив. Именно в ней человек может воплощать свои потенции, вырабатывая у себя принципиально иной опыт познания и самоорганизации, опирающийся на стремление не к объективной истине, а к выработке опыта устойчивости отношений, укрепления ресурсной базы человека.

Способность поддерживать свою устойчивость и можно назвать способностью управления, основанную на по-

строении коммуникаций, на использовании тех или иных факторов в открывающейся перспективе. Особую значимость в этом случае приобретает инструмент. И не только наука как наиболее системный инструмент, но и другие более мягкие модели компьютерных, мультимедийных инструментов. Например, для развития системы общения и коммуникации кроме электронной почты – традиционной для современного человека формы общения, существует еще множество сервисов, позволяющих осуществлять общение в текущем времени, здесь-и-сейчас. Резко сократились сроки получения обратной связи, повысилась интерактивность коммуникаций, создались условия для безотлагательного выяснения вопросов, если партнеры по коммуникации подерживал эту идею.

Кроме интерактивности общения через соответствующие сервисы, в компьютерной мультимедийной, а также Интернет-среде, возможно создание необходимых мультимедийных объектов. Причем, сегодня это могут быть уже не только объекты на плоскости, но и трехмерные, голограммные объекты, которыми также можно управлять. По сравнению со всем ранее существовавшим предметно-объектным миром, компьютерные объекты могут без проблем воспроизводиться и требуют для своего сохранения только цифровых сред, не занимая практически никакой площади. Объектный мир минимизируется, а возможностями обладает гораздо большими, как с точки зрения информативности, так и управляемости.

В сложной системе управления процессом порождения объектов (и надо помнить, что это коммуникация, процесс), человек востребован несколько иным образом. Он осознает, например, не только текстовое построение, которое переносит смысл, но и динамику как объект и воспроизводит ее посредством имеющихся механизмов тактильной и аудио-визуальной памяти. В этом процессе включены другие зоны мозга и, как мы знаем, активируются иные механизмы сложения образа. В данном случае, это область психологии, которая может более конкретно сказать, какие области мозга больше всего участвуют в решении эвристических проблем, если изменяются механизмы (инструменты)

усвоения материала. В этом случае мы видим область проблем, которая связана с изучением комплексной включенности человека в инструментальное действие.

Такая комплексная включенность обозначает, что в рамках компьютерных систем расширенные возможности могут приобрести все функциональные органы человека. Так мы хорошо знаем о визуальных, аудиальных, а также тактильных системах расширения восприятия и коммуникации, которые создают динамичную нагрузку на человека, сложнопрогнозируемые перспективы. Такие нагрузки могут повлечь за собой риски развития, но одновременно в динамических нагрузках происходит более высокий процесс интеграции включенных в деятельность зон возбуждения мозгового: это и визуальные, и аудиальные, и тактильные центры. И в этом случае мы можем говорить, что инструменты изготовления предмета (объекта) позволяют проявиться индивиду во всех его формах развитости. И, соответственно, с помощью инструментов, позволяющих создать объекты, проявлять свои психофизиологические возможности и, управляя ими, развивать себя. Таким образом, человек превращается во все более сложную систему, которая требует все более сложных навыков саморегуляции. Фактически индивид превращается в систему, которая предъявляет новый уровень сложности и требует изменения в системе координации, чем постоянно выводит человека к более сложным задачам по самоуправлению.

И в тесной связи с реализацией этих вопросов происходит процесс образования, который включает в себя несколько динамичных параметров, является, и по существу, *экспериментальным*, не имеющим предварительных ответов. Надо заметить, что только при росте нагрузок на учащегося проявилась такая проблема, как избыточная, а точнее, несбалансированная загруженность каналов восприятия учащихся, вынуждавшее многих уклоняться от занятий, утомлявшихся слушать – воспринимать ушами – устную информацию. Стало понятно, что познавательный процесс – сложный коммуникативный акт, требующий согласованных взаимодействий многих сенсорных зон. И успешность трансляции больших объемов информации

будет тем выше, чем оптимизированнее будут формы передачи информации. Процессуальность, коммуникативность, вышедшая наружу и отделенная от человека, сейчас с человеком снова соединяется, показывая его творческое начало в полном своем свободном проявлении. При этом человеку надо уметь (учиться) отслеживать этот динамичный путь изготовления своего объекта, предмета, используя динамичность как собственное свойство инструментального исполнения объекта. В каком-то смысле, это выявление собственной динамики через используемый инструмент.

По существу мы видим очень интересный процесс аутокоммуникации, который показывает глубокое соприкосновение инструментальной базы и природных потенций человека, существующих в сфере развития современных Интернет-сетей, мультимедийных компьютерных технологий. И их взаимопроникновение становится все более серьезным, перспективы связываются с развитием нанотехнологий, когда человек не будет иметь специальных инструментов, а ограничится одним, контролирующим все системы, чипом. Нанотехнологии могут проявить себя в том, что человек станет познавать не внешний мир инструментом-зондом, а уже внутренний мир, внедряющимся в него самого инструментом.

Уже сегодня такие формы контроля можно осуществлять различным образом. Особое внимание надо обратить на рождающиеся мультимедийные инструменты, которые серьезно расширяют традиционные формы обучения. В современном образовательном пространстве можно строить работу с различными категориями учащихся, как с ограниченными возможностями здоровья, так и с талантливыми и особо развитыми детьми. Важно, что это могут быть как массовые аудитории, так и индивидуальные ее представители в дистанционных формах обучения, которые в своем социальном аспекте составляют единую аудиторию.

Примечания

¹ Под «новой оптикой» понимается переход от линзового к лазерному, голограммному восприятию, которое формируется из необходимости видеть много связей одновременно, в их согласован-

- ном взаимодействии см.: О разработке перехода от линзовой классической парадигмы к лазерно-голографической парадигме Хакена-Боме см.: *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Синергетика как познавательный процесс // *Философия, наука, цивилизация.* М., 1999; *Аршинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.
- ² *Маклюен Г.М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека. *Understanding media.* М., 2003.
- ³ *Ярославцева Е.И.* Сеть свободы человека. Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. М., 2006. С. 168 – 193.
- ⁴ *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М., 2001.
- ⁵ См.: *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // *Вопросы литературы.* 1976. № 10.
- ⁶ Фактически изучались возможности методологических оснований единой науке о человеке, к которой двигались как российские, так и зарубежные исследователи (И.Т. Фролов, Ф. Фромм), практически синхронно еще в XX веке работая над рядом актуальных тем. См.: *Борзенков В.Г.* На пути к единой науке о человеке // *Многомерный образ человека. На пути к созданию единой науки о человеке.* М., 2007.
- ⁷ *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003.
- ⁸ *Аршинов В., Лайтман М., Свирский Я.* Сфирот познания. М., 2007.
- ⁹ *Ярославцева Е.И.* Человек в контексте синергетики // *Философия науки.* Вып. 8. М., 2002. С. 256 – 277.
- ¹⁰ *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М., 2006.

ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В.И. БАТОВ, В.В. МУРОМЦЕВ, А.В. МУРОМЦЕВА

Реалии современного мира наглядно показывают, как изменяется тип коммуникации от естественной, в основе которой лежало интуитивное стремление социума к организации, к искусственной, имеющей в основе рукотворные технические и другие средства, созданные человеком. Включение в состав коммуникации новых возможностей – таких, как задействование органов чувств, не используемых при естественной коммуникации, расширение функциональных возможностей коммуникаций, возникновение новых путей коммуникаций, с одной стороны, и часто ухудшение параметров по сравнению с естественной коммуникацией, с другой – все это существенным образом влияет на условия жизни, социализации и ориентации человека в современном обществе. Это заставляет обратить внимание на феномен современных коммуникаций с точки зрения культурологического понятия «виртуальная коммуникация».

Термин¹ «виртуальность» сегодня становится словом-маской для обозначения как бы мнимой действительности. Мало того, высказываются мнения о том, что реальная, т.е. окружающая нас предметная действительность, также может быть охарактеризована как виртуальная. Нет никакого сомнения в том, что мы вступаем в совершенно иную, относительно даже XX века, эпоху, уже обозначенную как «информационная эпоха»². Отсутствия вразумительного ответа на вопрос о том, что же такое «виртуальность», и что же этот непонятный виртуальный мир *делает* с человеком, является, кроме всего прочего, заметное усиление таких симптомов, как тревожность, депрессия, агрессивность, наблюдаемые прежде всего у населения в странах, уже обладающих значительным информационным потенциалом. И создается впечатление, что теряется оценка даже ближайшей перспективы относительно нашего будущего³.

Выделим еще один – прикладной – мотив нашего внимания к проблеме «виртуальности». Процессы освоения

нового знания, обучения все больше приобретают свойства опосредованности. Динамика роста пользователей системами дистанционного обучения (ДО) дает основания полагать, что эта тенденция необратима и стремится к глобальности⁴. Не требует доказательств то обстоятельство, что взаимодействие, отсроченное во времени и отстраненное в пространстве, расставляет совершенно новые акценты не только в успешности обучения, но и в процессах формирования личности обучающегося.

Термин «виртуальная коммуникация» — порождение эпохи глобальной информатизации общества, т.е., в конечном итоге, феномен *культуры*. Поэтому нам кажется, что именно в контексте философских, точнее, культурологических проблем необходимо искать ответ на поставленный вопрос о содержании понятия «виртуальная коммуникация».

В пользу последнего утверждения целесообразно привести небольшой теоретический комментарий.

Многие философы делали попытки дать определение культуры. Успешными их можно назвать с большим трудом, так как определение культуры совпадает с определением самого себя, что представляет собой нонсенс: «Сделать самого себя предметом рассмотрения, определить себя можно лишь через другого и в другом»⁵. Поиски этого «другого» привели видного отечественного философа Вячеслава Владимировича Сильвестрова (1940 — 1989) к мысли об использовании для решения этого вопроса феномена «общение». Дадим слово самому автору: «Нетрадиционности современной культурной общности присуще осознание релятивности и гипотетичности любого результата самосознания, любой онтологической системной формулы общности. В таком случае никакой результат не может претендовать на свою окончательность, абсолютность, церковную непогрешимость. Он должен быть определен и определяется не только как результат, но как *начало* процесса самосознания. Разумеется, это возможно лишь в том случае, если субъектом осознания культуры, а значит, и культуры как таковой признается индивид в его общительной связи с другим индивидом, а не некое надындивидуальное начало»⁶. Довольно сложный путь поиска определения культуры заканчивается почти ла-

пидарной формулой: «Процесс культуры и может быть определен как это развитие самосознания в межиндивидуальном общении»⁷. Этим тезисом утверждается методологический приоритет *коммуникации* в понятии культуры. Но если данная работа посвящена не «самосознанию», а «общению», то следующим шагом для нас должен стать поиск определения понятия «виртуальной коммуникации» в условиях информационной эскалации современного общества.

Недоразумения начинаются с размытости значения⁸ термина «виртуальный». Обычно этот термин понимается как «возможный». Но возможно все, даже невозможное. Тогда, действительно, виртуальным является все существующее, само Бытие. Понятно, что с этой стороны, со стороны определения «виртуальности мира», вопрос может быть закрыт под флером метафорического «возможного». Но словосочетание «виртуальная коммуникация» не может быть означено ни одним из значений «виртуального мира». Тогда как «мир» может быть возможным или невозможным, «коммуникация» есть данность, присутствие, наличие, или возможность, реализованная только в предметной действительности. Коммуникация не может быть гипотетически возможной, иначе — она отсутствует, и говорить о коммуникации как таковой в этом случае просто бессмысленно. Следовательно, надо увязать «возможность» с невозможностью «невозможного».

Итак, «виртуальная коммуникация» как «возможная коммуникация» — семантический нонсенс. Где же выход? Отказаться от определения «виртуальности» при употреблении слова «коммуникация»? Не следует торопиться.

Слово «виртуальность» имеет еще одно значение, а именно: значение «временности». Виртуальное существование означает и «временное существование». Так, во всяком случае, принято понимать виртуальность в квантовой механике, химии, вычислительной технике. Но «временное существование» — это реальность (хотя и временная), т.е. осуществленная в предметном мире возможность быть, существовать. Тогда бесспорно, что такое значение предиката не противоречит сущности имени — коммуникации. И все же этого предиката не вполне достаточно для возможно полного, отражающего культурологические особенности,

определения⁹ понятия «виртуальная коммуникация», так как «временное существование» может быть отнесено, очевидно, к любому природному явлению.

И, наконец, слово «виртуальный» имеет еще одно и, пожалуй, первостепенное значение в контексте настоящей работы, связанное с современными представлениями о виртуальной реальности, это значение «кажущийся», т.е. не существующий реально, а моделирующий реальность¹⁰. Это значение наиболее близко к тому феномену искусственной коммуникации, который сегодня все более заменяет естественную коммуникацию.

Приведем определение виртуальной реальности, как ее понимает Н.Е. Покровский. По его мнению, под виртуализацией понимается заметный на всех уровнях социального мира комплекс процессов, основой которых является создание поверх и/или вместо материальной реальности другой, идеально-фантазийной, имагинативной реальности. Эта виртуальная реальность (точнее говорить о множестве виртуальных реальностей) замещает реальную жизнь и материальные факты, используя природную способность человека к воображению и уходу от материальных ограничений¹¹. Очевидно, что важным, если не основным элементом, формирующим виртуальную реальность, является коммуникация, как естественная, так, и сегодня все в большей степени, виртуальная.

Важным свойством виртуальной коммуникации является принципиальное искажение исходной информации. Это приводит к изменению модели мира человека, формированию ложной картины окружающей действительности, так как использование другой виртуальной коммуникации предоставляет другую якобы реальность. Окружающая реальность трансформируется в виртуальную реальность, на которую накладывается особенность той или иной виртуальной коммуникации. Согласно Н. Бердяеву, человек «живет на пересечении реального и вымышленного миров»¹².

Начнем с рассмотрения феномена коммуникации¹³. Процесс обмена сообщениями¹⁴ предполагает, как минимум, наличие двух субъектов, каждый из которых может выступать поочередно либо в роли «индуктора» – субъекта, передающего информацию, либо в роли «реципиента» –

субъекта, принимающего информацию. Таким образом, в простейшем случае процесс коммуникации – это двухзвенная система, звенья которой связаны каналом коммуникации. Эта система коммуникации сложилась одновременно с появлением человека «разумного», точнее, с возникновением необходимости и желания людей общаться друг с другом. Очевидно, что такой способ общения мы называем «естественной коммуникацией»¹⁵.

Эволюция человеческих сообществ необходимо вела, во-первых, к расширению номенклатуры потребностей общения (социально-экономические факторы); во-вторых, к улучшению качества общения (психологические факторы); в-третьих, к опосредованию субъектов коммуникации системой переноса сообщений (научно-технические факторы); в-четвертых, к расширению номенклатуры общения (социально-психологические факторы). Социально-культурный «заказ» был принят и воплощен в технические средства фиксации, хранения и передачи на расстояние информационных сообщений. Так возникла «виртуальность» коммуникации.

Современная «информационная эпоха» представляет собой явление всеобщей культуры человечества, и здесь «мерки», «критерии», «оценки» технолого-технического толка должны быть переосмыслены с культурологической точки зрения. Виртуальная коммуникация в культурологическом аспекте являет собой междисциплинарное взаимодействие как эвристическая гипотеза-аналогия¹⁶, влияющая, прежде всего, на социализацию индивида в условиях нового общества знаний.

В основе коммуникации лежит информация, а точнее, ее предоставление и, следовательно, определение естественной либо виртуальной коммуникации должно включать способ предоставления информации. Т.е. с помощью каких средств коммуникация реализуется – с помощью средств, предоставляемых природой, и тогда это естественная коммуникация, или с помощью средств, созданных человеком, что позволяет назвать эту коммуникацию виртуальной.

Коммуникация будет естественной для естественной среды нахождения объектов коммуникации и виртуальной, опосредованной во времени и пространстве, при не совпа-

дении сред нахождения, т.е. не совпадении пребывания объектов коммуникации в данный момент времени и в данной точке пространства.

Когда между объектами коммуникации находится созданный неким творцом предмет, обеспечивающий коммуникацию, эту коммуникацию можно назвать виртуальной, так как этот предмет в силу его особенностей, определенных его создателем, привносит свое влияние на предоставляемую информацию и даже создает *новую коммуникацию*, отличную от природной. Так, например, коммуникация между врачом и больным, лежащим в коме, обеспечивается посредством различных датчиков, предоставляющих информацию о состоянии больного.

Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами.

- Слуховой аппарат (неважно, электронный или акустический) создает условие виртуальности звукового общения? Ответ положительный, это техническое средство осуществляет перенос сообщения.
- Очки создают условие виртуальности визуального общения? Ответ тот же, что и на предшествующий вопрос.
- Полностью автоматизированная телефонная или телевизионная связь создают условие виртуальности¹⁷? Ответ тот же, что и на предшествующий вопрос.
- Телемосты и телеконференции создают условие виртуальности? Ответ тот же, что и на предшествующий вопрос.
- Печатная продукция создает условие виртуальности? Ответ зависит от наличия основного фактора виртуальности.

Что такое «основной фактор виртуальной коммуникации»?

Казалось бы, что указание на присутствие третьего звена в системе коммуникации, оснащенной техническими устройствами, достаточно тривиально: искусственный канал коммуникации требует своего разработчика, следовательно, третье звено в систему передачи включено уже «по определению». Однако именно на этот факт мы обращаем особое внимание, так как посредством включения третьего звена в процесс взаимодействия определяется «основной фактор виртуальности».

Искусственный канал коммуникации необходимо требует своего разработчика. Но, и это очень важно, разработчик канала практически никогда не участвует в самом процессе информационного взаимодействия между контрагентами общения. По замыслу разработчика, создаваемый канал коммуникации должен функционировать как автономная техническая система, так как основная цель создания канала состоит, прежде всего, в повышении качества физических параметров сообщения и компенсации явных недостатков естественной коммуникации¹⁸. Уже созданный искусственный канал – предметное орудие труда, неодушевленная вещь, однако разработчик, создатель средств коммуникации не устраняется, а опосредованно участвует в коммуникации, определяя, прежде всего, ее *принципиальную возможность* и параметры, влияющие на восприятие информации. Отметим также, что не бывает полностью автоматизированной связи, так как всегда требуется в большей или меньшей степени обслуживание системы (те же очки время от времени требуют ремонта либо замены для обеспечения более содержательной коммуникации).

Разработчик (творец) обеспечил саму возможность коммуникации и привнес свое видение коммуникации, наделив канал связи определенными параметрами и правилами взаимодействия, таким образом, опосредованно участвуя в процессе коммуникации.

Но в реальных условиях, конечно же, дело обстоит гораздо сложнее. Искусственный канал коммуникации, с одной стороны, уменьшает возможности коммуникации за счет ограничений канала коммуникации, т.е. искажения информации при предоставлении, с другой – появляются возможности, расширяющие естественную коммуникацию. Так, например, при естественной коммуникации информация передается четырем органам чувств человека, сегодня возможна передача информации всем восьми органам чувств и таким образом предоставляются новые возможности и качество коммуникации.

Возможность манипулирования информацией в случае виртуальной коммуникации значительно больше, чем в случае естественной коммуникации, когда достоверность информации может быть проверена путем использования со-

вокупности информации, поступающей одновременно на различные биологические датчики.

Достаточно напомнить, что «орудийные» каналы коммуникации уже с момента своего возникновения практически сразу стали предметом различных спекуляций: политических, идеологических, экономических. Под «спекуляциями» надо понимать различные формы навязанного влияния: манипуляции, дезинформация, внушение. Излишне говорить о том, что подобное использование каналов коммуникации — это совершенно иная, не «первичная», функция в процессе общения. Как эти спекуляции могли быть осуществлены? Очевидно, что введением контроля в работе каналов коммуникации.

Рассмотрим последний из поставленных выше вопросов: печатная продукция создает условие виртуальности? Да. Здесь творцом может быть автор, отдельный редактор, и... контролирующей идеологию орган. Из недавней истории нашей страны известны случаи вымарывания не только отдельных фраз и абзацев, но и страниц, глав, вплоть до отказа в публикации целого произведения. Доносит ли в такой ситуации автор свой замысел до читателя? Узнает ли, и знает ли вообще читатель своего потенциального автора? Это действие носит название цензуры¹⁹. Хотя и Иоганн Гутенберг (1399 — 1468), и Иван Федоров (1510 — 1583) наверняка даже не помышляли о возможности манипулирования со Словом.

В ряд с последним примером можно поставить и телевидение: сегодня практически невозможно отличить «прямой эфир» от записи и только транспарант «прямой эфир» дает его имитацию. Нельзя в пределах разумного времени определить реальность того или иного режима телепрограммы и, таким образом, возможность манипуляции практически не ограничена. Аналогично обстоит дело и в сети Интернет. Мы обречены на жизнь в виртуальном мире в силу использования искусственной коммуникации как способа получения информации о мире реальном или виртуальном со всеми его особенностями и недостатками. В связи с этим требуется четко выявить особенности современной коммуникации и определить само понятие виртуальной коммуникации.

Итак, подводя итог нашему анализу, мы предлагаем следующее, достаточно лаконичное, определение виртуальной коммуникации.

Виртуальной коммуникацией мы называем такой процесс передачи информации, при котором искусственный канал связи создается неким сознанием, не являющимся статусным контрагентом данного информационного взаимодействия.

Здесь, по-видимому, необходимо прокомментировать слово «статусный», имеющее ключевое значение в приведенной формулировке. Несмотря на то, что контролер, конечно же, имеет возможность участвовать в процессе взаимодействия между контрагентами общения, он не обладает полномочным статусом²⁰ участника этого взаимодействия, он может лишь исполнять эту социальную роль. Причем эту роль участника, не обладающего полномочным статусом, принимает на себя сам контролер, и, что особенно важно, без какого-либо отношения (уведомления, разрешения) к этой произвольной акции статусных контрагентов общения.

Наконец, культурологический аспект виртуальной коммуникации должен быть освещен (кроме педагогического акцента ДО) и в психологическом ракурсе. Имеется в виду то обстоятельство, что процесс становления личности, т.е. социализация индивида, как известно, начинается и в основном осуществляется именно в межличностном общении. Это означает, что непрогнозируемое влияние целеполагающих и/или эмоциональных факторов, сопровождающих виртуальную коммуникацию, делает сам процесс социализации непредсказуемым, следовательно, с возможно деструктивным результатом, как в нравственном, так и в интеллектуальном отношении.

Новые условия социализации индивида в современном обществе возникли под влиянием изменения типа коммуникаций от естественных к виртуальным. Объем информации, поступающий сегодня к индивиду в рамках виртуальных коммуникаций не просто больше, а на много порядков больше, чем суммарный объем информации, поступающей к индивиду лет десять назад. Понятие виртуальной коммуникации позволяет качественно, с точки зрения формирования новых условий социализации, и количественно²¹ оп-

ределить информационные потоки коммуникации и пред-
ставить последствия перехода к виртуальным коммуника-
циям в рамках культурологических понятий.

Примечания:

- ¹ Термин (от лат. Terminus – граница, предел) – слово или сочетание слов, употребляемое с оттенком специального научного значения.
- ² Достаточно сказать о наличии глобальной информационной сети – Интернета.
- ³ Разумеется, что недостаток «футурологических» оценок здесь отсутствует.
- ⁴ Конечно же, мы далеки от утверждения о том, что ДО полностью заменит ситуацию непосредственного общения контрагентов учебного процесса.
- ⁵ *Сильвестров В.В.* Культура. Деятельность. Общение. М., 1998. С. 89.
- ⁶ Там же. С. 92.
- ⁷ Там же. С. 93.
- ⁸ Здесь мы не будем касаться семиологических и психологических вопросов самостоятельной проблемы «значения и смысла», используя только термин «значение» как продукт культурогенеза и фактор в постижении человеком внешнего мира.
- ⁹ Контекстуальное определение (дефиниция) – установление значения незнакомого термина (слова) путем включения его в контекст знакомых слов.
- ¹⁰ Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
- ¹¹ См.: *Харламов Н.А.* Миры и агенты виртуализации общества // *Философские науки.* 2007. № 4. С. 149.
- ¹² *Бердяев Н.* Самопознание. СПб., 2007.
- ¹³ Коммуникация (от лат. communico – делаю общим, связываю, общаюсь) – общение, передача информации от человека к человеку в процессе деятельности.
- ¹⁴ Здесь мы имеем в виду любой, а не только вербальный, текст сообщения: мимический, пантомимический, обонятельный, музыкальный, иконографический.
- ¹⁵ Здесь излишне обсуждать вопрос о естественных коммуникациях в животной и растительной среде.
- ¹⁶ *Буданов В.Г.* Синергетическое моделирование сложных систем // *Философские науки.* 2007. № 4.
- ¹⁷ «Полностью автоматизированная связь» означает связь без участия оператора.
- ¹⁸ К явным недостаткам необходимо отнести, прежде всего, отсутствие возможности фиксировать и достаточно долго сохранять сообщение.
- ¹⁹ Цензура – система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации.
- ²⁰ Статус (от лат. status – положение, состояние) – правовое положение (совокупность прав и обязанностей) гражданина или юридического лица.
- ²¹ *Муромцев В.В.* Виртуальные коммуникации в управлении и обучении // *Материалы конференции «Теория активных систем».* М., 2007.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ СЕТИ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.В. КУВШИНОВ

Новое – хорошо забытое старое

Новые информационные, коммуникационные и аудиовизуальные технологии проникают во многие стороны жизни общества, в том числе и в гуманитарные – историческую, философскую науки. На базе новых компьютерных технологий с использованием международных сетей могут быть предложены новые методы проведения исследований в области истории и философии науки и техники, проводимых международными коллективами ученых и специалистов.

Познание логики и философии развития науки и техники, развития конкретных видов технических объектов, анализ причин перехода от одной совокупности идей к другой, переход к новым принципам и подходам, а также воссоздание исторической летописи удач и неудач в конкретно взятой области – все это представляет значительный теоретико-познавательный и прикладной интерес для современного этапа развития информационно-постиндустриального общества.

Проведение историко-научно-технического и тем более философского исследования, связанного с анализом и комплексным изучением архивных текстовых документов, кино, фото, видео, аудиоматериалов, с проведением исследований, в которых анализируются не только технические объекты, но одновременно и целые общественные структуры, сопряжено как с методологическими, так и с техническими трудностями. Кроме того, возникают большие проблемы, связанные с проведением международных исследований, и это не столько языковой барьер, сколько оперативный доступ и обмен информацией и оценками. Подобные проблемы присущи комплексному философскому и историко-научно-техническому анализу – направлению глобальных исследований в области истории и философии естествознания и техники как социокультурных явлений. Многие ученые неоднократно отмечали, что эффективность

научных исследований зависит от того, насколько хорошо разработана их методологическая и методическая базы. Поэтому все более актуальным становится вопрос о необходимости разработки принципиально новых подходов, инструментария в историко-научных исследованиях – персональных информационно-исследовательских систем, интегрированных в международные компьютерные сети.

Вопрос применения математических методов и ЭВМ в гуманитарных исследованиях является сегодня весьма актуальным, хотя его нельзя назвать новым¹. Еще в начале 60-х годов XX века были сделаны первые удачные шаги по внедрению ЭВМ в историко-научно-технические исследования². В частности, Л.П. Смирновым в 1966 г. впервые была обоснована возможность, целесообразность и эффективность использования ЭВМ в подобных исследованиях³. Первыми пользователями в то время еще несовершенных компьютеров стали исследователи МГУ под руководством И.Д. Ковальченко. Подобные группы были образованы в СО АН СССР (В.А. Устинов), в Академии наук Эстонской ССР (Ю.Ю. Какк) и Тартуском университете (Х.М. Лиги)⁴. В МГУ И.Д. Ковальченко была создана лаборатория, а затем Комиссия по применению количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР. Накопление опыта привело к формированию базовых направлений использования вычислительной техники и методов в исторических и историко-научно-технических исследованиях:

- применение компьютеров в информационно-поисковых текстовых системах;
- создание архивов и каталогов текстовых данных, сборников статистических данных, построенных на развитых алгоритмах;
- обработка на компьютерах текстовых источников;
- создание справочников графической информации в дескрипторном виде.

Компьютерная революция породила несколько поколений вычислительных машин. Если «большие» машины состояли из множества шкафов, занимавших целые этажи ВЦ, то персональные компьютеры, не уступающие по мощности первым, стали гораздо более компактными, они свободно уме-

щались на столе, а в портативном варианте — в портфеле исследователя. Персональные компьютеры ориентированы на поддержку работы одного пользователя и это сделало их доступными практически для каждого ученого. Новый этап развития компьютерной техники значительно усовершенствовал аппаратное обеспечение (набор технических устройств) и программное обеспечение. Все это создало предпосылки для широкого внедрения новых информационных технологий в историко-технические исследования, работу архивов и библиотек, в учебный процесс по истории науки.

Информатика для историка

В начале 90-х годов прошлого столетия появился термин «историческая информатика». Это было связано, прежде всего, с деятельностью группы учеников академика И.Д. Ковальченко, объединившихся в 1992 г. в ассоциацию «История и компьютер» и образовавших Лабораторию исторической информатики на историческом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова⁵. Организатором и главным инициатором сообщества является доктор исторических наук Л.И. Бородкин. Благодаря его настойчивости, целеустремленности и широте кругозора дальнейшее развитие получили многие отрасли этого направления. Именно Л.И. Бородкину с коллегами удалось разработать вопрос о предмете и теоретических основах исторической информатики, о сфере ее интересов⁶. Определяя предмет новой дисциплины, Л.И. Бородкин отмечал, что историческая информатика — это научная дисциплина, изучающая закономерности процесса информатизации исторической науки и образования: в основе исторической информатики лежит совокупность теоретических и прикладных знаний, необходимых для создания и использования в исследовательской практике машиночитаемых версий исторических источников всех видов⁷. Следовательно, в центре внимания исторической информатики задача создания машиночитаемых версий исторических источников и их использование в научных исследованиях и образовании⁸. Теоретической основой исторической информатики, считает Л.И. Бородкин, является современная концепция информатизации (включая социальную ин-

формацию) и теоретическое источниковедение, а прикладной — информационные, компьютерные технологии.

Очевидно, что *историческая информатика* — наука междисциплинарная, объединяющая идеи информатики, источниковедения и компьютерных технологий. Комплексный подход к определению предмета и теоретических основ исторической информатики позволили с большей полнотой определить область ее интересов. Она в себя включает: разработку общих подходов к применению информационных технологий в исторических исследованиях; создание исторических баз и банков данных; применение информационных технологий представления данных и анализа структурированных текстовых, изобразительных и других источников; компьютерное моделирование исторических процессов; использование информационных сетей (Интернет); развитие и применение мультимедиа и других новых направлений информатизации исторической науки; применение информационных технологий в историческом образовании. Российские историки и философы все активнее включаются в разработку перспективных проблем использования компьютерной техники в исторических, философских и историко-научно-технических исследованиях, методов искусственного интеллекта, мультимедиа технологий, применения глобальной сети Интернет. Именно эти направления являются определяющими в развитии гуманитарных наук в будущем.

Конец XX — начала XXI вв. отмечен резким повышением внимания к проблемам информатизации общества, особенно в системе образования. Постановления по перестройке образования предусматривали развитие программы компьютеризации в школах и вузах, в связи с чем в учебные планы был введен обязательный курс информатики, утверждены нормативы. Информатика начала проникать во множество гуманитарных дисциплин.

Информационные технологии практически не применялись в гуманитарных науках. И, несмотря на то, что обработка текстов после появления микрокомпьютеров стала основной сферой их применения, историки, философы не спешили раскрывать для себя возможности нового средства — *они не рассматривали компьютер как реальный научный инстру-*

мент, который способен существенным образом изменить характер исследования. Компьютерные технологии развивались, отвечая, в первую очередь, на запросы точных наук. В то же время появление персональных компьютеров заметно активизировало разработку программ, предназначенных для контроля знаний и обучения гуманитарным дисциплинам. Другой важный аспект «микрокомпьютерной революции» был связан с возрастанием интереса к созданию баз данных по материалам исторических источников. Программное обеспечение персональных компьютеров дало в руки исследователей весьма удобный и доступный каждому инструмент для информационного поиска и хранения данных источника.

Появление компьютеров нового поколения – ноутбуков – стимулировало разработку не только баз данных, но и баз знаний, а точнее, экспертных систем, систем искусственного интеллекта, например, когнитивных компьютерных моделей понимания текста. Появилось новое понятие – образовательная, информационная среда⁹. Современная техника позволила воплотить в жизнь цифровое видео, виртуальную реальность, системы распознавания речи, образов, сбор воедино огромного количества информации на принципиально новом уровне. На данный момент использование телекоммуникаций и сетевых информационных технологий обеспечивает не только удаленный доступ к национальным и зарубежным банкам данных и знаний научнотехнической, исторической информации, но и оперативный обмен методической и научной информацией между отдельными исследователями и исследовательскими центрами. Сетевые технологии дают возможность проведения видеоконференций, открытых семинаров, телемостов, в которых может одновременно участвовать большое количество исследователей из различных стран.

Состояние и перспективы развития информационных и коммуникационных технологий в России позволяют отметить, что происходящие в стране преобразования, связанные с демократизацией общества, включением страны в мировое информационное пространство, создают благоприятные условия для внедрения современных и перспективных информационных технологий в сферу гуманитарных

исследований. Огромные размеры территории России, а также большое количество удаленных друг от друга исследователей, необходимость их более тесного и эффективного взаимодействия стимулирует развитие в России информационных систем для развития историко-научно-философского направления. Компьютерная, видео и телевизионная техника, программы на оптических дисках CD-ROM, DVD-ROM и гипермедиа-технологии становятся важными средствами повышения эффективности любых исследований.

Решение этих проблем идет по пути создания национальной Российской информационно-коммуникационной системы с одновременным развитием региональных систем и соответствующих региональных банков компьютерной информации. Глобальная мировая информационная среда постоянно увеличивает число источников, которые могут быть использованы в исследованиях. Однако включение исследователя-пользователя в эту систему порождает проблемы технического и нравственного плана, которые нередко становятся самостоятельными областями исследования.

Поиском можно управлять

Одной из самых важных функций, реализованных в Интернет, является поиск информации. В сети представлены неисчислимые объемы информации, так что можно потратить огромное количество времени, просто переходя из одного раздела в другой и определяя, какая информация имеется в наличии. Это является первой проблемой, которая связана не столько с имеющимся оборудованием, сколько с *культурой пользования и быстрым поиском* нужной информации. Быстрота связи с сервером не равна скорости получения информации уже по той причине, что ее может там и не быть. Поэтому начинающие исследователи ошибаются, пытаясь связаться с широко известными серверами, поскольку нужная информация лежит совсем в другом месте. Вторая проблема больше знакома исследователям старшего поколения, многие из которых не всегда готовы освоить работу с новыми информационными технологиями. В целом же подключение исследователей к данному типу источника информации ничего кроме пользы не несет.

Эффект взрыва произвело появление таких средств управления поиском информации, как World Wide Web (WWW). Данное средство использует метафору паутины (web), поскольку эта система, построенная на идеях гипертекста, позволяет свободно в ней перемещаться, превращая ее в web-технологии. Они эффективно используются при создании новых электронных ресурсов для исследований в области истории и философии науки и техники, истории образования, для расширения доступа к электронным архивам и базам данных, что повышает уровень коммуникации общества исследователей из разных стран.

Однако существуют определенные проблемы использования Интернет-ресурсов в гуманитарных исследованиях. Особый интерес вызывают вопросы, связанные с авторским правом и ссылками на электронные ресурсы, а также разработка и применение соответствующих исследовательских методик. Мы серьезно отстаем от развитых стран в использовании уже существующих, а также производстве собственных электронных ресурсов. Но в то же время сложившаяся ситуация содержит в себе серьезный потенциал, используя который мы в состоянии ликвидировать свое отставание, учитывая уже имеющийся опыт, также ожидаемую востребованность электронных ресурсов, серьезного информационного голода, вызванного разрушением российской структуры распространения информации. В этих условиях согласованная работа и здоровая конкуренция в сфере качества создаваемых ресурсов должны принести свои плоды, крайне необходимые всем исследователям нашей страны.

На данный момент Интернет стал одним из наиболее престижных электронных систем, используемых для общения и получения информации. Основное его преимущество — это всеохватывающая природа информации и услуг, которые он оказывает. Однако использование Интернет в исследовательских целях может быть более широким. Известно, что исследователи могут использовать компьютерную сеть для обмена файлами со статьями и материалами практически из любой части мира. Кроме того, легкость установки связи через Интернет ведет к появлению большого количества новой информации, представляющей интерес

для историко-научно-философских и историко-технических исследований. Интернет может стать действенным инструментом этих исследований, ведь для использования современных сетевых технологий нет необходимости в дополнительных навыках и умениях, достаточно базовых знаний компьютерной грамотности. Сетевая электронная почта и видеоконференции существенно расширяют возможности общения и сокращают затраты времени и сил.

Проектная и исследовательская деятельность являются, без большого преувеличения, основными методами работы, использующими ресурсы сетевых технологий. Помимо средств коммуникации, важных для исследований, необходимо отметить и *возможности мультимедийных технологий*, имеющих самые многообещающие перспективы. Их отличительной особенностью является, сочетаемая с использованием оптических носителей типа CD-ROM и DVD-ROM, возможность хранения больших объемов разнородной информации – текст, цветные изображения, анимация, звук, видео. Это позволяет заранее формировать электронные банки данных компьютерной информации, которая затем может быть использована для создания прикладных авторских мультимедиа-систем, предназначенных для информационной поддержки различных исследований.

В последние годы в мультимедиа-системах все чаще используются *средства компьютерного моделирования*. Эти средства позволяют пользователям наблюдать за процессами и явлениями, которые невозможно увидеть в реальной жизни. Например, расщепление атомного ядра, астрономические явления и др. Представление знания *нелинейным путем, в форме гипертекста*, также является новацией, давая ученому возможность показать интерпретации исследуемого процесса вместе с тем рядом данных, на котором эта интерпретация основана. У истории, в частности, возникает уникальная для науки возможность: исследование может быть повторено, поскольку представлены данные и методы.

В настоящее время созданы и промышленным образом тиражируются оптические диски типа CD-ROM популяризирующие источники, которые ранее были доступны для ознакомления лишь при непосредственном посещении ар-

хивов. При этом удается не только технически объединять оцифрованное изображение источника, но и дополнять его многоаспектной справочной текстовой информацией, а также сопровождать соответствующим тематике видеорядом. Все это создает достаточно сильное воздействие на пользователей информационной исследовательской системы, позволяет не только получить необходимую информацию, но и улучшить ее восприятие, сделать процесс интересным не только специалисту, но и просто интересующемуся наукой человеку. Россия в последние 5 – 6 лет активно осуществляет разработки собственных прикладных мультимедиа-систем.

Существенным вкладом информационных технологий стало сканирование и оцифровка, уже применяемое для исторических источников. Интересно, что преобразование документа в оцифрованное изображение выполняется в два этапа: на первом – осуществляется преобразование носителя, т.е. перенесение информации с оригинала источника путем оцифровывания изображения на электронный носитель; на втором – происходит содержательное преобразование изображения документа в коды компьютера. Преимущества данных методов «налицо»:

- усиливается надежность электронного носителя по сравнению с традиционным, в особенности, когда речь идет о редких и разрушающихся источниках;

- возникают возможности высокоэффективной – компьютерной – обработки оцифрованного источника, отсутствующие при работе с оригиналом. Содержательное преобразование также имеет определенные преимущества. Это непосредственный доступ к словам и цифрам, широкие возможности компьютерного анализа текстов и т.д.

В последнее время все шире стали использоваться программы, построенные на *технологии управляемого хаоса*, позволяющие создавать факсимильные электронные копии документов и осуществляющие поиск информации в них! Возможности информационных технологий позволяют работать не только с аудио- и видеoinформацией, но и с мультимедиа-системами в режиме виртуальной реальности. Существующая в Интернет-сетях виртуальная реальность позволяет перемещаться по изображениям в трехмерном про-

странстве, вращать объекты и просматривать виртуальные сцены, а так же *экспериментировать* с объектами. Это является, пожалуй, самой впечатляющей разработкой содержимого сетей Интернет, ждущей своего применения в гуманитарных науках.

Интернет – суть эксперимент

В настоящее время можно отметить два типа использования Интернет. Первый – это исследовательские проекты, когда исследователи ищут информацию по интересующим их вопросам и выполняют научные работы по результатам своих исследований. Второй – совместная работа над проектами: исследователи могут встретиться on-line для того, чтобы разработать и осуществить совместные действия по различным волнующим их темам.

Особенностями проведения российских, например, историко-научных исследований является то, что большинство исследователей до сих пор не выходит за рамки текстовых редакторов, хотя в других, не гуманитарных, областях исследования уже ведутся в персональных информационно-исследовательских системах и широко используются мировые информационные ресурсы. Совершенствование программного обеспечения «стандартных» баз данных уже сегодня осуществляется через совместную работу российских и зарубежных институтов. Этому способствуют серьезное *возрастание роли и значения гуманитарного знания в мире*, «внутренние» процессы развития самого гуманитарного знания с очевидным стремлением к единству предметного поля, междисциплинарности и универсальности методологии, а также стремительное распространение компьютерных технологий на сферу гуманитарного знания. Дальнейшая разработка относительно больших баз данных проложит путь к применению гипертекстовых технологий для создания международных архивов. Примером такой активности в гуманитарной сфере может служить Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). В РГГУ давно использовались, правда, с разной степенью эффективности, отдельные компьютерные технологии. Однако в последние три, четыре года отношение к ним ради-

кально изменилось, они переместились в центр обсуждения научных, учебных и даже организационно-экономических проблем университета. Большую роль сыграло понимание роли и значения молодой современной науки – информатики, понимание ее гуманитарно-преобразующей функции и места в системе образования. Это обстоятельство явилось следствием совпадения «внутреннего развития» университета – превращением его в «универсум знаний» нового типа, и ряда внешних «вызовов», задаваемых общемировой тенденцией развития гуманитарного образования.

В РГУ была разработана и проходит *экспериментальную проверку новая концепция организации научно-учебного процесса*. Основная идея нового подхода – создание, прежде всего с помощью новых информационных и коммуникационных технологий, специальной среды, особого пространства информации, обеспечивающих максимально полное, творческое усвоение материала по изучаемой проблеме студенту, а также усиление творческой, концептуальной и методологической составляющей исследовательского и преподавательского труда.

Новая научно-учебно-исследовательская международная информационная среда принципиального нового типа имеет свою философскую основу: современные мультимедийные формы представления знаний и сетевые технологии не сводятся к совокупности отдельных баз данных, а являются базисом для формирования новых методологических подходов. Среда может выполнять функции информационного обеспечения практически неограниченного, по мере ее развития, числа дисциплин, общих и специальных курсов; служить необходимым инструментом учебного процесса, становясь, в соответствии с необходимостью, формой и содержанием исследовательской и образовательной деятельности. Можно выделить **три стадии** внедрения новых информационных технологий в учебно-исследовательский процесс, а также в исторические, философские, историко-научно-технические исследования.

Первая стадия.

Старое *содержание обрабатывается с помощью новой технологии*. Она включает создание библиографических баз

данных, процедуры для системной автоматизированной классификации. Благодаря привлечению новых технических средств обработки и новых технологических приемов более эффективно решаются уже поставленные задачи.

Вторая стадия.

Принципиально новое решение, а именно *переход от управления фреймами информации к управлению знаниями*. Здесь воплощена идея сосредоточить в одном месте всю информацию и знания о некотором событии и иметь возможность при необходимости, в реальном времени, воспользоваться нужной частью этих знаний. Например, исследователи, занимающиеся изучением заимствования научно-технического опыта, могли бы уверенно использовать информационный продукт, в котором собраны, как сведения из всех существующих исторических источников, так и все результаты исследований по этой теме. *Доступ в реальном времени к историческому факту, к его интерпретациям предшествующими исследователями, свободное и быстрое движение в этом информационном пространстве — это уже реальность.*

Третья стадия.

Изменение стиля жизни, культуры, в соответствующем «компьютерном, цифровом мире», т.е. в сфере исторических данных и знаний, управления историческим знанием, процессами исторического исследования. Весь массив информации, результаты исследовательских работ становятся доступными для учебной и исследовательской деятельности, создавая, таким образом, новую научно-учебную информационную среду.

Цифровая революция

Но в целом существенные, качественные изменения могут произойти лишь при условии «компьютерной, цифровой революции» в сознании исследователей, при вхождении новейших информационных и коммуникационных технологий в повседневность.

Наиболее очевидная область применения информационных сетевых технологий в научно-исследовательской области — это *организация коллективных исследовательских серверов.*

Центральным и возможно основным блоком исследовательского сервера является электронный архив, в котором размещаются все текстовые, графические, видео, аудио документы, а в дальнейшем и сами законченные исследования. Роль и значение электронных архивов, в первую очередь научно-технического и экономического профилей, уже неоднократно отмечалась исследователями. И здесь специфика вопроса заключается в том, что сегодня уже многими предприятиями, фирмами такие архивы создаются. Этот процесс инициирован в первую очередь широким внедрением автоматизированных систем ведения делопроизводства организаций. Электронный архив для исторических исследований предназначен для документирования коллекций исторических источников различного вида и типа, их каталогизации и научного описания, автоматизации поиска и хранения, для хранения данных о местонахождении источников, для хранения справочной информации, а также организации доступа к различным базам данных, а также работы исследователей не с самими документами, а с их электронными копиями. Цель создания электронных, виртуальных архивов, помимо хранения, — работа с коллекциями документов отдельных ученых и исследовательская деятельность научных сообществ. Хотя из-за отсутствия технического обеспечения, финансирования, единообразных стандартов на практике представление компьютерной информации будет достигнуто очень нескоро. Однако, даже при неблагоприятных условиях, историко-научно-техническая документальная информация в глобальной сети постепенно пополняется.

В начале XXI в. все более актуальной становится потребность в новом подходе, новом технологическом приеме проведения сетевых исследований. Новое содержание такого подхода определяют требования, вытекающие из различных задач гуманитарных исследований. В целом все требования можно сгруппировать по режимам работы исследователя, а именно: а) информационный поиск; б) логический анализ; в) статистико-вычислительные работы; г) компьютерный эксперимент; д) формирование собственной парадигмы в контексте общего исследования; е) интеграция в международное информационное пространство. Обес-

печение этих требований становится возможным при использовании современной компьютерной техники, средств коммуникации и оригинального программного обеспечения — персональной мультимедийной сетевой информационно-исследовательской системы и организации деятельности исследователя в ее структуре. Например, одна из подобных систем была разработана и апробирована в Российском государственном гуманитарном университете уже в 2002 г. Создание данной системы и методологии стимулировалось поставленными целями конкретного историко-научно-технического исследования взаимоотношений СССР и Германии с 1945 по 1953 гг., т.е. периода, активного изучения научно-технических достижений побежденной Германии.

Одной из проблем, с которой столкнулись исследователи, явилась закрытость (не рассекреченность) документов в архивах. Германские коллеги по своей собственной инициативе на основе воспоминаний и личных документов участников событий пытались восстановить историческую картину 1945 — 1953 гг. Обсуждение проблем со всеми заинтересованными исследователями России и Германии привело к мысли, что необходима интеграция всех видов информации, а также оперативный обмен решениями, гипотезами и другими результатами.

Исследователь, подобрав документы, может их полностью отсканировать, что, естественно сокращает время работы с единицей информации, а детальный многофакторный анализ осуществляет вне стен архива. Таким образом, исследователь способен при ограниченном времени работы в архиве создать несравнимо больший и более глубокий по содержанию информационный фонд. Практически неразрешимой задачей для российских исследователей (технической и экономической) является создание фонда графической информации. Сканирование схем, графиков, фотографий, т.е. создание электронных образов, поднимает исследование на принципиально новый уровень. Использование системы оцифровки видео материалов и звука, дают возможность исследователю, в отличие от традиционного подхода, создать мультимедийную базу по исследуемому вопросу. Здесь уместно отметить важнейшую задачу — опе-

ративный поиск графической информации в базе. Сегодня эта задача решается путем описания графических образов ключевыми словами, и выборка образа (графического файла) происходит путем анализа текста. Нет необходимости обсуждать недостатки данного подхода, необходимы новые методологические принципы построения поисковых графических программ. Проблема распознавания образов стоит очень давно, сделаны определенные шаги, однако до настоящего времени в распоряжении исследователя нет нужного инструмента. В РГГУ в настоящее время происходит построение и экспериментальная отладка подобной системы.

Вне архива исследователь решает задачи: корректировка текстовых, аудио, видео, графических файлов с помощью развитого программного обеспечения типа редакторов Word, Adobe Photoshop, Adobe Premiere и др.; систематизация их в соответствие с комплексным планом, согласованным со всеми участниками проекта; размещение информационных баз на исследовательском Web-сервере с возможностью просмотра их через традиционные браузеры; коррекция информации, комментарии к ней других исследователей может осуществляться, путем обычного соединения с сервером.

Весьма сложной научной и организационной проблемой является разработка рубрикации Web-страниц исследовательского сервера. Так как исследования проводятся в течение длительного времени, то и развитие структуры сервера происходит практически постоянно. Создание единого информационного банка данных, единого Web-сервера не означает «осреднение» научного мнения. Каждый участник проекта имеет возможность реализовать собственную научную задачу, решить частную проблему, по крайней мере, двумя способами: первый – в виде комментариев, ссылок и даже подразделов основного, общего исследования, оформленного в виде отдельных Web-страниц, второй – создание собственного сервера, которые «привязаны» гиперссылками на основной информационный фонд.

Размещение исследовательских материалов в сети обеспечивает, естественно, доступ к ним с любой точки сетевого пространства, с одной стороны, и с другой, дает возможность «подключить» все необходимые информационные

ресурсы, находящиеся в сети по этой или близкой тематике. Так, например, к данной системе, связанной с германскими технологиями подключены (через гиперссылки) к ресурсам, на которых находится информация об истории авиации и ракетной техники Германии. Характерными, отличительными особенностями данного подхода к организации и проведению подобного рода исследований следует назвать:

комплексность — обеспечение работы исследователей с полным массивом текстовой, графической, аудио, видео информации;

интернациональность — использование информационных международных компьютерных сетей и возможное участие в исследованиях зарубежных коллег;

демократизация — интеграция деятельности неограниченного числа равноправных (в смысле информационного доступа) исследователей;

открытость — обеспечение доступа исследователей к информационному массиву научного сообщества.

Вызовы исследовательской культуры

Кратко сформулируем новизну данной технологии. Его можно охарактеризовать как способ организации, проведения, использования результатов исследования в образовательных и научных целях с помощью объединения интеллектуальных и информационных ресурсов. Возникает виртуальное научное пространство, порожаемое технологиями Web-сервера, доступ к которому осуществляется посредством международной сети Интернет. В разработанной исследовательской системе в качестве формата документов был выбран язык маркировки HTML. Это язык разметки гипертекста или гипертекстовые страницы, он предназначен для дополнения текста различными атрибутами при размещении его в сеть. Гипертекст и гипермедиа являются фундаментальными веб-технологиями, а HTML средство для работы с этими технологиями. Он позволяет совмещать графику с текстом, изменять внешний вид текста и создавать гипертекстовые документы, которые способны обеспечить взаимодействие с пользователем. Одним из основных преимуществ языка является то, что с документом в этом формате можно работать

практически на любом компьютере и использовать для этого любые поддерживающие HTML программные продукты.

Представленное в информационно-исследовательской системе какое-либо исследование, должно взаимодействовать с единицами архива, авторы системы не должны навязывать своих идей. Однако, уже созданные подобные сетевые архивы электронных документов порою достаточно долгое время не находят своего пользователя, так как коллекции документов по определенным проблемам могут интересовать небольшое количество исследователей.

Формирование культуры по созданию сетевых информационно-исследовательских систем с виртуальными архивами в исторических исследованиях зависит от внешних и внутренних (внутринаучных) факторов. Среди внешних следует назвать политико-экономическое состояние, стабильность государства: пока не будет осознано, что уровень развития современного общества в значительной мере определяется интеллектуальным потенциалом, обеспечивающим уровень развития информационных технологий, невозможно сдвинуться с мертвой точки. Внутренние же факторы достаточно тесно взаимосвязаны с внешними, ибо создание сетевых компьютерных архивов требует смены ценностей в самой исторической науке.

В качестве примера: исследователям в России и Германии, несколько лет занимавшимися поисками источников с использованием новейших информационных технологий, удалось собрать практически все документы и создать своеобразный исследовательский комплекс. Это был виртуальный электронный архив с уникальным массивом информации, насчитывающем около двух тысяч документов, начиная с 1945 г., о жизни и работах специалистов: технические проекты, служебные документы предприятий и министерств. Также были восстановлены списки всех немецких авиационных специалистов и членов их семей с основными биографическими данными. При проведении исследования все участники видели свою задачу в том, чтобы максимально объективно, добросовестно и бережно, на основе подлинных архивных документов, представить все стороны этого сложного, противоречивого и драматического яв-

ления. Здесь возникала проблема введения в научный оборот необходимого количества найденных рассекреченных источников. Как известно, совсем небольшая часть исторических источников создавалась специально, чтобы зафиксировать и сохранить для потомков события прошлого. Для периода советского тоталитаризма таковым являлся документальный массив с искаженной информацией. Большая же часть документов, хранящих в себе достоверную информацию о событиях прошлого, создавалась в процессе целенаправленной деятельности общества, для фиксации какой-либо информации, необходимой для принятия решений в сложившихся условиях. Объективно большая часть сразу же по принятии решения уничтожалась или видоизменялась. И лишь небольшая часть этого объема «откладывалась впрок» в архивах. Сохранившиеся документы, технические материалы в архивах становились действующими историческими источниками, носителями информации о прошлом.

Историки-исследователи системы использовали информацию, зафиксированную в документах, полностью, либо частично, поскольку использование только выборочной, структурированной информации, воплощенной в виде базы данных, в свою очередь сужает круг интересующихся формализованной информацией исследователей, ведь исторический источник оказывается информационно богаче, нежели база данных. Информационно-исследовательская система создавалась для восстановления многоаспектной исторической картины послевоенного времени СССР с целью опубликования ранее закрытой информации и, в то же время, сохранения (продления существования) архивных документов. Она первоначально была ориентирована на решение широкого спектра задач, поэтому очень ценным являлось сбережение информации из исторического источника в полном (точнее, в максимально возможном) объеме. Для разрешения задачи многопользовательского и многократного обращения к информационно-исследовательской системе представление информации должно было быть не хуже, чем в историческом источнике, так как качество и форма представления информации являются определяющими при обращении к ней других пользователей.

Возвращаясь к проблеме создания учебно-научно-исследовательского пространства необходимо отметить, что уже сейчас на основе данной мультимедийной исследовательской системы разработан специальный учебный модуль материалов и читается спецкурс «Перемещение технологии как процесс межкультурного взаимодействия» в двух столичных образовательных учреждениях: Московском авиационном институте и Российском государственном гуманитарном университете. *Данная система с виртуальным архивом является одной из информационных систем, которая профессионально соединила источник и новые компьютерные технологии и широко используется в образовательном процессе.* Она продолжает интенсивно развиваться за счет поступления новых идей и материалов и использоваться в исследовательской и образовательной деятельности.

Примечания

- ¹ См.: Устинов В.А. Применение вычислительных машин в исторической науке. М., 1964; Славко Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981.
- ² Применение электронно-вычислительных устройств в исследованиях по истории науки и техники. М., 1966.
- ³ Смирнов Л.П. Разработка метода анализа развития конкретных технических средств с использованием ЭЦВМ. Дисс... канд. техн. наук. Киев, 1966. Большой вклад в дело информатизации исследований внесли В.М. Глушков, О.М. Белоцерковский, Г.М. Добров, Е.П. Велихов, А.П. Ершов, А.А. Кузнецов, И.Д. Ковальченко, В.А. Устинов, Ю.Ю. Кахк, Н.Б. Селунская, Т.И. Славко, Л.И. Бородкин, К.В. Хвостова и многие другие ученые.
- ⁴ См.: Бородкин Л.И. Историческая информатика в СССР / России: ретроспектива, состояние, перспективы // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. М., 1993.
- ⁵ Термин «историческая информатика» был определен через базовую дефиницию — информатика (см.: Ершов А.П. Информатика: предмет и понятие // Информатика и научно-технический прогресс. М., 1987. С. 17 – 22).
- ⁶ См.: Бородкин Л.И. Историческая информатика в развитии: методологические аспекты // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.
- ⁷ См.: Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ исторических исследованиях. М., 1986.
- ⁸ См.: Историческая информатика. М., 1996. С. 5.
- ⁹ См.: Афанасьев Ю.Н., Цаленко М.Ш. Проблемы создания новой информационной среды РГГУ // Гуманитарные науки и новые информационные технологии. Вып.1. М., 1993.

АЭРОКОСМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОГНОЗ

С.В. КРИЧЕВСКИЙ

Эпоху, в которой нам довелось жить, можно охарактеризовать по-разному. Но, так или иначе, ее все чаще характеризуют как эпоху крупномасштабных перемен, эпоху нарастающей неустойчивости развития цивилизации, эпоху «бифуркации» и «макросдвига»¹. И такое понимание важно. В наши дни стало общим местом говорить, что мы живем в эпоху технологической революции, эпицентром которой является «взрывной» рост высоких информационно-коммуникационных технологий. Не столь общим, но, во всяком случае, так же достаточно понятным, стал тезис М. Кастанельса о возникновении на нашей планете новой социальной структуры, ассоциируемой «с возникновением нового способа развития – информационализма, исторически сформированного перестройкой капиталистического способа производства к концу 20 века»². При этом в гораздо меньшей степени осознается тот факт, что новому способу цивилизационного развития должен соответствовать также и новый способ мышления, новое осмысление реальности. И здесь вряд ли необходимо особо подчеркивать необходимость построения (или, быть может, достраивания) новой коэволюционной картины мира, в которой человек, общество, цивилизация, познаваемая и преобразуемая человеком природа, рассматриваются как органические подсистемы самоорганизующегося космоса. Автор убежден, что строить такую картину, которая изначально предполагает присутствие в ней человека, осваивающего и преобразующего окружающую среду, изначально ориентирована на идею самонаправляемой устойчивой эволюции цивилизации, на нередуцируемую динамическую сложность и разнообразие, понимаемые в первую очередь как особого рода взаимосвязанную активную мультиагентную среду, следует поэтапно, шаг за шагом. Одним из таких шагов для автора является предложенный им сферно-деятельностный подход³, изло-

жению некоторых аспектов которого с точки зрения проблем аэрокосмической деятельности общества и посвящена настоящая статья.

Технологические сферы деятельности общества

В XXI веке все большее значение и влияние приобретают так называемые технологические сферы деятельности (промышленная, энергетическая, транспортная, информационно-коммуникационная, военная, аэрокосмическая и др.). Эти сферы в своем единстве формируют технико-технологический каркас – инфраструктуру цивилизации, обслуживают растущие потребности общества, обеспечивая его безопасность и развитие.

В общем случае под *технологической сферой деятельности* будем понимать пространство социальной деятельности посредством массового и интенсивного применения техники и технологий для достижения социальных целей в физическом пространстве.

Технологические сферы деятельности пересекаются и тесно взаимосвязаны между собой и другими – «нетехнологическими» – сферами деятельности общества (политической, экономической, научной, образовательной, культурной и т.д.), образуя системно-целостный коэволюционирующий кластер, в котором границы существующих «признанных» сфер деятельности во многом условны, и в зависимости от того или иного контекста рассмотрения или дискурса, могут быть выделены по различным основаниям.

Важно также заметить, что каждая технологическая сфера деятельности общества не сводима только к технике и технологиям, она существует и действует как социотехноприродная система (СТП-система)⁴, охватывающая три взаимосвязанных блока:

- 1) общество как заказчик и потребитель продукции этой конкретной технологической деятельности;
- 2) непосредственное производящее технологическое «ядро» – техническую отрасль, сектор, его технику и технологии (инфраструктуру), соответствующую производственную деятельность и продукцию;

3) окружающую природную среду как физическое пространство деятельности, источник ресурсов, а также «вместилище» отходов.

Причем технологические сферы деятельности общества, рассматриваемые нами как СТП-системы, не тождественны техносфере и не являются частями техносферы, так как производство техники и техносферы не является конечной целью, приоритетом или самоцелью СТП-систем. Производство техносферы (части техносферы) как совокупности техники и технологий является вспомогательным, промежуточным и побочным продуктом общества, которое через технологическую деятельность производит и воспроизводит себя как основной «продукт». Технологическая деятельность — это не цель, а средство, позволяющее обществу сформироваться, выживать и развиваться в сложной эволюционирующей социоприродной среде.

Возникают и новые технологические сферы деятельности общества, основанные на принципиально иных высоких технологиях, в результате чего, соответственно, трансформируются как межсферные отношения, так и СТП-системы. Одной из ведущих по инновациям и потенциалу влияния на развитие общества, техники, технологий, процесса материального производства, всей дальнейшей эволюции человека и общества в XXI веке все более становится бурно развивающаяся в последние годы сфера нанотехнологий (нанотехнологическая сфера)⁵.

При этом становление сферы нанотехнологий не отменяет и не заменяет многие другие традиционные «старые» сферы технологической деятельности (военную, транспортную, аэрокосмическую и т.д.), но с неизбежностью качественно преобразует их, выступая в роли своеобразного катализатора процессов конвергентного развития, порождающего в свою очередь новые социальные и социоприродные отношения.

В этой перспективе крайне важно исследовать и понять сложные межсферные процессы и отношения, в том числе на примере «старых» сфер и возникающей сферы нанотехнологий, где «старые» реализуют экспансию в физическом пространстве на макро- и мегауровнях, а сфера нанотехнологий порождает новое качество процесса освоения мате-

риального мира на нано- и микроуровнях. Именно это понимание автопоэтической связанности межсферных процессов дает основания для «синергичного» прогнозирования грядущей трансформации всей системы техники и технологий, которая лежит в основе современного способа производства и развития человеческой цивилизации в целом.

Таким образом, интенсивное развитие технологических сфер деятельности в их сложном нелинейном взаимодействии ставит в качестве приоритетной задачи их междисциплинарное осмысление в сопряженном между собой многообразии контекстов проблем прогнозирования и инновационного управления грядущей социокультурной трансформацией.

В качестве попытки такого междисциплинарного осмысления исследования предпринят развернутый социально-философский анализ и прогноз для сферы аэрокосмической деятельности (АКД) человечества на весь XXI век в контексте перспектив эволюции человека, общества, техники, технологий, технической реальности.

АКД — это целенаправленная деятельность человека, общества, государства, всей человеческой цивилизации в аэрокосмическом пространстве — аэрокосмосе, охватывающем атмосферу Земли и космическое пространство, по его исследованию и использованию с применением аэрокосмической техники и технологий⁶.

Основным результатам исследования сферы АКД и посвящена данная статья.

Социально-философский анализ АКД

Сфера АКД — одна из важнейших технологических сфер деятельности общества, сложная сверхглобальная СТП-система, включающая авиацию, воздухоплавание, космонавтику и другие подсистемы, в том числе военные⁷. При этом аэрокосмическая техника и технологии являются техническими объектами, устройствами, «посредниками» и способами достижения целей человека и общества в процессе взаимодействия с окружающей средой.

Общую классификацию аэрокосмической техники, объектов и технологий АКД можно представить в виде 5-ти основных взаимосвязанных блоков:

1) информационные (сбор и передача научной и другой информации в аэрокосмическом пространстве, в том числе дистанционное зондирование, навигация, телекоммуникации, связь, телевидение, интернет и т.п.; технологии для управления хозяйством и обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях, обороны, контроля военной активности и т.п., для метеопрогнозов, геологической разведки, экологического мониторинга, управления транспортными потоками, а также в контексте обучения и образования для перехода к устойчивому развитию);

2) транспортные (воздушный транспорт, освоение космоса, решение задач обороны и безопасности и др.);

3) энергетические (в том числе перспективные альтернативные энергоустановки и энергоносители, включая космические системы и внеземные ресурсы, для решения глобальной энергетической проблемы);

4) искусственные биосферы (в виде пилотируемых летательных аппаратов, том числе вне Земли, пилотируемых станций в околоземном космическом пространстве (ОКП) с перспективой расселения человечества в Солнечной системе);

5) материалы (композиционные, нано- и др.) и т.д.

АКД внесла и вносит колоссальный вклад в развитие человека и общества в областях науки, производства, обороны, информатизации, образования, культуры, включая выдающиеся достижения, оказывает значительное воздействие на качество жизни человека, безопасность и развитие России и мирового сообщества.

Сфера АКД является сверхсложной эволюционирующей СТП-макросистемой, обладающей разветвленной трансграничной структурой, оказывающей всепроникающее воздействие на людей, технику, природную среду. На Земле и в аэрокосмосе функционирует ряд подсистем макросистемы (авиация, воздухоплавание, космонавтика и др.), базирующейся на аэрокосмической технике и технологиях. Выделяются авиация и космонавтика, которые возникли и бурно развивались в XX в., стали мощными отраслями, резко ускорившими развитие как России, так и всего человечества, оказывающими глобальное воздействие на цивилизацию и биосферу Земли, окружающую среду. В современ-

ном мире в наукоемкой и высокотехнологичной аэрокосмической сфере постоянно работают несколько миллионов человек, существуют сотни научно-технических организаций, корпораций и предприятий, ежегодно производящих тысячи летательных аппаратов различных конструкций и назначения массой в диапазоне от десятков килограммов до сотен тонн; имеется более 500 тыс. воздушных судов разных типов и назначения – гражданских, государственных (военных и иных), экспериментальных; действуют несколько тысяч аэродромов и аэропортов. Ежегодно воздушный транспорт перевозит более 2 млрд человек, т.е. 1/3 населения Земли, причем в небе, в полете постоянно находятся несколько тысяч воздушных судов и около 300 тыс человек, – целый «небесный» город. На Земле расположено около 20 действующих космодромов и несколько десятков ракетных полигонов, сотни пусковых установок, на вооружении находятся тысячи боевых баллистических и крылатых ракет – носителей ядерного оружия; ежегодно в космос запускается около 100 баллистических ракет массой от десятков тонн до нескольких сотен тонн каждая. В ОКП функционирует около 800 активных космических аппаратов различного назначения. Люди побывали на Луне, постоянно пребывают в космосе на пилотируемых кораблях и станциях (в настоящее время – на Международной космической станции на околоземной орбите); беспилотные космические аппараты успешно исследуют Землю, ОКП, Луну, Марс, другие объекты Солнечной системы и дальний Космос. Общая стоимость всей глобальной аэрокосмической инфраструктуры составляет несколько трлн долл., годовой объем мирового аэрокосмического рынка – несколько сотен млрд долл., темпы роста – примерно 5% в год. Данная сфера обладает колоссальным потенциалом и перспективами развития на Земле и в Космосе.

Невозможно представить жизнь современного человека и общества, развитие России и всего человечества без аэрокосмической техники и технологий, результатов сферы АКД, продукции и услуг, начиная с телекоммуникаций и авиатранспорта.

Сфера АКД, аэрокосмическая техника и технологии обладают значительной наукоемкостью и инновационным

потенциалом, являются технико-технологическим и социальным ускорителем-мультипликатором, а также и источниками высоких рисков.

Конечно, наряду с достаточно очевидными позитивными последствиями процесса развития сферы АКТ, существуют и явно негативные, связанные с техническими, военными и другими рисками, неблагоприятными экологическими воздействиями и последствиями и др.).

Аэрокосмическая техника, технологии, вся сфера АКД в целом оказывают мощное и противоречивое воздействие на устойчивость развития человека и общества, на общественное сознание и весь комплекс социальных, социоприродных, социокультурных отношений.

Междисциплинарный прогноз развития сферы АКД на XXI век

Для оптимизации процессов в эпоху глобализации целесообразно осуществлять долгосрочное прогнозирование АКД и других технологических сфер деятельности общества в России и мире, с учетом масштабов, динамики, воздействий СТП-систем. Период (глубина) прогноза – 100 лет, что обусловлено сверхглобальным масштабом, воздействиями и потенциалом сферы АКД.

Автор взял на себя сложную роль обобщающего и интегрирующего эксперта. Прогноз является предварительным и выполнен с применением ряда научных методов (сравнительного анализа, сценариев, экспертных оценок, философии техники) и подходов (системного, футурологического) и других в социоприродной парадигме и парадигме универсальной эволюции, на основе критического анализа ряда публикаций, посвященных истории, состоянию, проектам и прогнозам развития сферы АКД, новой техники и технологий в России и мире⁸.

В результате исследования сферы АКД сделан междисциплинарный прогноз на весь XXI век для **оптимистического сценария** по 4-м основным и взаимосвязанным аспектам: техническому, социальному, социо-природному, универсально-эволюционному. (Они могут быть дополнены, например, социокультурным аспектом и др.)

1) Технический (технико-технологический) аспект. Развитие и внедрение новой техники и технологий в сфере АКД, в т.ч. эко-, нано-, и других технологий, позволяют решить многие унаследованные проблемы негативных воздействий и последствий (экологических, социальных и др.), максимально эффективно реализовать колоссальный потенциал сферы АКД.

К рубежу XXI – XXII вв., **при оптимистическом сценарии** развития техники и технологий, сфера АКД решит ряд актуальных задач.

Будет достигнуто: интенсивное и сбалансированное развитие аэрокосмической техники, включая авиацию, воздухоплавание, космонавтику и др. виды, отрасли внутри сферы АКД и во взаимодействии с другими отраслями, сферами деятельности; максимальное удовлетворение растущих потребностей человека и общества, с полным охватом АКД поверхности и атмосферы Земли, а также ОКП в пределах гравитационного поля Земли (в радиусе $R \sim 1$ млн км).

Это предполагает всеобъемлющую (глубокую) экологизацию аэрокосмической техники и деятельности, ее адаптацию к окружающей среде, минимизацию вредных воздействий и последствий, радикальное повышение эффективности аэрокосмической техники и деятельности, уровня безопасности полетов и всей АКД.

В контексте военной активности будут созданы высококоразвитые интегрированные национальные и международные (межгосударственные) системы Воздушно-космической обороны (ВКО), в том числе для решения задач борьбы с международным терроризмом.

В качестве внешнего сегмента системы ВКО под эгидой ООН будет осуществлено поэтапное создание международной активной системы защиты Земли (СЗЗ) от астероидно-кометной опасности с обеспечением защиты Земли, затем – всего ОКП (включая Луну и пространство до $R \sim 1$ млн км от Земли), реальное использование СЗЗ для противодействия астероидам, угрожающим Земле.

Вполне реально: создание постоянной международной научно-исследовательской базы – Солнечной пилотируемой космической станции на гелиоцентрической орбите в

точке либрации системы Земля – Солнце (~ 1,5 млн км от Земли в сторону Солнца); создание системы постоянных научных баз и поселений на Луне; экспедиция на Марс и создание там постоянной научной базы для последующей колонизации этой планеты.

Будут созданы принципиально новые (в том числе . индивидуальные и массово доступные) средства, технологии для быстрого, экономичного, безопасного перемещения в аэрокосмическом пространстве (АКП) – в атмосфере Земли и ОКП.

Потребности практики приведут к созданию эффективных систем жизнеобеспечения и защиты человека от опасных факторов полета и других негативных воздействий и последствий АКД, достижению радикального продления продолжительности здоровой и активной жизни человека (людей опасных профессий сферы АКД и др.), реализации технологий перехода к автотрофному питанию, постоянной жизни людей вне Земли, включая репродукцию.

Будет осуществляться интенсивный поиск внеземных форм жизни, внеземных цивилизаций (ВЦ), следов их деятельности, при этом не исключена возможность реального контакта с ВЦ «внеземного» происхождения.

При реализации других (неоптимальных) сценариев развития возможно неполное решение приведенного комплекса задач. **При неблагоприятных сценариях** сфера АКД может стать причиной крупномасштабных негативных воздействий и последствий из-за аварий, военных конфликтов или терактов с применением аэрокосмической техники и технологий, вплоть до предельных сценариев глобальной катастрофы.

2) Социальный аспект. Сверхзадача сферы АКД в XXI в. как сферы деятельности общества, производящей интегральный «конечный продукт» в виде самого общества («общество есть продукт производства»⁹), – это решение двух проблем: 1) обеспечение безопасности и развития общества на Земле; 2) создание общества вне Земли («Человечества-2»).

К рубежу XXI – XXII вв., **по оптимистическому сценарию** развития АКД и общества, возможно решение ряда актуальных задач.

Прежде всего, это создание и реализация общих «правил игры» (законодательства), единой стратегии и систем управления всей сферой АКД (включая аспекты прав человека, безопасности, устойчивого развития на Земле и в космосе) на национальном и международном уровнях, интеграция в Международное аэрокосмическое агентство под эгидой ООН (по аналогии с МАГАТЭ).

Далее необходимо реализовать массовое и эффективное использование результатов АКД для удовлетворения комплекса потребностей человека и общества, перехода к экологобезопасному, сбалансированному развитию на Земле и вне Земли. В идеале это предполагает создание условий для массовой доступности безопасных коллективных и индивидуальных перемещений, путешествий по всей территории Земли, во всей атмосфере Земли и в ОКП (включая Луну) с использованием принципиально новых техники, технологий и инфраструктуры сферы АКД.

И, наконец, в контексте возможных перспектив внеземного развития человечества, это создание Всемирной ассоциации «космических добровольцев» со статусом официальной международной структуры («Человечества-2») под юрисдикцией ООН, поэтапная реализация проектов расселения вне Земли, создание системы поселений с постоянным населением в ОКП, на Луне, первых поселений на гелиоцентрической орбите Земли и вблизи нее (вне сферы действия нашей планеты).

3) Социоприродный аспект. Отношения с окружающей средой станут одним из высших приоритетов сферы АКД. Это предполагает разработку и реализацию адекватной стратегии АКД в России и мире на основе социоприродной концепции, направленной на сохранение биосферы и переход к экологобезопасному сбалансированному развитию общества в коэволюции со всей окружающей средой, к рациональному природопользованию и охране природы на Земле и вне Земли, во всем ОКП и в Солнечной системе как сверхглобальной мегаэкосистеме.

Будут созданы и реализованы адекватные «правила игры» (законодательство), единая система международных стандартов для экологизации всей аэрокосмической техни-

ки и деятельности на полном жизненном цикле, на Земле и в Космосе, в том числе реализована концепция «прав природы» на национальном и международном уровнях, на Земле и в АКП (в масштабах всей Солнечной системы).

Все это приведет к полному решению унаследованных экологических проблем АКД на Земле и в ОКП: очистке и ликвидации районов падения ступеней ракет, ликвидации «керосиновых линз» в районах аэродромов и аэропортов, очистке ОКП от «космического мусора» и др. В том числе будет введен запрет на сжигание в атмосфере Земли крупных фрагментов космической техники, космического мусора, запрет их дампинга (сброса) в Океан и т.п.

Под эгидой ООН будет создана единая система охраняемых природных территорий и пространств на Земле и вне Земли, в геокосмическом пространстве в областях Северного и Южного полюсов Земли (Арктики и Антарктики) и над ними, далее во всем ОКП, на Луне, Марсе, Венере, во всей Солнечной системе — сеть «космических заповедников».

Кроме того, будет введен запрет (мораторий) на терраформирование (искусственное глобальное изменение природных систем) Марса, Венеры и других планет Солнечной системы, т.е. «вписываться» должны человек, общество, техническая инфраструктура — в окружающую среду, планету, при минимуме воздействий на природу, а не планета в человека.

4) Универсально-эволюционный аспект.

Данный аспект является предельно общим, охватывает технический, социальный, социоприродный и другие аспекты АКД.

В контексте универсальной эволюции сфера АКД — это СТП-система, обслуживающая, продуцирующая, транслирующая высшую форму жизни (живого разумного) и ее организации (общество, сообщества) на Земле и вне Земли, в том числе (в перспективе) — и возможное создание других форм высшей разумной жизни, например, трансформацию человека в постчеловека, биоробота, «животное космоса», в другие структуры и формы жизни, продление жизни, бессмертие, вплоть до перехода в энергетическую форму на Земле и в Космосе. В этой связи, очевидно, возникает сложнейший комплекс проблем, в том числе правовых, соци-

альных, экологических, биоэтических, социокультурных, технологических и других. И здесь стоит вспомнить А. Эйнштейна, который говорил, что мы не можем успешно решить проблемы, с которыми мы сталкиваемся, на том же уровне мышления, на котором находились, когда их создавали.

В связи с известными проблемами, тенденциями развития общества на Земле, а также пессимистическими оценками и прогнозами¹⁰, вероятность выживания человечества на Земле и расселения в Космосе¹¹, реализации перехода на траекторию универсальной эволюции, социальной и постсоциальной эволюции¹² вне Земли, к сожалению, не столь велика.

Вместе с тем автор считает возможным и целесообразным осуществление проектов расселения человечества в Космосе, эволюции человека и общества в новые формы жизни, вплоть до бессмертия.

У нас есть шанс реализовать переход к «универсальному развитию» с использованием потенциала АКД: создание новых универсальных живых разумных существ (человека разумного, летающего, космического, автотрофного, вечного, способного жить в любой среде, — в свободном аэрокосмическом пространстве, на Земле и других планетах Солнечной системы), причем, с эволюцией от человека разумного земного с сохранением духовных, культурных качеств человека и новых универсальных форм общества в Космосе с эволюцией от земного общества через ассоциацию «космических добровольцев», вплоть до постсоциальных форм в далекой перспективе.

Трансформация человека и общества, а также становление соответствующего нового уровня мышления необходимы, более того, они уже проявляются здесь и сейчас. Однако этот эволюционный переход должен идти не через продление жизни человека любой ценой за минимальное время (как к этому призывают современные трансгуманисты, предлагая срочно переходить к бессмертию в ближайшие десятилетия XXI века через полный и окончательный разрыв с биосферой Земли и ускоренную трансформацию в постчеловека, перенос на машинные носители памяти, сознания, затем всего тела, т.е. в человека искусственного, по сути — в биоробота¹³). *Сложнейшая и приоритетная задача науки и*

практики XXI века – получение новых междисциплинарных знаний и технологий для управления процессом «универсальной эволюции» человека, человечества, СТП-систем на основе приоритета гуманитарных ценностей, в гуманистической парадигме, в гармонии и балансе человека, общества и природы, но не в технико-технотронной парадигме (технетики, гипертехнического развития и т.п.¹⁴).

Необходимы стратегия и технологии управляемой, *направляемой универсальной эволюции* (а не «направленного саморазвития»¹⁵ по-трансгуманистически, т.е. любой ценой). Это относится к АКД и другим технологическим сферам деятельности общества как СТП-системам.

В течение XXI в. сфера АКД, в случае **оптимистического сценария**, должна решить сложнейшую практическую проблему управления, – направления и «вписывания» России и мирового сообщества в траекторию универсальной эволюции в Солнечной системе. Это предполагает следующее:

– аэрокосмическая техника, технологии, являясь способами, средствами деятельности, производства, применяемыми сферой АКД, реализуют переход человечества к экологобезопасному устойчивому (сбалансированному) развитию, выход на траекторию универсальной эволюции и дальнейшее движение по ней;

– сфера АКД как важная часть деятельности и компонент общества, во взаимодействии с другими сферами в качестве сверхцели и конечного продукта, воспроизводит, производит общество в балансе с окружающей средой не только на Земле, но и вне Земли, являясь лидером и локомотивом экспансии в АКП;

– сфера АКД продуцирует новое «внеземное» общество, производит внеземную высшую разумную жизнь «почкованием» от высшей земной разумной жизни и общества, используя ресурсы и потенциал земной цивилизации, создает во внеземной окружающей среде новые СТП-системы (в т.ч. среду обитания), включающие социальную и техническую инфраструктуру, компоненты природной среды;

– начало создания мегаобщества с охватом цивилизации на Земле и новых независимых сообществ («Человечества-2» и др.) вне Земли.

Заключение

В XXI веке в эпоху глобализации и цивилизационного макросдвига (Э. Ласло) междисциплинарный анализ и долгосрочное (стратегическое) прогнозирование развития технологических сфер деятельности общества (АКД и других) становятся приоритетными, жизненно важными задачами. Долгосрочный прогноз необходим для реализации управляемого «направляемого развития»¹⁶ человека и общества, т.е. в перспективе – направленной универсальной эволюции. Причем, такое прогнозирование должно осуществляться в новой парадигме и междисциплинарной постановке, в контексте управления СТП-системами на Земле и в Космосе¹⁷.

Осваивая аэрокосмос, поднявшись в Небо, человек и человечество, используя разум, знания, технику и технологии, начали новый путь. Это движение посредством АКД радикально меняет судьбу человека разумного и цивилизации, ситуацию на Земле, существенно влияет на эволюцию земной, особенно высшей разумной жизни, развитие социоприродных систем, создает новые сценарии развития, порождает новые возможности и риски для России и всего мирового сообщества.

В XXI в. сфере АКД посредством техники и технологий предстоит «вписать» развитие высшей земной разумной жизни – человека, общества, цивилизации в траекторию универсальной эволюции через переход к устойчивому развитию социоприродных систем на Земле и вне Земли. Это возможно при условии стратегического прогнозирования и **опережающего «вписывания»** самой сферы АКД в парадигму универсальной эволюции, при коэволюции с природой через реализацию адекватной стратегии АКД на базе социоприродной концепции.

Выполненный анализ и междисциплинарный прогноз (который будет корректироваться, в том числе, конечно, с учетом научной критики¹⁸) позволяет создать общую модель АКД для оптимистического и других вариантов-сценариев «картины будущего», может найти применение в процессах обучения и реального управления, а также является аналогом для исследования других сфер и межсферных отношений.

Примечания

¹ Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004.

² Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000. С. 37.

³ См.: Кричевский С.В. Философские основания аэрокосмической деятельности // Эпоха глобальных перемен (опыт философского осмысления) / Под общ. ред. Т.И. Костиной. М., 2004. С.191 – 206.

⁴ Подробнее о СТП-системах и СТП-подходе см.: Кричевский С.В. Технологические сферы деятельности общества как социотехноприродные системы // Государственная служба. 2008. № 3.

⁵ Философскому анализу нанотехнологий был посвящен выпуск журнала «Философские науки» (2008. № 1).

⁶ См.: Авиация: Энциклопедия / Гл. ред. Г.П. Свищев. М., 1994; Аэрокосмическая деятельность и ее влияние на общество (постановка проблемы). М., 1995; Аэрокосмическая деятельность и общество. М., 1996; Космонавтика: Энциклопедия / Гл. ред. В.П. Глушко. М., 1985; Кричевский С.В. Аэрокосмическая деятельность: методологические, исторические, социоприродные аспекты. М., 2007. Значительный объем информации по данной тематике см. также на сайтах: Воздушно-космическая оборона. <http://www.vko.ru/>; Российский авиационно-космический портал. <http://www.avia.ru/>; «Информационно-аналитический портал о космосе». <http://www.spacenews.ru/>; Международная организация гражданской авиации (ИКАО). <http://www.icao.int/>; Новости космонавтики. <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/>; Федеральное космическое агентство (Роскосмос). <http://www.roskosmos.ru/>; Национальное аэрокосмическое агентство – NASA (США). <http://nasa.gov/>; и др.

⁷ См.: Кричевский С.В. Аэрокосмическая деятельность: методологические, исторические, социоприродные аспекты.

⁸ Основные публикации, послужившие базой для анализа и прогноза см.: Кричевский С.В. Аэрокосмическая деятельность: методологические, исторические, социоприродные аспекты. С. 262 – 263.

⁹ Диалектика познания сложных систем / Под ред. В.С. Тюхтина. М., 1988. С. 237.

¹⁰ На вопрос автора о перспективах экспансии человечества в космос академик Н.Н. Моисеев ответил, что «по мере удаления от Земли это затухающий процесс, человечество обречено жить на Земле, вне Земли это будет не человечество, там необходимо использовать автоматические системы». (Передаю почти дословно его ответ на научном семинаре, который состоялся в декабре 1999 г. в Политехническом музее в Москве, где Н.Н. Моисеев выступил с докладом.) См. также: Лебедев В.В. А нужны ли мы Марсу? // Наука и жизнь. 2007. №1; Его же. Не потерять бы нам человечество... // Наука и жизнь. 2007. №10.

¹¹ См.: Адамович Б.А., Горшенин В.А. Жизнь вне Земли. М., 1997; Аллен Дж., Нельсон М. Космические биосферы / Пер. с англ. / Под ред. В.С. Городинской / Посл. Ю.А. Школенко. М., 1991; Циолковский К.Э. Миражи будущего общественного устройства: Сб. статей. М., 2006; Школенко Ю.А. Содружество Земли и неба: по-

- стиндустриализм, биосфера, космос // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4.
- ¹² См.: *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Универсальный эволюционизм: концепции, подходы, принципы, перспективы: Учебное пособие. М., 2007.
- ¹³ См.: *Прайд В., Медведев Д.А.* Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания // *Философские науки*. 2008. № 1; Российское Трансгуманистическое Движение. <http://www.transhumanism-russia.ru/>; *Удалова В.В. (Прайд), Медведев Д.А.* Проблема человеческого будущего: универсальный эволюционизм или направленное саморазвитие? // К.Э. Циолковский и современность: Материалы XLII научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга, 2007. С. 160 – 162.
- ¹⁴ См.: *Кудрин Б.И.* Технетика: новая парадигма философии техники (третья научная картина мира). Томск, 1998; *Гнатюк В.И.* К вопросу о реальности технической и реальности гипертехнической // *Техногенная самоорганизация и математический аппарат ценологических исследований: Материалы конференций. (Ценологические исследования. Вып. 28)*. М., 2005. С. 229 – 237.
- ¹⁵ См.: *Удалова В.В. (Прайд), Медведев Д.А.* Проблема человеческого будущего: универсальный эволюционизм или направленное саморазвитие? // К.Э. Циолковский и современность: Материалы XLII научных чтений памяти К.Э. Циолковского. С. 160 – 162.
- ¹⁶ По Н.Н. Моисееву России и человечеству для выживания необходимо «направляемое развитие» (см.: *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть ... человечеству? М., 1999. С. 270.
- ¹⁷ См.: *Кричевский С.В.* Стратегия освоения космоса в XXI веке: социоприродная концепция // *Государственная служба*. 2007. № 4; *Кричевский С.В.* Технологические сферы деятельности общества как социотехноприродные системы // *Государственная служба*. 2008. № 3; *Прогнозирование будущего: новая парадигма* / Под ред. Г.Г. Фетисова, В.М. Бондаренко. М., 2008; *Урсул А.Д., Демидов Ф.Д.* Устойчивое социоприродное развитие: Учебное пособие. М., 2006; *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Универсальный эволюционизм: концепции, подходы, принципы, перспективы.
- ¹⁸ Данный прогноз апробирован в монографии (см.: *Кричевский С.В.* Аэрокосмическая деятельность. С. 261 – 272) и на 3-х конференциях (Гагаринские общественно-научные чтения 10 марта 2008 г., Гагарин, Смоленская область; Междисциплинарный семинар «Космос – Мир – Человек», 22 апреля 2008 г., РУДН, Москва; 1-я Международная конференция «Космос для человечества» 21 – 23 мая 2008 г., Королев, Московская область).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзоры, объявления, сообщения

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.Д. ШМЕЛЕВА, Ю.Г. РОССИУС

Сегодня тема национального самосознания при обострившейся болезненности межкультурной коммуникации является чрезвычайно актуальной, животрепещущей, исключительно важной. То или иное толкование этой темы становится серьезным оружием, капиталом и фактором, определяющим степень влияния, эффективность управления, скорость и адекватность формирования политических, экономических и общекультурных институтов.

Глобализация, размывающая основы национальной идентичности; кризисы «фундаментального знания» и аксиологических систем; доминирование масс-медиа в процессах воспитания и формирования мнений, развитие технологий “soft power”, НН и PR; интенсификация информационного обмена, приводящая к кардинальным трансформациям всех участников социального взаимодействия — и государств, и личностей, и обществ — все эти тенденции с разных сторон делают тему национального самосознания узловой для понимания современных культурных процессов. Кроме внешних имеются и внутринаучные факторы, определяющие особую важность темы национального самосознания.

Необходимость и возможность разработки методологии получения синтетического знания об обществах была сформулирована в качестве приоритетной научной задачи еще во второй половине XX века (К. Леви-Стросс, Г.Г. Гадамер, А. Леонтьев, М. Бахтин и др.). Тогда этот синтез предполагался возможным на основе «лингвистического поворота» в соединении с этнографией, социологией, антропологией и пр. Ряд известных социальных (общекультурных и собственно научных) факторов отсрочил решение и реализацию данной методологической задачи. Теперь она стала еще более необходимой, более тотальной и еще более сложной, требующей объединения усилий специалистов различных отраслей человеческого знания и такой высокой степени строго рационального обобщения,

которое является естественным и привычным лишь для философской исследовательской традиции.

В России, в культуре, сложно идеологизированной на всех этапах развития, исследование форм национального самосознания имеет особое значение и свои особые проблемы. Как шаг в решении этой сложной задачи и следует рассматривать проект Института философии РАН под общим названием **«Проблемы российского самосознания»**.

В целом в задачи проекта входит инициация максимально широкого общественного обсуждения и разнообразных научных исследований по обозначенной тематике, объединение усилий различных специалистов, обобщение и интегрирование результатов обсуждений и исследований как для организации их дальнейшего поступательного движения, так и для решения на их основе межкультурных, мировоззренческих и методологических задач. Проект включает в себя ежегодное проведение конференций и круглых столов с последующей публикацией материалов. Идеологически значимой особенностью формата конференций является проведение их в Москве и в одном из регионов России, – каждый раз, естественно, в новом. Это не только символическое, но и вполне реальное создание единого дискуссионного пространства по теме российского самосознания.

Первая конференция состоялась в октябре 2006 г. в Москве и Орле – с подтемой: **«Проблемы российского самосознания. Механизмы становления»**. Вторая – в мае 2007 г. в Москве и Тамбове с подтемой: **«Человек и культура. Становление гражданского общества в России»**¹. Третья – **«Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки»** – в мае 2008 г. в Москве и Пензе.

Проблемы российского самосознания.

Механизмы становления

Открывая первую конференцию и характеризуя проект в целом, академик РАН, директор ИФ РАН *А.А. Гусейнов* обратил внимание на чрезвычайную актуальность темы, подчеркнул особую ответственность, которая лежит на философах за адекватное понимание проблем российского самосознания: «...то, как мы будем формулировать проблемы российского самосознания, само наше понимание этих проблем включается в российское самосознание, становится одним из его проявлений». Среди наиболее важных направлений изучения темы *А.А. Гусейнов* специально отметил проблемы россий-

¹ Материалы конференций в рамках проекта «Проблемы российского самосознания» опубликованы в сборниках Института философии: «Проблемы российского самосознания» (М., 2007), «Человек и культура в становлении гражданского общества в России» (М., 2008).

ского самосознания в связи с особенностями межкультурного взаимодействия России и Европы. «Понимание и выстраивание адекватных взаимоотношений России и Западной Европы возможно только в рамках философско-исторического взгляда на современный мир». Подчеркнув приоритетность философского языка, техник описания и концептуализации в толковании проблем российского самосознания, А.А. Гусейнов в качестве одного из самых сложных аспектов изучения темы выделил разработку проблемы субъекта национального самосознания.

Именно эта проблема стояла в центре внимания доклада *Н.В. Мотрошиловой* (д. филос. н., зав. отделом, ИФ РАН). Отметив необходимость системного подхода при изучении национального самосознания, она предложила использовать традиционные оси диахронии и синхронии. Синхронический аспект позволяет выявить структуру национального самосознания, дифференцировав различные его формы и источники. Система носителей различных форм национального самосознания включает при этом такие разные институции, как народ, литература, политика и проч. Сложные взаимоотношения этих институций в формировании общественного самосознания могут быть исследованы лишь при отвлечении от временного фактора постоянной изменчивости и взаимного перетекания, то есть в синхронии. Диахрония, напротив, дает возможность выявить тенденции изменения самосознания в процессе его развития, в отвлечении от конкретных носителей и институциональных форм представления.

А.А. Кара-Мурза (д. филос. н., зав. отделом, ИФ РАН) выделил среди главных констант российского самосознания неустранимую антиномию «самобытность – универсализм», отмеченную еще Н.А. Бердяевым. Россия существует одновременно как и самая «националистическая», так и самая «универсалистская» страна в мире, готовая с равным энтузиазмом доказывать как свою абсолютную самобытность и уникальность в мире, так и полную тождественность целому миру. Поэтому излишне политизированными и архаичными представляются односторонние мнения как о «национальной исключительности», так и «космополитической универсальности». Плодотворной является та историософская российская традиция, в которой противопоставление «самобытность – универсализм» перестает быть антиномией, а всестороннее изучение механизмов взаимодействия в русской культуре способствует достаточно частому перетеканию друг в друга «самобытного» и «универсального».

В.М. Межуев (д. филос. н., гл. н. с., ИФ РАН) обозначил несколько возможных направлений изучения российского самосознания. Как наиболее актуальную он выделил задачу культурно-исторической саморефлексии, определения культурной идентичности России в современной цивилизации. Солидаризируясь с А.А. Кара-Мурзой, В.М. Межуев назвал методологически порочным постоянное жест-

кое противопоставление в рамках бердяевской антиномии «самобытность – универсализм». Каждой из сторон это противопоставление может принять вид дихотомии – самобытности и отсталости, из-за которой, по мнению В.М. Межуева, Россия все еще находится в поиске своей цивилизационной идентичности, не вполне определившись со своим местом в историческом процессе. Сегодня диалог России с Европой выражается в непримиримом противостоянии либералов и национально ориентированных патриотов, по-прежнему не желающих сосуществовать в едином политическом пространстве. «Не европейцами или американцами должны стать русские, а теми, кто, оставаясь собой, может жить вместе со всем цивилизованным человечеством, говорить на общем и понятном для каждого свободного человека языке». Проблема культурной идентичности России, по мнению В.М. Межуева, состоит в цивилизационном самоопределении, в формировании мировоззренческих основ национального самосознания, в выборе духовных ценностей и исторических идеалов, а также ориентации России в мировом культурно-историческом пространстве.

В.Г.Федотова (д. филос.н., зав. сект., ИФРАН), рассматривая применимость в анализе современных реалий традиционного противопоставления «славянофилов» и «западников», приходит к мнению, что западный, славянофильский, в том числе евразийский, взгляды – это не пути, а ракурсы интерпретации. Разворачивая свои отношения с Западом, Россия консолидирует свою способность предстать «русским европейцем», но в диалоге с Китаем или Индией она представляет свои азиатские начала. Мы не можем стать Западом и не можем стать Востоком. Мы принадлежим Европе, но незападной, «другой». В этом и существо нашего развития. «Другая» Европа, не отставшая от западной, а с другим культурным кодом, сформировавшимся на ветви православной культуры, влияние которой имплицитно спроецировано в советскую культуру. Славянофилы и националисты сегодня видят необходимость развития России не в анархических представлениях о свободе, а в развитии правовых и институциональных основ. Западники, в свою очередь, отмечают ту культурную специфику, в которой это развитие осуществляется.

Представление о человеке как существе экономическом, которое пытались утвердить либералы в российском самосознании 90-х годов, не соответствует, считает В.Г. Федотова, ни либеральной традиции, ни действительности, ни современным неоконсервативским теориям. Это представление не применимо к теоретикам либерального движения А. Смиту, М. Веберу, Р. Хайеку. Современные социологические, экономические, общекультурные теории обязательно включают представления о социальном, человеческом и символическом капитале, иными словами, о самосознании нации как основе развития. И именно недооценка либералами этой основы

стала причиной кризиса либерального движения в России на рубеже веков.

И.Н. Сиземская (д. филос. н., гл. н. с., ИФ РАН), как и предыдущие докладчики А.А. Кара-Мурза, В.М. Межуев, предложила рассматривать проблемы национального самосознания прежде всего в связи с особенностями межкультурной коммуникации. При этом она отметила, что для понимания национальной специфики самосознания немаловажное значение имеет, с какого именно момента этнопсихологические характеристики народа вырастают в национальное самосознание, и какие элементы его жизнедеятельности — духовные, экономические или политические — определяют это формирование и дальнейшее развитие. И.Н. Сиземская обратила внимание на особую актуальность для нашего времени позиций В.Г. Белинского и И.П. Киреевского. Белинский писал о том, что национальность есть совокупность всех «духовных сил народа», плод его истории; а в связи с русским самосознанием в отношении к европейской культуре он говорил о необходимости одновременно быть и русскими европейцами, и европейскими русскими. И не теряет своей значимости методологическая установка Киреевского на понимание культуры каждого народа в связи с его участием «в культуре всего человечества». Соглашаясь с приведенными высказываниями, И.Н. Сиземская отметила, что именно на осознании своей сопричастности к духовным, культурным, научным достижениям всего человечества формируется национальная общность и на этой почве вырастает рефлектирующее самосознание народа — восприятие себя как отличного от других и в то же время тесно с ними связанного. Культурные связи и коммуникации формируют национальную общность и необходимое для человека ощущение идентичности, осознание общественного и нравственного долга, соизмерение себя с великими культурными и нравственными ценностями прошлых эпох.

Е.Ф. Сабуров (д.э.н., Институт развития образования, Москва), рассматривая проблемы общественного самосознания в связи с межкультурной коммуникацией, утверждал, что единственным механизмом становления самосознания является отрицательное определение себя через противопоставление Другому. Он обратил внимание на базовые, по его мнению, определения самосознания для европейцев, что «они не русские и не турки», а для русских — что «они не немцы и не татары». Эти базовые самоопределения, трансформируясь в ходе социально-исторических изменений, по многим параметрам остаются неизменными и определяют специфику национально-психологических реакций.

По мнению **Э.Ю. Соловьева** (д. филос. н., гл. н. с., ИФРАН), самосознание — это сложный комплекс оценивающих суждений, представлений и понятий о себе. А среди последних наиболее важным для понимания всей истории русского национального самосозна-

ния является концепт «совесть». Процесс самосознания нации организуется вокруг исторических суждений «по совести». Особая значимость совестливого начала национального самосознания ярко представлена как в русской художественной литературе, так и в философии. Это качество роднит столь непохожих мыслителей, как Чаадаев и Пушкин, Киреевский и Кавелин, Лесков и Толстой, Розанов и Плеханов. Э.Ю. Соловьев отметил, что основная нравственная задача всякого национального самосознания — это отречение от исторического беспамяетства, отказ от пренебрежения традицией, от патристической самовлюбленности и национального эгоизма.

С.А. Никольский (д. филос. н., зам. директора., ИФ РАН) сквозь призму русской художественной литературы и философии рассмотрел некоторые наиболее важные, с его точки зрения, черты русского национального самосознания, характерные для первой половины XIX в. Таковыми являются расколотость самосознания (в тот исторический период) на два основных типа — европеизированное и национально-специфическое. Для последнего особенно характерна природная ориентированность, поскольку самосознание русского человека того времени, независимо от его сословной принадлежности, по мнению докладчика, являлось самосознанием земледельца.

Губернатор Орловской области **Е.С. Строев** был первым из региональных руководителей, принявших участие в данном проекте, назвав его «возвращением «философского парохода», которое может позволить консолидировать интеллектуальные силы для понимания и решения проблем российского самосознания, что совершенно необходимо как при определении стратегий развития страны, так и при выработке оптимальных механизмов достижения поставленных целей. Возможности сохранения национально-культурной идентичности России связаны с опорой на исконно русские традиционные ценности: патриотизм, державность, социальную солидарность, духовность. В подтверждение истинности своих слов губернатор не раз (как и многие другие выступавшие) ссылался на высказывания великого земляка, орловского помещика И.С. Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, вдвойне горе тому, кто действительно без нее обходится».

Выступление **М.Н. Громова** (д. филос. н., гл. н. с., ИФ РАН) было специально посвящено исследованию творчества И.С. Тургенева как оригинального писателя — мыслителя, имевшего звание магистра философии. Выступавший убедительно показал, что Тургенева можно считать одним из самых чутких выразителей русского национального самосознания, удивительно точно чувствовавшего современные культурные тенденции, сравнительные замечания которого могут быть особенно ценны в связи с его чрезвычайно глубоким знанием европейской культуры.

При рассмотрении проблем российского самосознания, отметил **А.В. Рубцов** (к. филос. н., зав. сектором, ИФ РАН), необходимо разграничивать и учитывать взаимодействие двух идеальных сфер: самосознания общества и идеологии. Это взаимодействие, по его мысли, является основой формирования национальной идеи.

Разбирая структуру и содержание российского самосознания, **Н.И. Лапин** (чл.-кор. РАН, руководитель ЦИСИ, ИФ РАН) подчеркнул, что на формирование национального самосознания, его воспроизводство и трансформацию влияет множество факторов – государство, политические партии, наука, образование, средства массовой информации и др. Поэтому ценности и интересы субъектов – вот чем должны руководствоваться при исследовании составляющей их самосознания. Основу российского самосознания составляет русская культура, прежде всего, русский язык. Ее мировоззренческие корни формирует православная религия. Русская культура сегодня существует в полилоге с культурами других народов России, а также с европейской и другими культурами человечества. Она исключительно толерантна к иным культурам. Н.И. Лапин обратил внимание на содержание современного российского самосознания, субъектом которого являются все граждане России: это, прежде всего, равенство прав и свобод каждого гражданина, а также признание равноправия народов, населяющих как Россию, так и другие мировые культурные сообщества. Содержание российского самосознания в целом, по мнению Лапина, носит демократический характер.

В развитие этой темы **Ю.С. Васютин** (д.и.н., проф., ОРАГС, Орел) подчеркнул, что в таком многонациональном государстве, как Россия, проблема толерантности является основополагающей для формирования национального самосознания и межнациональных отношений.

С точки зрения **Л.А. Беляевой** (д. соц. н., вед. н. с., ИФ РАН), для понимания современного самосознания россиян необходимо учитывать изменения их трудовой мотивации за годы реформ. Анализ социологических исследований привел ее к выводу, что субъективная важность работы значительно изменилась и настолько возросла за последние 15 лет, что сегодня трудовая мотивация россиян значительно выше, чем у большинства населения стран, входящих в «Большую семерку».

Неотъемлемой и важнейшей частью в становлении национального самосознания является историческая память. Об этом говорила в своем выступлении **И.Е. Кознова** (д.и.н., вед. н. с., ИФ РАН). Она подчеркнула, что историческое самосознание формируется во взаимодействии памяти нации и памяти народа-этноса, и это взаимодействие является механизмом формирования коллективной памяти и образов прошлого.

Характер русского простора, по мнению **С.Д. Домникова** (к.и.н., с. н. с., ИФ РАН), повлиял на сознание русского человека. Сливаясь воедино с широтой русского простора, русский крестьянин форми-

ровался в определенный культурно-исторический и социально-психологический тип. Этот тип трансформировался под влиянием исторических условий развития страны. Фактором выживания личности на протяжении всей истории было коллективное существование в рамках группы. С другой стороны, любое общество было возможно лишь до тех пор, пока человек ощущал его продолжением самого себя и неперенным условием собственного воспроизводства. Традиционное общество формировало личность, мыслящую себя через групповую принадлежность. По мысли С.Д. Домникова, трагический характер русской культуры XX в. состоял в том, что бывший крестьянин, лишенный своего «общинного тела», отправился на поиск нового Тела, Текста и Ритуала, который впоследствии воплотился в строительство великой Советской империи, крестьянской Утопии, всемирного царства Равенства и Справедливости.

С.Т. Минаков (д.и.н., проф., Орловский гос. университет) обратил внимание на веру русского человека в высший смысл истории существования своего народа. «Исторический смысл», по мнению Минакова, оказывается самым «первичным», изначально объединяющим. Так, например, идея «Обретения Царьграда» в ранней государственности Руси становится объединяющим началом и смыслом существования восточнославянских племен. Убежденный в смысловой основе существования России, автор считает, что для восстановления духовного комфорта россиян и оптимизации социальных настроений совершенно необходимо возвращение «исторического смысла» в качестве своего рода «causa finalis» общественно-го самосознания.

Л.Д. Беднарская (д.филос.н., проф., Орловский гос. университет) обратила внимание на кризисные явления в современном российском самосознании, отражающиеся в корпусе мировоззренческих суждений и в языковой картине мира. Почти совсем ушли из обихода русского человека слова как «высокого», так и «посредственного» стилей; а «низкий стиль» стал общепринятым способом самовыражения, очерчивая тем самым морально-нравственные ориентиры носителей языкового сознания.

Некоторые специфические особенности современной русской ментальности на региональном уровне были проанализированы **Г.Ф. Назаровой** (к. филос. н., проф., Орловский гос. университет). В частности, она считает совершенно необходимым для развития российского самосознания воссоздание «духа места» на орловской земле. Этот процесс, по ее мнению, мог бы способствовать воспитанию гражданского самосознания, сохранению российской национальной ментальности и системы ценностей благодаря чувству гордости и любви к Малой Родине.

Н.Н. Федотова (к. соц. н., МГИМО) подчеркнула, что огромное влияние на идентичность оказывают процессы, которые протекают

как внутри отдельно взятого общества или национального государства, так и внешние представления, получаемые из других стран. «Мягкая мощь» (Soft-power) — это способность добиваться желаемых результатов от других, используя по отношению к ним в большей степени механизмы привлечения, чем принуждения. «Мягкая мощь», или «гибкая власть» в отличие от «жесткой мощи» (военной или экономической силы) — это формирование благоприятных представлений о стране как у ее жителей, так и во вне ее. «Мягкая мощь» — это очень сильное оружие, сладкое и почти незаметное. Через систему мелких предпочтений, естественного стремления к личному комфорту и благосостоянию можно заставлять человека отказываться от своей семейной, родовой и национальной идентичности. Естественно, что это оружие используется наиболее развитыми странами для достижения своих, прежде всего, внешнеполитических целей. До недавнего времени Россия была лишь объектом применения «мягкой мощи» Запада. Но теперь экономическое и культурное возрождение России требует разработки своих механизмов привлекательности.

«Мягкая мощь» уменьшает проблемы, связанные с идентичностью, ее неопределенностью. «Мягкая мощь» — известность страны всему миру своими, только ей присущими культурными достижениями. Благодаря этому создается стабильный внешний фон, способствующий внутреннему развитию. Это внешняя привлекательность страны, которая определяется культурным влиянием, внутривнутриполитической ситуацией и внешнеполитическим курсом. Если мы не принимаем во внимание важность собственной внешней привлекательности для других стран, то в итоге возрастет негативное отношение, которое отрицательно сказывается и на ее собственной самооценке.

Закljučая обзор данной конференции, следует отметить, что в результате обсуждения проблем российского самосознания участники выразили готовность отойти от круга уже устоявшихся понятий, клише и штампов, а также положили начало новым подходам в решении проблем национального самосознания, поиска идентичности на основе межкультурных, мировоззренческих и методологических задач. Обсуждение темы российского самосознания в качестве центральной было продолжено на следующей конференции, но уже в связи с проблемами становления гражданского общества.

Человек и культура в становлении гражданского общества в России

Под таким заголовком проходила Вторая всероссийская конференция по проблемам российского самосознания.

К сожалению, рамки данного обзора не позволяют рассказать обо всех выступлениях и передать в деталях аргументацию всех докладчиков. Мы остановимся более подробно на нескольких докладах, мнения же остальных участников конференции мы сочли целе-

сообразным сгруппировать вокруг основных, наиболее обсуждаемых на конференции проблем.

В Москве заседание было открыто **В.М. Межуевым**, предложившим свое видение проблем, связанных со становлением гражданского общества. Говоря о самом понятии «гражданское общество», он отметил, что до сих пор не определены критерии гражданственности общества, которые позволили бы дать оценку тем или иным явлениям в России. (Оценивать ли, например, акты гражданского неповиновения, революции, гражданские войны как проявление гражданственности?) Объединяя в понятии «гражданское общество» сферу деятельности ассоциаций, союзов граждан, В.М. Межуев отметил следующие их отличительные черты: независимость этих объединений от государства и рынка, самоуправление, самоорганизация, как правило, самофинансирование. Такие самостоятельные образования должны иметь возможность открыто вести диалог с государством, при необходимости даже вступая с ним в отношения конфронтации, что в свою очередь предполагает обеспечение гражданских прав (право на свободу собраний, митингов, референдумов и т.д.), а также наличие в обществе независимых СМИ.

Современная действительность характеризуется наличием двух полюсов – государства и рынка. Одни политики видят пути решения всех проблем в свободном и ничем не ограниченном рынке, другие – в сильном государстве, не замечая третьей силы – гражданского общества. Его функция состоит в том, чтобы сдерживать одновременно эти два полюса, смягчать их противодействие: без гражданского общества рынок становится диким, а государство бюрократизированным и репрессивным.

«Препятствием» на пути становления гражданского общества в России, считает В.М. Межуев, является «классический предрассудок» традиционно-сословного общества – недоверие власти к способности народа принимать ответственные и разумные решения. Под влиянием этого предрассудка (который поддерживается значительной частью населения) политику считают исключительным делом власти, в то время как народу уделяется только сфера частной жизни. Переход к гражданскому обществу означает переход политики из исключительной сферы государственной власти в публичную сферу общественного взаимодействия. Называя «культурной революцией в жизни общества» формирование новой, гражданской, системы ценностей в сознании людей, докладчик отметил, что мировоззрение подлинного гражданина должно базироваться «на этике солидаризма и личной ответственности за все, происходящее в обществе».

Вопрос *о возможных подходах к понятию «гражданское общество»* поднимался во многих выступлениях. В частности, **О.А. Воронина** (д. филос.н., вед. н.с., ИФ РАН) отметила, что этот термин не имеет четкого юридического определения ни в российском законодатель-

стве, ни в законодательствах многих западных стран. Докладчица обратила внимание на разногласия, существующие среди политологов относительно этого понятия. Так, если западные исследователи относят к гражданскому обществу третий сектор, т.е. неправительственные некоммерческие объединения (первый сектор – государство, второй – бизнес), то некоторые российские политологи склонны расширять границы понятия, включая сюда и частный бизнес, и политические партии, и СМИ (в чем можно было убедиться при анализе выступлений на Всероссийском Гражданском Конгрессе, проходившем в апреле 2007 г.). О.А.Воронина предложила использовать сложившееся в философской и правовой литературе представление о гражданском обществе как о системе связей и отношений, которая существует независимо от вертикали власти, располагаясь на горизонтальных уровнях социальной структуры, и состоит из неправительственных негосударственных некоммерческих объединений людей, сплотившихся по интересам.

Иную точку зрения по этому вопросу выразил **В.Н. Шевченко** (д. филос. н, зав.сектором, ИФ РАН), который в своем выступлении, скорее, был склонен рассматривать политические партии как возможный элемент в системе институтов гражданского общества.

Е.Ф. Сабуров определил «гражданское общество» как «совокупность индивидуальных и групповых волей, механизмов их взаимодействия между собой и площадок, на которых происходят переговоры». Одна из функций гражданского общества – выработка представлений о должном и недолжном, так или иначе влияющих на государственные органы, заставляя их принимать или отменять те или иные нормативные правовые акты. Таким образом, гражданское общество постоянно корректирует деятельность государства. Гражданское общество – «слабо организованное, расплывчатое, постоянно дискутирующее, меняющее свои представления» – оказывает выразителем непрерывно меняющихся предпочтений, «посылает сигналы» государственному управлению о необходимости перемен. Гражданское общество в таком случае выполняет функцию поддержания баланса «изменения-постоянства».

Многие выступающие на конференции в той или иной форме обращались к *вопросу о соотношении понятий гражданского общества и правового государства*. По выражению **И.Н. Сиземской**, гражданское общество – «дитя» правового государства. **В.М. Межуев, Е.Ф. Сабуров** отметили в своих докладах, что одна экономическая реформа еще не гарантирует автоматического перехода от традиционного общества к гражданскому: в истории имеется немало примеров сосуществования рыночной экономики и авторитарной власти. Поэтому в российском обществе необходима не только экономическая, но и правовая реформа, способная изменить сложившуюся политическую систему, основанную на принципах централизованной автори-

тарной власти. Для характеристики «важнейшей функции гражданского общества» *И.Н. Лапин* использует понятие «гражданский консенсус» — поддержание действиями граждан правового порядка государства, где каждый чиновник, представляющий государство в своем лице, защищал бы права и свободы граждан.

Появление гражданского общества (прежде всего в Афинах и древнем Риме) произошло там, подчеркнула *С.С. Неретина*, где уважались собственность и право как основы жизнеобеспечения. Сам термин «гражданское» или «цивилизованное» общество, употреблявшийся еще Аристотелем (как союз свободных полисных людей), в полной мере может быть применим только к Новому времени с появлением принципа свободы и равенства для всех. В России же право никогда не обладало такой неукоснительностью, и до сих пор мы не можем говорить о российском обществе как об обществе независимых правовых субъектов. Прослеживая правовую ситуацию в стране в контексте ее недавней истории, *С.С. Неретина* обратила внимание на «двоеправие», характерное для советского прошлого, приведшее в конечном счете к «парадигмальной смене социального кодирования». Она заметила, что, начиная с конца 80-х годов страна пережила два революционных кризиса, повлекшие за собой ослабление действия фиксированного свода права (что является закономерным результатом всякой политической революции).

Выступающие говорили о трудностях, с которыми сталкивается формирующееся гражданское общество в современной России. С точки зрения *О.А. Ворониной*, намерение государства встроить НКО и НПО (некоммерческие и неправительственные организации) в вертикаль государственной власти и взять их под свой идеологический контроль (а значит, резко ограничить их эффективность) несет большую опасность для развития гражданского общества. К этой трудности добавляются еще и другие: закрепленное веками господство государства над обществом, недостаточная развитость гражданского самосознания, малочисленность и малая перспективность среднего класса как социальной основы становления гражданского общества, изменение роли СМИ в России.

В ряду явлений, противодействующих становлению гражданского общества, *Н.И. Лапин* выделил обусловленную российской историей этатическую культуру, которая, с одной стороны, поддерживается представлениями большей части населения (реакция на картину дикого капитализма 1990-х), а с другой, самими властными структурами, ищущими в выстраивании жесткой вертикали власти выход из опасности узурпации власти олигархическими кругами.

В.Н. Окатов (к. филос. н., проф., ТГУ), *А.В. Окатов* (к. соц. н., ТГУ) рассмотрели процесс становления гражданского общества в России на основании социологических исследований, проведенных в Тамбовской области. Анализ результатов ряда опросов, проведен-

ных в 2005 – 2006 гг. привел выступающих к выводу о неоднозначности роли НКО в развитии региона. В настоящий момент «третий сектор» находится в переходном состоянии от преимущественного решения проблем материального характера (благотворительные организации) к деятельности, направленной на удовлетворение духовных потребностей людей. Опрос среди студентов тамбовских ВУЗов продемонстрировал их недостаточную осведомленность о деятельности НКО (при достаточно верных представлениях о сущности и целях общественных организаций как таковых, только 25% имеют хоть какое-нибудь представление о работе конкретных общественных организаций.)

Еще одна тема, широко обсуждавшаяся на конференции, – **проблема гражданской и национальной идентичности.**

С точки зрения *В.Н. Шевченко*, кризис идентичности охватил всех российских людей, и объясняется отсутствием согласия в понимании того, что есть Россия. Докладчик предложил рассмотреть проблему идентичности в первую очередь в отношении к государству и государственности. В либеральном сознании утвердилось представление о необходимости полной смены «матрицы» российской государственности. Однако, с его точки зрения, необходимость подобной трансформации целостного социально-природного организма традиционного (имперского) типа теоретически не доказана, и практически неосуществима (под империей понимается «органическое единство природы-народа-государства-культуры»). Формирование новой государственной идентичности будет происходить под влиянием взаимодействия трех основных типов идей: идеи либерально-сословной империи, идеи независимого державного государства и идеи обновленного социализма XXI века. Наиболее вероятной моделью будущего общества станет неотрадиционалистское государство с сильной авторитарной властью, где будут интегрированы либеральные и социалистические ценности и институты.

Н.Н. Федотова предложила рассмотреть кризис идентичности не только как российский, но как глобальный социальный феномен, присутствующий во многих странах мира. Определив идентичность как самоощущенность (по С. Хантингтону, «смысл себя»), она отметила, что кризис идентичности возникает в обществе как результат разрушения прежней социальной структуры в ситуации неясности, отсутствии четких представлений о целях и путях существования своей страны, о том, какой она должна быть. *С.Г. Ильинская* (к.полит.н., н.с., ИФ РАН) обратила внимание участников конференции на недопустимость замены понимания идентичности как социо-культурного явления ее биологической интерпретацией: идентичность формируется человеком в течение всей его жизни, а не задается исключительно фактом его рождения. По ее мнению, практика спонсирования этничности, широко применяемая в Советском

Союзе и продолжающаяся по сей день, привела к расколу общества по этническим линиям. В настоящее время этноцентристское сознание продолжает оказывать определяющее влияние в обществе. Как результат — диктат этнических меньшинств, представляющих большинство на отдельно взятых территориях. Таким представлениям способствует продолжающий сохранять свое влияние в научной литературе примордиалистский подход.

По замечанию *И.Е. Козновой*, проблема национальной идентичности непосредственно связана с отношением к прошлому, с механизмами памяти — забвения. Самоидентификация всегда предполагает определенное видение своей истории, активного отношения к ней. «Преодоление прошлого», состоящее в его этической переоценке, преодолении забвения относительно «неудобных сторон» прошлого, принятии на себя ответственности за него, включая акт покаяния относительно трагических страниц советской истории, формирует ценностные основы нации, способствует ее духовному очищению.

И.Н. Сиземская акцентировала внимание на том вопросе, что гражданское общество не может формироваться без опоры на устои, сложившиеся в рамках национальной культуры. Она говорила о внутреннем противоречии, заложенном в самой природе гражданского общества: противоречие между национальным самосознанием и гражданским космополитизмом: человек приобщается к ценностям и нормам гражданского общества всегда как человек национальный. Напоминая о событиях последнего времени в Ираке, Израиле, Турции, Эстонии, докладчик заметила, что характер взаимодействий гражданского общества с государственной властью может становиться одним из факторов не только социального порядка, но и социальной нестабильности, провоцируя конфликтные ситуации, толкая государство часто на неадекватные меры во внутренней и внешней политике.

Национальное самосознание, отметила *В.Б. Власова* (к.ф.н., с.н.с., ИФ РАН), представляет собой часть исторического самосознания. Национальное самосознание во многом «определяет специфику социального творчества субъекта в каждом культурном регионе». В постперестроечной России представители единой культуры оказались в положении культурного противостояния, которое не дает, с одной стороны, увидеть общечеловеческие ценности в прошлой культуре, а с другой — мешает каждой отдельной культуре развиваться, выходя «за пределы догм «своей» культуротворческой практики».

С.А. Никольский обратился к теме российской ментальности. Он подверг критике представление о некоем едином субъекте российской ментальности, заметив, что здесь кроется определенная теоретико-методологическая неточность. Правильнее было бы говорить не о российской ментальности вообще, а об основных ее типах. Эти типы ментальности находятся в разных соотношениях друг с дру-

гом, у каждой из них своя история, их характеризует различная степень зрелости. При таком подходе может быть объяснено сосуществование, к примеру, ментальности декабристов и царя Николая I с его приверженцами.

Во многих выступлениях отмечалось, что становление гражданского общества в России предполагает *формирование новой системы ценностей*, новых культурных ориентиров, основанных на идеях свободы и равноправия. Говорить о гражданском обществе можно только в том случае, когда люди, составляющие его — граждане в подлинном смысле слова, неравнодушные к судьбе своей страны, способные активно участвовать в ее жизни, несущие ответственность за свои решения. И здесь особенно важна роль воспитания и образования.

В.М. Межуев обратил внимание на то, что люди должны не только обладать определенным материальным достатком и располагать свободным временем (что также является важным условием существования гражданского общества), это должны быть люди просвещенные и образованные. По его словам, современное гражданское общество формируется за партами школ и на студенческих скамьях, в результате образовательной и просветительской работы. **Н.И. Куяченко** (д. филос. н., гл. н. с., ИФ РАН) отметил, что воспитание в человеке гражданина своей страны должно происходить прежде всего в системе российского образования. Однако, сравнивая опыт многих западных стран, где воспитанию политической и правовой культуры уделены специальные образовательные дисциплины как в школе, так и в высших учебных заведениях, он отметил, что даже на филологических факультетах многих наших университетов нет курсов, посвященных политической культуре личности и общества.

Обращаясь к вопросу о зарождении идей гражданского общества в истории русской философской мысли, **А.И. Юдин** (д. филос. н., проф., ТГУ) посвятил свое выступление анализу философии народничества. Если философия Просвещения подготовила становление гражданского общества в европейских странах, то социальная философия народничества выполнила эту же функцию в России. В то время как в европейской философии с критикой гегелевской философии и марксизма выступал позитивизм, от лица русской мысли с такой критикой выступило народничество. С точки зрения докладчика, антропологизм народников, акцентирующий внимание на индивидуальности, ее развитии, свободе, продолживший европейскую просветительскую традицию, способствовал пробуждению гражданского сознания, подготавливая почву для становления гражданского общества.

С.Д. Домников посвятил свое выступление анализу понятия «традиционная норма». По его мнению, в отличие от правовой, заданной извне, традиционная норма имманентна обществу, находясь вместе с обществом в постоянном изменении. Она представляется

«живым импульсом органической ткани традиции, стягивающей общество в единое социальное тело, общественный организм». Конфликт (в крестьянском обществе разрешающийся в крестьянской ссоре) — нарушение космического порядка, поэтому требующий всеобщего участия. В ситуации конфликта норма «подлежит сценическому разыгрыванию». Традиционное право, в таком случае, выполняет не нормотворческую, а мифотворческую функцию.

И.В. Налетова (д.филос.н., проф., ТГУ) уделила внимание истории и современному состоянию высшего российского образования. По ее словам, устроенное по западной модели, высшее университетское образование в России, призванное воспитывать в студентах такие гражданские качества, как патриотизм, гуманизм, свободу выбора, внимание к человеческой индивидуальности, начиная со времени своего основания, закладывало основы социальности: в стенах первых российских университетов стали формироваться прообразы первых общественных организаций. Отметив активизацию студенческих движений в современных российских университетах, докладчица выделила две задачи: достижение гражданской свободы во всех сферах высшего образования и освобождение образовательного процесса от жесткого регламента сверху.

Подводя итоги конференции хочется заметить, что в результате ее работы был рассмотрен сам феномен гражданского общества и система понятий, его описывающая; механизмы формирования гражданского общества, культурные и ментальные факторы, способствующие и препятствующие его становлению в современной России; отношение к прошлому, настоящему и будущему в России и ценностные нормы гражданского общества; история описания и понимания гражданских процессов в России; а также многие другие, порой весьма парадоксальные, вопросы национального самосознания в становящемся гражданском обществе.

Сама тема конференции определила фокус рассмотрения проблемы становления гражданского общества в России: не только с правовой и экономической, но и с ценностной, нравственной точки зрения, как явления социокультурного. В связи с этим многие докладчики уделили внимание проблеме смены ценностных ориентиров, вызванной резкими социальными изменениями в стране, проблеме кризиса национальной идентичности, соотношению исторической традиции и новой ментальности в современном российском обществе.

Обобщение этих вопросов положило начало обозначению предмета обсуждения следующей конференции, которая проходила в Москве и Пензе в конце мая 2008 года: «**Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки**». Подробный обзор конференции будет опубликован в одном из последующих номеров журнала.

Наши авторы

Батов Виталий Иванович – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии.

Геворкян Артур Рудольфович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Кричевский Сергей Владимирович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры экологии и управления природопользованием РАГС при Президенте РФ, военный летчик 1-го класса, космонавт.

Кувшинов Сергей Викторович – кандидат технических наук, директор Института новых образовательных технологий и информатизации Российского государственного гуманитарного университета.

Муромцев Валерий Валентинович – кандидат технических наук, доцент кафедры МЭУ Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник.

Муромцева Анна Валерьевна – старший преподаватель кафедры МЭУ Российского государственного гуманитарного университета.

Неретина Светлана Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра методологии и этики науки Института философии РАН.

Россиус Юлия Геннадиевна – и.о. младшего научного сотрудника сектора философии культуры Института философии РАН.

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

Шмелева Наталья Дмитриевна – младший научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН.

Ярославцева Елена Ивановна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН, доцент кафедры истории науки Российского государственного гуманитарного университета.

CONTENTS

MODERNITY: TOPICAL ISSUES

Philosophy of Self-consciousness ■

<i>THE EDITORIAL</i>	Russian Self-consciousness: Ways of Development and Methods of Research	5
<i>K.H.E. MARINOSYAN</i>	National Self-consciousness in the Age of Globalization	9
<i>S.S. NERETINA</i>	Memorandum on Civil Society	23
<i>I.N. SIZEMSKAYA</i>	Messianism as a Form of Russian Self-consciousness	39
<i>A.R. GEVORKYAN</i>	Nationalism and Cosmopolitanism: Two Sides of Liberalism	53

PHILOSOPHY OF INFORMATION SOCIETY

Paradigms of the Digital World ■

<i>THE EDITORIAL</i>	Philosophical Problems of Post-nonclassical Practices	77
<i>Y.I. YAROSLAVTSEVA</i>	The Man's Communicative Strategies in Today's World	79
<i>V.I. BATOV, V.V. MUROMTSEV, A.V. MUROMTSEVA</i>	The Virtual Communication as a Culture Phenomenon	98
<i>S.V. KUVSHINOV</i>	Computer Networks and the Humanities: Historical Aspect	108
<i>S.V. KRICHEVSKY</i>	Airspace Space Activities in the 21st Century: Socio-Philosophical Analysis and Interdiscipline Forecast	127

SCIENTIFIC LIFE

Reviews, Announcements, and Other Information ■

<i>N.D. SHMELYOVA, Y.G. ROSSIUS</i>	The Problems of Russian Self-consciousness in the Context of Cultures Interaction	143
---	--	-----

■	On Our Authors	159
---	-----------------------	-----